

ГИЛЬДИЯ ПОЭТОВ В ЭМИГРАЦИИ

**СБОРНИК УДИВИТЕЛЬНЫХ
ТЕКСТОВ № 1**

Патриция Спытек; Мария Анищенко; Эльмира Ахмедова;
Надежда Бгословец; Екатерина Бочарникова;
Александр Вахитов; Андрей Власенко; Наталья Володько;
Стася Глинник; Елизавета Горбенко; Андрей Джером;
Владимир Еремейчук; Землит; Ваня Каменев; Анна Карпова;
Георгий Козловский; Александра Корончик;
Анастасия Котлинская; Алесь Круткин;
Лавров Максим (Женя Белик); Елизавета Матвеева;
Маргарита Минкевич; Барбара Морриган; Роман Осинский;
Дмитрий Разин; Анна Романенко; Ольга Самохина;
Роман Святославович; Анна Седышева; Александр Солдатенко;
Жанна Хабанова; Алина Шафикова; Анхела Эспиноса

Редакционная коллегия

И. Градов, кандидат наук

П. Спытек, доктор. наук

Электронная версия сборника доступна на сайте:

<http://ronik.org.pl/>

Сборник удивительных тестов № 1:

сб. текстов / отв. ред. И. Градов; Гильдия поэтов в эмиграции. – Варшава, 2017.
– Вып. 1. – 284 с.

Сборник текстов участников литературно-музыкального проекта «Гильдия поэтов в эмиграции». Адресован всем, кто интересуется актуальной художественной литературой, созданной на пограничье славянских культур.

Redaktor prowadzący: Agata Piedziewicz

Projekt okładki: Krzysztof Galus

Fotografia na okładce: jcomp/Freepik

© Коллектив авторов, 2018

© Copyright by Wydawnictwo Adam Marszałek

Wszystkie prawa zastrzeżone. Książka, którą nabyłeś, jest dziełem twórcy i wydawcy. Żadna jej część nie może być reprodukowana jakimkolwiek sposobem – mechanicznie, elektronicznie, drogą fotokopii itp. – bez pisemnego zezwolenia wydawcy. Jeśli cytujesz fragmenty tej książki, nie zmieniaj ich treści i koniecznie zaznacz, czyje to dzieło

Toruń 2018

ISBN 978-83-8019-967-5

Wydawnictwo prowadzi sprzedaż wysyłkową:

tel./fax 56 648 50 70, e-mail: marketing@marszalek.com.pl

Wydawnictwo Adam Marszałek, ul. Lubicka 44, 87-100 Toruń

tel. 56 664 22 35, 56 660 81 60, e-mail: info@marszalek.com.pl, www.marszalek.com.pl

Drukarnia nr 2, ul. Warszawska 54, 87-148 Łysomice, tel. 56 678 34 78

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Только мы – лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно.

«Пощёчина общественному вкусу», Д. Бурлюк, Александр Крученых, В. Маяковский, Виктор Хлебников,

Москва, 1912. Декабрь

Наверное, нет ни одного человека в мире, который бы не познал радость творчества. К самым любопытным случаям созидания прекрасного относится радость совместного творчества представителей разных культур, разных – как это иногда принято говорить – бэкграундов и разных мироощущений.

Часто новое творческое решительно отрицает прошлое во всех его контекстах, формах, образах. Часто новое творческое решительно пренебрегает действительностью – изобретая новые миры, ведомые в неизвестное своими собственными принципами и нормами. В поисках своего пути находят и наши авторы.

Сборник текстов, который Вы, дорогой читатель, держите в руках – результат творческого усилия совершенно разных людей уникального культурного и социального опыта. Вызов действительности – конструирование собственного мира – успешно брошен: берите, читайте!

Развивая знаменитый лозунг «каждый может быть поэтом, каждый обязан быть поэтом», мы призываем каждого творить: радость созидания преодолевает возможную горечь неудовлетворённости от повседневности.

Составители

PRZEDSŁOWIE

Tylko my sami jesteśmy twarzą naszej Epoki. Róg czasu wybrzmiewa naszą sztuką werbalną. Przeszłość trzeszczy w szwach.

„**Policzek powszechnemu smakowi**”, Dawid Burluk, Aleksiej Kruczonych, Władimir Majakowski, Wiktor Chlebnikow,
Moskwa, grudzień 1912 roku.

Z pewnością nie ma na świecie ani jednego człowieka, który nie zaznał radości tworzenia. Do najciekawszych przykładów kreowania piękna należy radość płynąca ze wspólnego tworzenia przez przedstawicieli różnych kultur, różnych – jak zwykle się mawiać – środowisk i różnych postaw życiowych. Często nowy rodzaj sztuki zdecydowanie odrzuca przeszłość we wszystkich jej kontekstach, formach i obrazach. Nierzadko nowa wypowiedź artystyczna niewzruszenie lekceważy rzeczywistość stwarzając (według własnych zasad i sposobów) nowe – znane i nieznanie – światy. Nasi autorzy także poszukują własnej drogi. Drogi Czytelniku, zbiór tekstów, który trzymasz w dłoniach, jest rezultatem twórczych zmagania różniących się i mających odmienne kulturowe i społeczne doświadczenie ludzi. Wyzwanie rzeczywistości – budowa własnego świata – zostało z powodzeniem odrzucone, tak więc bierz i czytaj! W myśl zasady: „każdy może być poetą, każdy winien być poetą” zapraszamy do artystycznej samorealizacji, gdyż radość tworzenia pokonuje możliwą gorycz niesatysfakcjonującej nas codzienności.

Pomysłodawcy

**ПОГРАНИЧЬЕ ТЕКСТОВ,
КУЛЬТУР, СМЫСЛОВ**

Patrycja Spytek

Wydział Lingwistyki Stosowanej
Uniwersytet Warszawski

SPECYFIKA TŁUMACZENIA ARTYSTYCZNEGO

Literatura piękna jest osobliwym sposobem odzwierciedlenia i poznania rzeczywistości, komunikacją między autorem i czytelnikiem. Pisarz zwraca się do odbiorcy wykorzystując specjalny rodzaj języka. Komunikaty przepełnione są tropami stylistycznymi, figurami słownymi, metaforami, swego rodzaju „metajęzykiem”. Nadrzędną zaś funkcją wypowiedzi autora jest estetyczny i ekspresywny przekaz. Słowa będące częścią wypowiedzi artystycznej oprócz swego znaczenia podstawowego, zawierają treści dodatkowe, ukryte, zamaskowane, różnego rodzaju konotacje mogące wyrażać emocjonalne napięcie, ekspresję, obrazowość, czy też ocenę.

Wszystko to wynika z różnorodności stylistycznej danego języka narodowego. Ze względu na funkcje wypowiedzi język ogólny dzielimy na: potoczny (wykorzystywany w codziennej komunikacji), urzędowy (powszechnie stosowany w aktach prawnych oraz oficjalnej komunikacji biznesowej), naukowy (stosowany w rozprawach naukowych a także w podręcznikach akademickich), publicystyczny (zarezerwowany dla sfery medialnej) oraz literacki.

Ten ostatni dedykowany jest wypowiedzi artystycznej i niewątpliwie stanowi prawdziwe wyzwanie nawet dla najbardziej doświadczonego tłumacza. Przekład artystyczny jako aktywność

językowa jest konsekwencją narodzin piśmiennictwa i powstania pierwszych tekstów literatury pięknej. Jednakże nad samym problemem przekładu jako sposobu komunikacji międzykulturowej zaczęto intensywnie myśleć dopiero pod koniec XX wieku. Należy wszak pamiętać, iż jest ona największą trudnością i bolączką w pracy translatorskiej. Tłumacz jako współtwórca danej wypowiedzi artystycznej odpowiada za komunikację między nadawcą (autorem tekstu wyjściowego) a odbiorcą (w tym przypadku czytelnikiem powstałego tłumaczenia). Należy pamiętać, iż przekład artystyczny pełni funkcję pośrednika wśród literatur narodowych, i co ważniejsze pełni „misję” łącznika odmiennych kultur narodowych. Dzięki temu powstaje tzw. literatura światowa, przy pomocy której narody wzbogacają swoją wiedzę na temat kultury innego państwa, poznają ich tradycje, obyczaje, system wartości i historię. Mistrzowsko wykonane tłumaczenie stwarza warunki do dialogu między autorem a czytelnikiem, czyli między nosicielami dwóch różnych języków i dwóch różnych kultur. Dzięki temu czytelnik zaczyna postrzegać kulturę języka wyjściowego już nie jako „odmieńca”, wroga, dziwaka lecz jako „innego” który w dużej mierze staje się mu bliski, którego toleruje i do którego odnosi się z szacunkiem.

Kolejnym niezwykle ważnym punktem w pracy nad tekstem artystycznym jest osobowość autora – pisarza – i osobowość tłumacza. Światopogląd pisarza (jak i każdej innej jednostki ludzkiej) kształtuje się na bazie wartości moralnych (etycznych), w których był zanurzony i które zaadaptował, przyjął jako swoje w procesie kulturowej socjalizacji. Utwór literacki jest więc sposobem wyrażenia osobowości autora, autoekspresją, zwierciadłem kultury. W przypadku tłumaczenia artystycznego możemy mieć do czynienia z dwoma podstawowymi typami tłumacza: tłumacz – rywal autora oryginału, który w sposób jawny ekspozuje swą artystyczną niezależność i tłumacz – pośrednik, którego osobowość zbliżona jest do osobowości autora, bądź tłumacz podporządkowuje się osobowości pisarza nie tłumiąc jego autoekspresji. Pierwszy typ tłumacza prowadzi bezpośrednio do

powstania quasi-tłumaczenia. W rzeczy samej kategoria typologii tłumacza jest zjawiskiem trudnym do określenia, ponieważ na osobowość tłumacza ma ogromny wpływ jego własne życiowe doświadczenie. Dlatego też z reguły analizy tłumaczenia dokonuje się pod kątem stosowanych przez tłumacza strategii tłumaczeniowych.

W przypadku literatury pięknej (zwłaszcza poezji) najczęstszym problemem jest nieprzekładalność. Ona warunkuje konieczność wyboru odpowiedniej strategii tłumaczeniowej, która pozwoli dokonać transpozycji z języka wyjściowego na język docelowy. Do najczęściej wymienianych przez teoretyków należą: zapożyczenie, kalka, substytucja, transpozycja, modulacja, ekwiwalencja oraz adaptacja. Wybór danej procedury translatorskiej jest sprawą subiektywną. Zależy od predyspozycji tłumacza, jego warsztatu pracy, doświadczenia, zdolności, a także od stopnia złożoności tekstu wyjściowego oraz różnorodności kulturowej. Taki stan rzeczy powoduje, iż konkretny utwór literacki może mieć kilka wariantów tłumaczenia, czego świetnym przykładem jest powieść *Mistrz i Małgorzata*.

Tłumacz literatury pięknej w swej pracy napotyka wiele barier i przeszkód. Nie wystarczy po prostu dobrze znać język wyjściowy. Należy odczytywać ukryte znaczenia, metafory, „złamać” szyfr autora. I tu dochodzimy do bardzo ważnego aspektu, a mianowicie talentu literackiego autora przekładu. Tłumacz podejmujący się przekładu artystycznego w dużej mierze winien posiadać predyspozycje literackie. Władać lekkim piórem, jego język winien być różnorodny i plastyczny. Nie dziwi więc, że najlepsze tłumaczenia literatury pięknej zazwyczaj są dziełem pisarzy.

Wychodząc naprzeciw postanowiliśmy przeprowadzić eksperyment translatorski. Kilku studentów Instytutu Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej specjalizujących się w tłumaczeniach stosowanych przez kilka tygodni pracowało nad przekładem poezji współczesnych rosyjskich poetów zamieszkujących w Warszawie. Celem projektu była wspólna praca autora i tłumacza, co z założenia miało przyczynić się do powstania tłumacze-

nia „doskonałego”. Stworzona sytuacja wydawała się być niemal idylliczną, ponieważ rzadko kiedy tłumacz może bezpośrednio komunikować się z autorem tłumaczonej przez siebie poezji i wspólnie odkrywać zawołowane sensory i znaczenia. Przeprowadzony eksperyment zakończył się sukcesem. Powstało kilka niezwykle ciekawych przekładów. Z góry trzeba zaznaczyć, iż liryki, nad którymi pracowała młodzież, nie należały do najłatwiejszych.

Twórczość Aliny Szafinkowej charakteryzuje dojrzałe pióro, spod którego wyłania się obraz ulotności bytu, przemijania oraz śmierci. W kreślonym przez siebie pejzażu uczuć autorka stosuje paletę pełną subtelnych barw i emocji. Jej wiersze cechuje empatia, troska o los człowieka oraz sprzeciw wobec brutalności świata. Ponadto poetka stosuje ciekawe chwytów formalne. Kompozycja wiersza *Оczy (Глаза)* oparta jest na wyliczance. Piętrzące się rzeczowniki rodzaju żeńskiego przypominają werble lub marsz. Pozwoliło to zbudować odpowiednie napięcie oraz nadać swoiste tempo. Liryk składa się z sześciu czterowersowych zwrotek. W każdej z nich trzy pierwsze wersy zamyka rzeczownik rodzaju żeńskiego, którego forma mianownikowa zakończona jest sufiksem -ость. Tłumacz – co jest wielkim plusem – pozostał wierny tej formie. Wybór takiej strategii tłumaczeniowej był także podyktowany możliwościami języka polskiego. W gramatyce języka docelowego odpowiednikiem sufiksu -ость jest sufiks -ść. Dokonując przekładu na język niesłowiański, tłumacz zmuszony byłby zastosować inne narzędzie translatorskie.

Warto poddać analizie zwrotek trzecią. Podmiot liryczny wskazuje, iż pod powiekami zamkniętych oczu znajduje się tyle przeżyć i doświadczeń, których wystarczyłoby na materiał wielu książek. Autorka wylicza gatunki literackie, którym przypisuje określone przywary ludzkie:

О сокрытом за ними можно писать и повести,
И рассказы о преданности и совести,
И романы о страсти и гордости,
И о потерях плач...

Tłumacz, aby zachować rytm, odchodzi nieznacznie od oryginału. Nie powoduje to jednak zmiany sensu ogólnego. Słowa „oddanie” i „sumienie” mają inną strukturę gramatyczną niż w języku wyjściowym. Tłumacz zmuszony był znaleźć ekwiwalent zawierający sufiks -ść. Dlatego też w przekładzie pojawia się nieobecna w oryginale „treść”.

O tym, co kryją mogą powstać powieści
O oddaniu oraz sumieniu w treści,
O wielkiej dumie i namiętności,
A o utratkach wiersz...

W tekście wyjściowym trzecią zwrotkę zamyka werset: „И о потерях плач...”. Ma on szeroki kontekst kulturowy. Odnosi się do niezwykle ważnego dla całej kultury słowiańskiej utworu *Słowo o wyprawie Igora*, w którym pojawia się *Placz Jarosławny*. W wierszu tytułowa Jarosławna ubolewa – lamentuje z powodu straty męża. Występujące w oryginale słowo „плач” wywołuje u czytelnika bezpośrednio skojarzenie z tym właśnie utworem i jednocześnie sygnalizuje zmianę rodzaju literackiego. W przekładzie konotacja ta została zatracona. Nie umniejsza to jednak jakości przekładu ani kompetencji translatorskich tłumacza, gdyż dla polskiego odbiorcy, który z założenia nie zna biegle języka i kultury rosyjskiej, nie wiele powie wymieniony wyżej utwór literacki. Natomiast zamiana na słowo „wiersz” wywoła skojarzenia np. z trenami, które są utworami żałobnymi i powstają na skutek straty.

Niewątpliwie wielu trudności dostarczył przekład innego wiersza Aliny Szafinkowej – *Протуберанцы*. Tytuł dla tego liryka stanowi punkt wyjścia, źródło ukrytych sensów. Jest symboliczny i ściśle wiąże się z treścią. Termin *протуберанцы* wywodzi się z łaciny i w języku polskim funkcjonuje jako *protuberancje*, czyli wysoki słończne. Protuberancje są strukturami widocznymi ponad słońcem, powstają w wyniku zachodzących na powierzchni słońca zjawisk i są krótkotrwałe. Ich byt jest ulotny. W starciu ze słońcem są „marnym puchem”. Autor przekładu

zapropował czytelnikowi nieznającemu języka wyjściowego tytuł *Turbulencje*. Różnice w tych dwóch zjawiskach są kolosalne. Taka zmiana tytułu spowodowała utratę metaforycznego jego wydźwięku.

Jak wynika z powyższego, przekład poetycki jest szczególną sztuką, działalnością artystyczną. Nie można nadać mu przydomka „rzemiosła”. Należy do tych aktywności twórczych, które wymagają skupienia i talentu a ponadto ogromnej wiedzy i kompetencji językowych.

Алина Шафикова

ГЛАЗА

Помни, сухие глаза не выносят резкости,
Они слишком устали от пыли-колкости.
Не хватает порой им стойкости
Ко всему вокруг.

Посмотри, сколько в них боли-горести,
Им уже не до нежности или скромности,
Даже смелости или доблести.
Им вообще уже просто не...

О сокрытом за ними можно писать и повести,
И рассказы о преданности и совести,
И романы о страсти и гордости,
И о потерях плач...

Кто-то скажет, слепы они уж от старости,
От того, что видели море гадости.
Или прикрыты, так, от усталости,
Но они-то зрят.

Они уже не замечают фальшивости,
Этого гнилья, этой вшивости.
И только поиск наивности
Придаёт им сил.

Вера в то, что за пеленой этой самодовольности,
Этой похоти-страсти и непокорности,
За воротом пальто-условности
Прячется Человек.

Alina Szafikowa

OCZY

Pamiętaj, suche oczy nie znoszą ostrości,
Wyczerpane masą pyłów, ciętości,
Brak im czasem cierpliwości
Do wszystkiego wokół

Spójrz, ile w nich smutku, żalości,
Wyprane z czułości oraz skromności,
Nawet odwagi oraz śmiałości,
Wyprane po prostu...

O tym, co kryją mogą powstać powieści
O oddaniu oraz sumieniu w treści,
O wielkiej dumie i namiętności,
A o utratach wiersz...

Ktoś powie – oślepy ze starości,
Bowień ujrzały bezmiary podłości,
Lub się zmrużyły ręką sennaści,
Lecz one widzą

Bo nie dostrzegą już nikczemności,
Całej zgnilizny i ludzkiej małości,
Jedynie szukanie naiwności,
Dodaje im sił

Wiara w to, że za maską hardości,
Nieumiarkowania, pożądlności,
Pod połami płaszczą umowności
Skrywa się Człowiek.

Напиши обо мне свою грустную песню,
Расскажи, как бежала я в ситцевом платье
По полю, где вкусно пахло полынью,
Разноцветие трав так пестрило убранством.

Собирала я лютики, клевер, ромашки
И вплетала себе одуванчики в косу,
А тебе васильки приколола к рубашке, –
Они больше подходят, чем всякие розы.

Над поляной, жужжа, пролетали стрекозы
С крыльями, будто бы из целлофана,
И по платью из ситца оттенка мимозы
Божья коровка ползла и взлетала.

А потом ты играл мне на старой гитаре
Колыбельную ветра и что-то из Цоя.
Солнце горело, как край у сигары,
К нему поднимал ты свои цвета моря.

Напиши ты о том, как горели зарницы,
Как сверкали глаза и пылали ланиты.
Все моменты остались в надёжной гробнице,
Их закрыли навеки тяжёлые плиты.

А потом поле то занесло суховеем...
Солнце выжгло узоры на сердце твоём.
Лёгкий ветер принёс шёпот, тихо повеев,
Что на свете умрёт всё, но мы не умрём.

Васильки те хранятся в какой-то из книжек,
Если честно, ты даже не помнишь, в какой.
Знаем оба, зачем ты вернулся, поникший, –
Чтоб душе наконец-то моей дать покой.

Ведь в руках у тебя в жёлтой тряпке коробка,
Из которой развеять ты пепел пришёл.
Не смотри на неё так тоскливо и горько,
Ты же музу для песни печальной нашёл...

Napisz o mnie piosenkę ze smutnymi słowami,
Opowiedz, jak biegłam w zwiewnej sukience
Po polu, tak pysznie pachnącym ziołami,
Okrytym pstrokatym, roślinnym ubraniem.

Tam jaskry, koniczynę, stokrotki zbierałam
I spletałam sobie wianek z mleczami,
Tobie do koszuli przypinałam bławatki,
Tak było ładniej, niż z jakimiś różami.

Na polanie, gdzie brzęczały owadów głosy,
O skrzydłach zrobionych niby z folii,
Po perkalu sukienki koloru mimozy
Biedronka w górę się pięła powoli.

A potem zagrała twa stara gitara
Melodię wiatru i piosenkę z dawnych lat,
Słońce płonęło, jak koniec cygara,
Za nim wzniosłej swe morskie barwy w ślad.

Napisz tam również o blasku mgławic sile,
O tym, jak płonęły oczy, pały oblicza,
O chwilach ukrytych w głębokiej mogile,
Którą ciężko przykryła szara tablica.

Potem to pole owiało wiatrem suchym,
Słońce opaliło twe serce płomieniem,
Łagodny wiatr nawiał szept lekkim podmuchem,
Iż ten świat umrze, lecz my nie umrzemy.

A bławatki ukryłem między stronami
Książki, gdzieś tam, na zapomnianym regale.
Wiem, czemuś tu wrócił z czarnymi myślami –
By przynieść mi spokój, którego szukałam.

Trzymasz owinięte na żółto puzderko,
Z którego rozwiejesz szare popioły,
Nie patrz na nie tak smutno, tak cierpko,
Przecież znalazłeś swą mużę niedoli.

ПРОТУБЕРАНЦЫ

Бесформенное черное пятно,
Расплывчатый безликий силуэт.
Ты знаешь, для меня ты здесь никто,
Но я пишу тебе и жду ответ.

Поведай мне про лёгкость бытия,
Скажи, как мы ничтожны и малы,
Поспорь и назови меня «дитя»,
Которому все знания не даны.

Открой вселенной тайны и загадки,
Те двери, что закрыты на замок,
Я знаю, между нами всё не гладко,
Но для молчанья это не предлог.

Под сводчатым и бархатом покрытым
Небесным куполом в былые времена
Случилось то, что мнят сейчас забытым,
Что разгадать стараются все зря.

Порой нельзя такую вещь святую,
Как истина, доверить никому,

А мы с тобой, чужие друг для друга,
Всё знаем, словно стражники в раю.

Пойдём по миру дальше, как скитальцы,
Везде свои, но чуждые мирам,
Мы здесь вдвоем с тобой протуберанцы,
К чьим палец ангел приложить забыл губам.

TURBULENCJE

Bezkształtna, ciemna plamo w nocy,
Rozmyty, bezimienny kształcie.
Choć jesteś mi kompletnie obcy,
Opowiedz mi, proszę, otwarcie.

Napisz, proszę, o zmartwień braku,
Opowiedz o naszej marności,
Zakrzycz, zbesztaj i zawołaj: «Dzieciaku,
Kiedyś to pojmiesz, tylko dorośnij!»

Odkryj wszechświata sekrety, zagadki,
Rozsuń kotarę wszelkiego zwątpienia,
Choć między nami nie jest gładko,
Nie jest to warte owego milczenia.

Pod strzelistą, aksamitem usłaną
Kopułą niebios w dobie, hen, dawnej
Było coś, co potem zapomniano,
I co nie wraca w ludziach pamięci marnej.

Bo czasem nie wolno rzeczy tak świętej
Jak prawda zawierzyć nikomu,
Zaś my, będąc wobec obcy całkiem
Wiemy wszystko, jak straż rajskiego domu.

Ruszamy po świecie w dalekiej włości,
Wszędy swoi, choć obcy zarazem,
Jesteśmy tutaj jak dwie turbulencje,
Nie ujęte anioła cichym rozkazem.

Автор: Алина Шафикова

Алина Шафикова или просто Девочка из Челябинска. Приехала в Варшаву после школы, когда мне было 17 лет. В сером бетонном городе хотелось какой-то лёгкости и свободы. В какой-то момент попала на одну из встреч Гильдии Поэтов в Эмиграции и влюбилась в атмосферу и людей. Стихи для меня – это способ выражения собственных мыслей и наблюдений. Каждое произведение – это маленькая история, созданная из одного образа, момента или слова.

Переводчики:

Роберт СКНАДАЙ (р. 1992)

Уроженец Варшавы, корнями из семьи польских киевлян. Выпускник Варшавского университета, переводчик русского и украинского языков.

Паулина ЛЕВЧУК-СКАДАЙ (р. 1989)

Корнями из восточной Польши, из смешанного православно-католического региона Подляшье. Выпускница Варшавского университета, филолог-полонист, в настоящем аспирантка на факультете полонистики Варшавского Университета.

Александр Солдатенко

СОПОТ

Прохладный, чуть солёный бриз,
крикливых чаек вереницы,
обрыв, бегущий к морю, вниз –
мне будут сниться.

Укрывшийся туманом пирс,
столбов фонарных тени-спицы
и мокрый от дождя карниз –
мне будут сниться.

Окно в покато потолке
и скрип просохшей половицы,
раскат прибоя вдалеке –
мне будут сниться.

Холодной ночью в сентябре,
за две минуты до рассвета
мне в пенно-лунном серебре
приснится лето.

5 сентября 2017, Варшава

SOPOT

Chłodna i lekko słona bryza,
krzykliwych korowody mew,
i klif biegnący wprost ku morzu –
to będzie mi się śnić.

Mgłą pomost gęsto otulony,
słupów latarni ostry cień,
od deszczu mokre balustrady –
to będzie mi się śnić.

I okno w skośnym dachu,
i suchych desek skrzyp,
pomruk przyływu w (od)dali –
to będzie mi się śnić.

Chłodną wrześnieią nocą,
gdy już nadchodzi świt,
w pieniście-księżycowym srebrze
lato się przyśni mi.

Автор: Александр Солдатенко

Поэт, музыкант, переводчик. В 2016 году в Варшаве вместе с Софи Тумановой основал «Гильдию поэтов в эмиграции». Публиковался в газете белоруской диаспоры в Нью-Йорке «Беларус», в минском ежемесячнике «Маладосць» и в московском альманахе «Литературные знакомства». В 2018 году стал региональным куратором международного фестиваля «Всемирный день поэзии» в Варшаве. Участник и организатор нескольких музыкальных проектов.

Переводчик: Роза Кохановска

**ГИЛЬДИЯ ТЕКСТОВ, КУЛЬТУР,
СМЫСЛОВ**

Мария Анищенко

ВПЕРЁД СПИНОЙ

Я еду спиной вперёд.
А может, это назад?
Поговори со мной.
Ну поговори со мной.
Я только тебе рад.

Я видел в окне дома
и много на них окон.
Но в первый раз на окне
я в капле увидел дом.
Кривые окна на нём,
на гибкой его стене
запятнаны тоже дождём,
которого капли меня
кривую покажут мне.

Но ты говоришь, фигня,
бывало такое с тобой.
Скептически мотаешь своей
красивую головой.
А я тупею, любя,
и вижу сплошной свет.
Ты видишь его, нет?
Поговори со мной.

Я слышу, как мокрый асфальт
хрустит под твоим каблуком.
Я открываю мир,
который тебе знаком.

Ах, если бы ты услышал
эхо знакомых фраз,
Если бы ты заметил
то, что видел не раз...

В сердце сквозил бы ветер.
Ты бы с улыбкой голой,
самой нелепой на свете
кверху задрал бы голову.

Я вижу тебя как свет
и еду вперёд спиной.
Поговори со мной.
Ну поговори со мной.
Ты видишь меня, нет?

МУЗЫ КАК ШЛЮХИ

Прошлой весны
сказки и сны
мы повторяли молитвой.
Оглохли.

Мы стали былью быта,
как стали бы
Бони и Клайд,
если б не сдохли.

Нам бы с тобой
уйти
счастливыми,
тесно скрепив
руки и губы.

Музы как шлюхи.
Весна.
Мы живы.
Сегодня ты снова
кого-то
любишь.

Не приставай, мужчина, к пьяной даме:
Ты не умеешь к пьяным дамам приставать.
Полураскрытыми, вульгарными губами,
Возможно, хочется ей что-то рассказать.

Прослушать даму и обнять покрепче,
шептать на ушко пламенные речи
про Незнакомку Блока,
шею, плечи,
как в песне Сплина,
целовать...

Мужчина,
ты бедный, глупый, жалкий в этот вечер.
И руки не настойчивы, а грубы,
навязчивы твои чужие губы,
упрёк в твоих глазах и спесь в крови,
а пьяной даме хочется любви.

Эльмира Ахмедова

Когда упадет последний листок с зеленой мяты,
Чайник покроется ржавчиной и сгорит,
Пыль пронесется по стопкам писем бумажных,
Ты все же еще не будешь забыт.
Дороги покроют новым слоем отборной кладки,
Зимние шины уйдут в холодный гараж,
Ветер закинет корабль рутинный
Не в воду, но все же на абордаж.
Коллайдер столкнется с сонной Землею,
На небе ночью зажжется свет,
Маленький принц, ты такой одинокий.
Роза иллюзия. Розы здесь нет.

Мы кричали с тобой о любви,
Говорили о вечности счастья,
Но клялись в пустоту, не о том.
Бог свидетель, мы правы отчасти.
Стало проще уйти от проблем
В туман дыма своей папиросы.
Очень странно, не мальчик совсем,
А все так же бежишь от угрозы.
И в то время, когда гул страстей,
Изгнал совесть за двери квартиры,
Стало ясно, что кроме теней –
Ничего нет в твоём бренном мире.
И пролился свет наконец на
Всю низость твоей жалкой власти:
Лишь на людях играл королей –
Дома же – приклонялся страсти.
Свет рассеял густой туман.

Прояснилось и смысла не стало.
Непосильная ноша любви да упреки –
Вот все, что осталось

Страстные – оставляют царапины на спине,
Остывшие – осколками разбитых тарелок шрамируют души.
Есть только два пристанища на земле:
Океан или суша.

Юные сразу в воду,
за жемчугом, за акулой.
Бывалые точно знают,
страсть и любовь две дуры.
Кто-то утонет сразу,
кого-то вернут на скалы,
Доплывшие до глубин
..ни разу не выживали.

Рискнувшие раз – помашут рукой с берега,
Помня как это было, войдя лишь по колена.
Есть только одна истина на земле:
Океан – навсегда, любовь же на время.

Ты – тюрьма моя
И мне по тебе пожизненный
отматывать,
Слезы реками сглатывать
В моей закрытой камере
Не рамами,
А портретами..
Наложи вето и на это!

За закрытой дверью
Свет от лампы –
Молюсь, а не надо,
Поздно – одержима серьезно.

Ты – мой тюремщик,
Мой ключник,
Узник и власть подсознания,
Отправь же скорей на дознание!

Где Бог, сняв показания,
Признает мою невиновность.
Где боль, канув в томность,
Научит снова дышать без тебя
А пока...

Мне уже не 16 мама,
Когда верилось, что в 18
Я поставлю мир на колени.
Смешно, ведь мне уже двадцать.
В моей жизни остались качели:
Подвесные, чтобы до солнца,
Но все чаще на балансирах,
И большее присест дается.

Было время, нутелла ложками,
А сегодня – глютен, органика .
Мама, веришь, душа все помнит
И ночами молюсь на пряники.
Взгляд все жестче, слова острее,
Назовем это «эволюцией»,
Но с собой нужно быть честнее:
Дань взрослению – проституция.

И сегодня, платя по счетам,
За свой счет утоляя слабости,
Я взываю к вам, дети, к вам:
Цените детские радости.

День неправильных поворотов,
Промокших до ниточки тел.
У природы на час по 10 переворотов.
У стихий полный порядковый беспредел.
Ливнем залиты непокрытые остановки
Ночных мотелей, дешевых будней.
Простужен голос для маскировки
Прогнивших ложью холодных дней.
Проигран бой порокам перед мечтой,
Квартирные стены чернее ночи,
И как не хотелось стать святым иль святой,
В итоге, слагай сонеты, да покороче.
Подбитый голубь в холодном небе
Уже никогда не доставит тебе письмо;
Без разницы, откуда шел и куда же ехал
Важно лишь то, куда тебя занесло (!)

Сердца стенки отдают холодом сильней кафеля.
В беспросветном фойе грезит солнцем завядший вазон.
Черный кофе из гущи создал твою биографию,
Не сказав ничего про душевный притон.

В этой комнате нету мебели, в ней царит закон пустоты.
Посреди одинокое кресло ждет своего хозяина.
Дождь и дым в темноте воссоздали твои черты,
Слепив фреску из стекол разбитого мироздания.

На запыленных подмостках театра душевных теней
Звучит классика из альбома скребущего самокопания.
Только Богу известно, как устал одинокий зверь
Трепыхаться в петле вечного ожидания

Музыкальные пальцы по ребрам
Словно по клавишам
Набивали ритм осенней хандры,
Сколько злились они, раздирая
Спину, чтоб дойти до души.
Фонари счастливых домов напротив
В ритме танго сменялись огнем свечей;
Кто-то весело время проводит,
Ну а кто-то, ждет своих палачей.
Тихий омут давно покинули черти,
Есть темницы куда мрачней черной тьмы.
Кто-то скажет, что время идет и проходят
Муки, что гниют в катакомбах души.
Это все – беспощадный бред оптимизма.
Не уходят, все там же гниют из глубин.
Сколько тел повидали кровати,
Силуэт лишь бессменно один.

Когда нежный прибрежный ветер
Ворвется в бунгало теплым шепотом в сонные уши,
Лучи солнца заполнят собой грустный сон,
Там, ступая по желтому кафелю суши,
Станет в миг однозначно «на все».
Когда белые ноги выкинут
Простыни в ссылку с кровати на пол,
Запах терпких папайя и свежесжатых соков ворвется ко
мне на террасу,

И, вдыхая глотками, жадно впиваясь во все,
Я тебя здесь не вспомню ни разу.
Когда солнце вдруг станет привычнее кофе,
Загар легкой дымкой обнимет уставшее тело, а
Ванну заменит бездонный колодец соленой воды,
Здесь, на новых волнах, не услышу
Крик души и ...тебя.
Не зови.

Надежда Богословец

(написано после посещения концлагеря Освенцим)

Обед молчания даю!
Навеки в тишине!
Минута – это слишком мало,
Чтоб вспомнить о войне...

И потому опять вокзал.
Вагоны. Суета.
Я еду прямо в царство зверя –
Неведомо куда...

Я вышла на конечной станции,
На проклятой земле.
И оказалась в старом городе,
Стоящем на золе.

Там были каменные блоки,
Скелеты на полу,
Скелеты изредка вдыхали
Зловонную золу.

Там были злые офицеры
И бешеные псы.
Скелеты восклицали «Верую»
Когда им зашивали рты.

И печи пасть свою разинув
Сжирали их тела.
Скелеты восклицали «Верую»,
Но лишь стучалась мгла.

Там женщин, безнадежно старых,
Остригли, как солдат.
А на рассвете голых, мёртвых.
Отправили на «склад».

Телега до краёв набита,
Ей в след сто тысяч глаз...
И только шёпот:
«Мама... я верую за нас...»

Когда я уходила мальчик,
Мне помахал рукой.
– Ты кто такой?
– Я Яша. Останешься со мной?

Такой смешной. Чумазий.
Босой. И в номерке.
– Идём скорее за ограду,
Умоешься в реке.

Малыш в тревоге отступил:
– Я не могу уйти...
– Идём же, не упрячься Яша!
– Я не могу... Прости...

И был закат необычайный...
И старый город весь в огне...
И среди тысяч фото на стене,
Знакомый мальчик улыбался мне.

Я знаю, когда умирает любовь...
Когда, будто некуда деться...
Тогда ты сбегашь. Спешешь на вокзал.
Лечить изменившее сердце.

И тысячи слов в моей голове,
А я промолчу... До свиданья...
Поехали... Поезд скулит, словно пёс,
Виляет хвостом на прощанье.

И длинный, и узкий, как змей коридор,
И тамбур, похожий на ад.
А небо такое же, серое.
Пол жизни колеса стучат.

Я знаю всё... Я знаю, что ты рядом.
Когда пройдёшь, как тень, в моём саду,
Качнёшь калитку – скромная награда
Моей любви. Не долго ли я жду?

Там, у пруда покрытого осокой,
Мы говорили о больших делах.
Но отчего ты стал таким далеким,
Как этот лебедь белый в облаках?

Моя любовь будет жива до срока,
Она, как солнце яркое в лучах.
Ещё чуть-чуть, ещё совсем немного,
И скроется то солнце в облаках.

Белый лебедь
Это было, и вправду давно...
Много снега. Зима. Причал.
На снегу лежал белый лебедь,
Головой качал.
Я не знал, что тебе ответить,
Я уже ничего не знал.

Я безмолвно, как этот лебедь,
Лишь крылом махал.
Ты плыла в этом жалком судне.
Уплывала всё дальше... Прочь...
Ты смотрела, так неподвижно.
Холодной становилась ночь.
Так поникла, как будто в цепях...
И, такая могильность лица.
На снегу лежал белый лебедь,
То, не лебедь, – моя душа!
Что ж, прощай!.. Я спешил. Ты знаешь,
Я пришел в осеннем пальто...
А теперь не важно... Не важно...
Потащусь в кабак «У ШОТО».
Я иду. Снег хрустит под ногами,
И, так холодно... И, так тихо...
Море. Ветер. Промозглый ветер.
А в душе моей целый вихрь.
«У ШОТО» – веселье и танцы,
Столько дам красивых и пьяных.
– Хей, дружище, желаешь выпить?
Угости-ка, скорее даму!!!
– Что покрепче?... Давайте виски!
Я сегодня замерз, как чёрт! –
А у дамы в сетку колготки
И фигура, как натюрморт.
– Хей, родная, держись покрепче!!!
И целуй меня до зари,
И о чём-то пустом и пошлом
Говори со мной, говори!
На рассвете утихла пляска.
Я простился с мадам, «S E L A V I»
На снегу лежал мёртвый лебедь.
Белый лебедь моей любви...

ДЛЯ НЕЕ

(посвящён моей бабушке)

В моем сердце потухла Звезда.
Так болит и печет внутри.
Мы прощались не навсегда,
В небольшом городке Земли.

У тебя седой мягкий волос
И коричневые глаза.
Почему мы так часто ссорились?
Ты всегда была «против», я «за» ...

Ты болела...а я всё не ехала...
А однажды пишут: «Привет...»
Отвечаю: – Что-то случилось?
– ... Её больше нет...

Заметались галопом мысли,
Сердце рвалось, как из огня.
И дышать невозможно...Тесно...
Пощади... Пощади меня...

Я приехала! Дорогая!
Ну проснись же! Довольно снов!
Я узнала, что феи прячутся
Под личиною светлячков...

Но, ты спишь. И сон твой глубок.
Спи, мой Ангел... Спи, до рассвета...
Спи, мой Ангел... Приятных снов...
Пусть приснится тебе лето.

Знаю, там, за черной горой,
Где большой хрустальный дворец,

Я тебя разбужу... Мое Сердце,
И, зажгу Звезду наконец...

Я иду по зеленому лугу,
Пахнет свежей весенней травой.
Греет солнце меня, как друга.
Не спешу я вернуться домой!

Ни души! Лишь щебечут птицы.
Сколько счастья в их песне простой.
Эти птицы и вправду свободны!
Не спешу я вернуться домой!

Свежий ветер лицо обдувает.
Кто-то жжёт костры за рекой.
В одуванчиках утопаю.
Не спешу я вернуться домой!

На холме церковь сверкает
Несгораемую купиной,
Как сокровищница Соломона.
Не спешу я вернуться домой!

Небо – как молоко парное,
Треск кузнечиков под ногой.
И пастух погоняет стадо.
Не спешу я вернуться домой...

Я приеду к тебе не на коне,
Я приеду к тебе на трамвае.
Я проеду две станции «зайцем»,
В старом свитере, с дырой в кармане.

Ты ждала наверное принца,
А явился какой-то повеса,
Но посмотрим правде в глаза –
Ты сама далеко не принцесса.

И живёшь ты вовсе не в башне,
А в обычном панельном доме.
И тебя сторожит дракон,
Что лежит на дорожном изломе.

Я возьму штурмом подъезд, –
Поднимаясь на пятый без лифта!
Ты откроешь, улыбнёшься и скажешь:
– Добро пожаловать в анонимное общество
ПРИНЦЕСС И ПРИНЦЕВ»

За окнами темно и воеет вьюга,
Иду средь тьмы...
Мы, как спасенье, встретили друг друга
В разгар чумы.
Мы так молчали, будто и не знали
И пары слов...
И лишь глаза красивые сияли
Не зная снов...
Мы, будто совы дикие бродили
В ночной тиши...
Безумно и неистово любили
Здесь две души...
И было и так дерзко, и так смело,
Играть врагов!
Мы были рядом, в двух гостиных смежных,
Среди глупцов!

На моих волосах снег,
Он растает, пройдет век.
Снег! Вы видели чудеса?
Столько снега в одни глаза!

Я слова превращаю в лёд!
Слово замерло! Не живёт!
Я один среди снегопада!
И никто меня не найдёт!

Становлюсь холодней я,
И лежу на снегу, зря.
Завтра слягу наверно с ангиной
И умру в конце декабря...

Я умру прям под Новый год!
Снегом белым меня заметёт!
И я в белом отцовском фраке
Встану к ангелам в хоровод!

Ветер сегодня так беспощаден,
Небо окутала странная серость.
Всё бесполезно... Он не вернётся...
Небо в густеющий сумрак оделось...
Эти закрытые плотные веки
Это молчанье без права на голос.
Всё бесполезно... Он не вернётся...
Слышу лишь птиц улетающих возглас!
На остановке застыли часы.
Умерло время, не попрощавшись.
Полными лёгкими счастье вдохнув,
Умерли люди, крепко обнявшись.

Мы шли по краю пропасти,
Держа друг друга за руки.
Нам не хватило строгости,
Как мама возражала бы!
Мы шли вперёд по лезвию,
Смеясь над безопасностью.
Нам говорили: «Глупые!»,
Но как мы были счастливы!
Мы шли не отпуская рук.
Шагами осторожными.
Мы шли по краю пропасти, –
Обычные прохожие.

Я – вечноопаздывающий на электричку Москвич,
Заболевший дурною привычкою спать в метро.
Гражданин своего города!
Спешу, беребя уголки ворота
Пальто.
Я вижу сады, где цветок аленький,
Кувшинки в пруду.
Я вижу в окне этот мир маленький
Себя не найду.
А что, если бунт?! Через все станции
За новой мечтой?!
Увы, я в саду, где цветок аленький
Растоптан ногой...

Екатерина Бочарникова

Я ТАК...

Я так думаю, яркости не хватает,
Разноцветности, многогранности
Цветов цветущих, людей пестреющих,
Прыгающих, бегающих, не без странностей.

Я так думаю, звуков не хватает
Нет, я не о гулах и визгах машин
Я о мелодиях красивых, пропитанных тканями
Музыки ласковой, словно с картин.

Я так чувствую, жить нужно качественнее,
Уходить от того, что не нужно, бросать, убегать,
Покидать. И метаться – болезненно – от одного к другому.
Нужно больше мечтать, я так думаю, нужно больше мечтать.

Я так вижу, что текстов почти не осталось
Проникающих в душу, мозги пронизывая стрелой
Все «Вконтакте» сидят, и вокруг никого не осталось
Как не будет следа – ты не оставишь его за собой.

Я так думаю, мыслей нам не хватает.
Они высосаны из нас телевизорами и прочим.
Что ж, пора отдыхать и дела свои завершать.
До свидания. Спокойной ночи.

8.02.2014, 14:14

МОЯ МУЗЫКА

Мне нравится сочетание белых клавиш с чёрными,
Когда как по маслу оно всё играет,
Когда все аккорды берут и вдыхают тебя в себя,
И ты в них до конца растворяешься.

И ноты от счастья падают прямо на пол,
А ты не спешишь поднимать: ну и пусть валяются!
Тебе важно сейчас создать мелодию,
От которой весь мир потом согревается.

Да и ты согреваешься, ты счастлив просто безмерно!
И жизнь далеко не боль, а лето твоё вечное.
Погружаешься прямо в каждую клавишу,
Когда твоё произведение безупречное.

Я читаю книгу о психологии музыки,
Но мне вполне хватает ощущать звуки своими пальцами
Звук приходит и ложится к тебе на коленки,
Чтоб как можно дольше поиграл ты с ним.

Мне так нравится знать, что инструмент всегда рядом,
Что через пару секунд будешь с ним, когда тебе очень нужно
И кажется, что это единственная моя отрада,
А не книга, инет и даже не чая кружка.

И когда мне так пронзительно холодно,
От пальцев всегда исходит мощный поток тепла
Я сгораю в каждом форшлаге, в каждой триоли
До самого пепла.

ПУСТОЕ ОЖИДАНИЕ

Старинные книги, тетрадки там старые с записями
Валяются в пыльных ящиках, одному лишь Человеку нуж-
ные

Там записаны скороговорки разные типа «ТА-ДИ-ТА», «ТА-
ДИ-ТЯ», и

Все они в одной куче, видимо, очень дружные.

Человек с утра вечно куда-то уходит,

Пропадает в местах непонятных, до ночи учась или работая

А они живут одни без присмотра

И как-то им не в кайф совсем жизнь беззаботная.

Хоть бы чаще читал, заглядывал

И сметал пылевое покрытие

На страницах, присутствием радовал бы

Почаще – для него все обложки открыты.

Они ждут, они волками воют в забытом столе

И, кажись, пролежали почти уж полвека

Но разве кто-нибудь скажет им, что больше нет

Их любимого долгожданного Человека...

11.02.2014, 19:31

Александр Вахитов

Народився 9 V 1989 в Києві. Закінчив Варшавський Університет. Історик, вчитель історії, фізики, математики. У вільний час – поет, стендапер, письменник. Люблю футбол, шахмати і спортивні автомобілі.

МОЯ ОСІНЬ

Небо дощем напивалось
І листя грало в танку,
В лице мені осінь сміялась,
Рвала брудну тишину...

З ніг мене вітром збивала,
Давала випити дощу,
Листям чорним закидала
І долю сховала мою!

І поглядом хижим, нецирим
Очі дряпала мені,
Я бачив істину білу,
Що в осені пальці брудні...

Вона ж мене не відпускала
І руки тримала мої.
Собі їх на серце поклала,
В любові клялася мені...

Та я не любитиму знову
Цей плач і божевільний сміх.

І свою до світла дорогу
Я прокладу навесні...

17.11.2013

В омуті тихому чорти топляться
Від буднів твоєї нудьги.
Кавалери давно вже не ловляться,
Бо немає на що їх ловить.

Ти всю начинку свою програла,
Не гаряча ти, не гірка,
Без кофеїну ти більше не кава,
Ти – проганий келих вина!

Твої крила спалив перегар,
Ти душу віддала мені!
А душу твою я продав
Знайомим чортам навесні.

Шукаєш істину в бокалі,
Ми вчора випили її,
А ти проснулась на вокзалі
Забутих, прокурених мрій...

7 червня 2016 року, Варшава

ПРАВИЛЬНО ОДЯГАТИСЬ

Привіт! Ми з тобою зовсім незнайомі, тому наш сьогоднішній діалог буде моїм монологом. Я тебе абсолютно не знаю. Невідоме мені твоє ім'я, твій зріст та ще купа атрибутів су-

часної людини. Але ти є... І сьогодні ти одягалась. Ти усміхалась сама собі і плакатам на стіні. Так, в тебе є плакати, я це відчуваю. Звідти до тебе дружжелюбно скаляться рок-зірки, відомі спортсмени та просто симпатичні набори популярних облич. Ти саме прийшла з душою з мокрою головою, різко випросталась, знайшовши фен. З противним звуком цей пристрій, згадуючи свою китайську батьківщину, почав сушити твоє хвилясте волосся. Я не знаю, яке воно у тебе. Можливо, ти жарка брюнетка? А може, ти зводиш чоловіків з розуму вогняного кольору зачіскою? Ти можеш бути скромною шатенкою, невинною блондинкою, але ж ти є. Я в це вірю. Ти змерзла в ноги і одягнула теплі домашні кольорові шкарпетки. Для них в тебе спеціальне місце в тумбочці і їх ти ховаєш надійніше, ніж сигарети від мами, адже вони видають твою маленьку слабкість. Надворі холодно. Ти злегка непривітно скривилась, дещо похнюпилась, оцінивши перспективи сьогоднішньої прогулянки. І не треба. Будь вдома. Ти одягаєш ще одну в'язану, дуже дорогу тобі річ – це светр, перша річ, яку ти зв'язала, виходячи зі своєї першої дорослої депресії. Ти підходиш до величезного дзеркала, яке відображає тебе в повний зріст. Піднімаєш кофту, критично оцінюєш животик, стегна, врешті-решт приходиш до висновку, що стан кращий ніж задовільний і з присмаком домашнього задоволення падаєш на своє величезне ліжко. А ліжком ти гордишся ледь не найбільше. Тому що воно було свідком твоїх сліз, перших вдало розіграних інтриг, першого досвіду геть зовсім дорослих відносин. Але зараз ти сама. Тільки вічно привітна м'яка іграшка намагається усміхатись тобі своєю безпосередньою дитячою посмішкою.

Ти повертаєшся до дзеркала. Пробиєш дивитись на нього в упор. Я не знаю твоїх очей. Їх кольору, погляду, їх злості та ніжності. Твої очі – загадка, вони сіють те, чому не судилось прорости, бо саме я не знаю, що там у тебе. А ще я знаю, що ти хочеш кави. Її запах дурманить тебе, ти мрієш про нього, твоє

серце гріє светр зсередини, прагнучи кофєїну. І ти, нечутно, мов азіатська кішка, вислизаєш з кімнати, кидаєш погляд на модний, новий телефон, прагнучи дізнатись котра година. Спускаєшся донизу. Але тобі ліньки. Ти не хочеш варити каву. Ти хочеш її пити. Немов недосвідчений злодій ти озирнешся і наливаєш в чужу чашку холодної кави. Холодної ... Твої ніжні зубки геть не лагідно протестуюче скрипнули, але ти жадібно, немов востаннє ковтаєш холодну каву і морщишся від холоду, що пробирається твоїм тілом. Ось холод дістався до стегон, що ледь прикриті улюбленою кофтою. Холодними, майже мокрими, а тобі здається, що ще й брудними лапами поповз вгору. Полоскотав в районі пупа, нечутним дотиком пройшовся по грудям і твоєму горлу стало дійсно холодно. Як останню надію на спасіння, ти стиснула чашку холодної кави в руках і чимдуж побігла нагору, до теплої кімнатки, де на тебе чекає маленький привітний ведмідь і мертві зображення відомих людей. А тепер ти хочеш курити. А це означає тільки і тільки одне – тобі знову треба одягатись. Ти відкриваєш шафу, вона в тебе безрозмірна, принаймні так вважають твої батьки. Дістаєш звідти такі самі безрозмірні штани, в які крім тебе можна при бажанні запхнути ще одну копію тебе. Зате вони ж теплі. Шукаєш в шафі свою улюблену шапочку всіх кольорів весни. Пританцьовуєш під нечутну нікому мелодію, адже ти її знайшла. Далі ти знову якось злодійськи оглядаєшся і чомусь лізеш під ліжко. Вітаєшся там ще з однією парою теплих, добре, що чистих шкарпеток і з відомої тобі схованки дістаєш недобиту пачку сигарет.

Все, ти одягнулась. Ти є і ти реальна. Лише знаємо про це я і ти. І більш нікого. Але ти ідеш курити з чашкою холодної кави, а я йду відпочину, адже я писав цю записку. Записку про тебе. Про те, що ти є.

ХТО ТИ

В останню нашу невидиму зустріч ми домовились, що ти є, ти існуєш, живеш та дихаєш. Ти реальна, ти не можеш бути витвором хворої уяви, ти справді є. От і сьогодні ти будеш також. А де ти будеш? Я не знаю, ти ж не доповідаєш мені про свої плани. Коли я тихо та непомітно віддавав безплатно час дармовим планам та безглуздим надіям, ти була. Щойно я знайшов твою волосину на своєму ліжку. Це могла бути тільки ти. Або я безнадійно хворий і з усмішкою сповзаю до кумедної прірви легкого божевілля. Ти тут була. Постільна білизна строгих, чоловічих кольорів зберегла твій запах. Зв'язок з реальністю помахав мені маленькою ручкою і стрімголов помчав в невідомому напрямку. Хто ти, чарівна хазяйка моїх снів? Ти поселилась там надовго. І поводиш себе відповідно.

От, ти неспішно крокуєш вулицями красивого міста, яке дихає історією та вихлопними газами. Ти дивишся на людей, але вони не дивляться на тебе. Тобі потрібні люди, бо в тебе є душа, ніжна посмішка та безліч думок в симпатичній голові. Але людям не потрібна ти. Їм потрібні твої вміння, навик, твоя легка та невловима поведінка, яка їх так веселить. Але їм абсолютно не потрібна ти. Ти горда. Тобі знову холодно, ти глибше кутаєшся в свій шарф, який так любиш. Ти легко прив'язуєшся до тварин, до речей і ніколи так не знущаєшся над людьми. Бо шарф можна викинути, тварину приспати, а людину приспати тобі жаль. Хай це робить хтось інший. Любиш ставити цілі. Дійти до магазину, видихнути, подумати, зайти в магазин, захистити наукову роботу, народити дітей. Величина мети для тебе поняття відносне. І ти ніколи не бігаєш. Ти любиш себе. І ще каву. Але хочеш до людей. Ідеш до дитячого майданчику. Щирі, усміхнені, до неімовірного брудні та замурзані дітки водять свій хаотичний хоревод довкола тебе. І ти хочеш до школи.

Саме там ти вперше усвідомила, хто ти і що ти можеш. Ти любила вчитись, а люди любили тебе. Надалі ти тільки заточувала та вдосконалювала свої навички. Ти досягла досконалості, прийшла до межі геніальності. І часом тобі вдається здійснити прогулянку за ту межу. Те, що іншим може здаватись безглуздом, для тебе може бути звичним. Ти не імпульсивна, але різким рухом

відправляєш пластиковий стаканчик з кавою до смітника. Хочеш чаю. І точно з лимоном. Його смак любить думати. Разом з тобою. І ви удвох. Ти і чай. Але це неправда. Адже є ще я. Але я не знаю ні тебе, ні твоїх друзів. Я не знаю навіть твого чаю, а він тобі ближчий ніж я. А я і не хочу бути ближче. Я в курсі, що це боляче. Все на світі боляче. Ти унікальна. І чай наздоганяє каву в карколомному польоті. Ти романтична і прагматик водночас. Жорстокий цинік і невинуватий меланхолік. Ти не одна, тебе багато, але це не шизофренія. Це просто ти. В тебе все чудово. Принаймні саме цю фразу ти вперто пишеш усмішкою на своєму обличчі. І люди тобі більше не потрібні. Ти їх боїшся, зриваєшся на біг, забігаєш в кафе. Швидкий заказ, гидка їжа, ще гірші напої і ти поволі починаєш ненавидіти світ. Бо він не такий, як хочеш ти. А амбіцій та волі в тебе достатньо, щоб його змінити. Ти щедро обдаровуєш всіх навколо позитивом, черпаючи його в собі. А негатив тебе сильно ранив. Дуже. І ти носиш ті шрами та рани дуже і дуже глибоко. І це твій страх та твоя слабкість. Бо ти ще не знаєш, що десь є я. Може ти і справді була в мене на ліжку, а може то був наш сон. Мої запалені повіки пам'ятають твій дотик. Але твої пальці не хочуть знати нічого. Скажи мені, що ти є. Я благатиму, ти тільки скажи.

Прийшла додому. Плачеш. Ти часто плачеш. Не тому, що все погано, а тому що ділишся емоціями з подушкою. Я ніколи не скажу тобі, що все буде добре. Бо це неправда. Просто я знаю, що ти дійсно горда і сама зробиш так, щоб все не те, щоби було добре. Але щоб воно було так, як того зажадала ти.

Ти не визнаєш чужих бажань, ховаєш свої. Твій таємний гаманець переповнений дурничками і бажаннями. І ти сповниш всі свої мрії. Але не сьогодні. Бо сьогодні ти плачеш. Твої очі ллють солений погляд на улюблену подушку. Пройде шість хвилин і ти перестанеш. Бо треба працювати. І тобі це відомо. Як і мені. А потім ми заснемо і уві сні ти подзвониш до мене, щоб обійняти, сказати на вушко кілька слів, щоб зранку втекти. Я так і не дізнався хто ти за час цього монологу. Зате я написав цю записку. А ти перестала плакати. Дякую тобі за те, що, можливо, ти є.

6.10.14 р.

КОЛЬОРИ ЗАБУТИХ МРІЙ

Чи мають колір твої мрії? А смак, запах, відчуття рожевого дотику? Можуть мати навіть голос. Зазвичай нечутний, а часом громовий, розриваючий слух на мільйони децибельних шматочків. Тоді коли ти цього жадаєш. Це все залежить від того ким ти є, а ким ти бути навіть теоретично не можеш. Ти – не богиня, не фея, не німфа, не проклята лісова мавка. Зовні ти просто людина. А у людей є мрії.

У сорокарічного лисючого клерка з передмістя мрії вже не пахнуть та давно не горять. Вони обважніли разом з ним, обросли бридким канцелярським жирком, втратили казковий голос і впівсили хриплять про неминучу гіпертонію. Та й твої сонні, хоч і тверезі, марення, теж вже не невинні. Ти боїшся одягати свої мрії в сірувате плаття реальності бетону, асфальту та рахунків за світло та газ. Адже їм там буде некомфортно. І ти виховуєш їх сама, як умієш. Гартуєш їх в своєму вже не рожевому світі. Адже мрії варто випускати в цей геть не казковий світ лише для здійснення. Хай вони пронесуться злегка безумним ураганом, вразять своїм розмахом, зітруть із земного обличчя глузливу посмішку п'яних

песимістів. І хай світ шаленіє від неіснуючих можливостей, бо так цього хочеш ти.

Так про що ж ти мрієш? Чого так прагне душа, що вже бачила брудні підшви суспільства та не його неосяжне булькаюче дно? Чи живе в тобі маленький авантюрист в білих шкарпетках на симпатичну босу ногу? Чи може його давно вже затагнули у вирій але не на південь? Мабуть, не на південь, а в той край, де не те, що журавля, а й синицю давно жодна душа не пропонує. Там синицю подали під соусом буденності на побитій тарілці з гарніром в якості буденних сподівань. А журавель заздалегідь, змахнувши широченними крилами, втік, до смерті наляканий долею синьо-жовтої пташки. Та я чомусь вірю в твого авантюриста. Він хитрий. У нього твої очі. І він, гартований ударами дивного життя, вижив, глузуючи з людей, тварин та планет. В планети ти не віриш. Ти сама собі гороскоп. Та в тебе нікому не судилося забрати двох речей – твоєї щасливої зірки та шалених мрій, які вона породила.

Хлопчики вірять в принцес лише в дитинстві. Дівчатка ж чекають принца все життя. Кому ж як не мені про це знати, гірко змушений я визнавати. Адже я стабільно другий в цій вічній черзі навздогін за казковими істотами. І такий собі вічний «не-принц». І навіть не герцог. Скоріше Дон-Кіхот, лицар печального образу, що неустанно воює з вітряками чужих вже надто, як на мене, зажирівших мрій. Та й ти не принцеса. Може, я тебе, як і завжди не знаю, але ти точно не принцеса. Твій погляд розповів мені про це, прокидаючись від солодкого хмільного дурману. А я його слухав. Ти не принцеса. Замість того, щоб сидіти собі тихенько в башті і чекати на героя-визволителя, ти зітреш це архітектурне непорозуміння з лица землі і збудуєш своє. А потім закриєш там всіх, хто тебе образив. Не хочу бути в гроні цих нещасних напівсміливців. Тому ти не принцеса, ти – королева, княгиня, повноправна владчиня в просторах свого гострого, як керамічне лезо, розуму. Єлизавета Баторі ХХІ століття. Як

княгиня Ольга колись спалила літописний Іскоростень, так і ти готова жорстко, якщо не жорстко відомстити кожному, хто простягне обкусані нігті до твоїх полум'яних мрій. Бо вони мають і смак, і колір, і запах, і дотик їх теж особливий. А голосом вони говорять твоїм. Тільки тихо і лише з тобою.

Твої мрії сьогодні червоногарячі, ти щаслива, завтра вони будуть брунатно фіолетові, коли ти зціпиш зуби і ламатимеш стіну переконань, прагнучи випустити їх на омріяну волю. Запах їх невловимий, як і твій парфум. Часом вони ліниво плывуть у диму дорогих сигарет, вбираючи та смакуючи цей гіркий аромат. Щодо смаку, то я впевнений, що , організуй ти магазин з їх продажу, вечорами їх би не продавали. Для недосвідчених принців – це отрута, для приземлених, образених життям людей – це трутизна в чистому еквіваленті. А мені ти можеш налити. Ти неохоче ділишся цим магічним трунком, породженням твоєї загадкової свідомості, та я й не благатиму. Ці мрії – твої. І вся їх химерна атрибутика – теж твоя. Тому що це ти. Не принцеса, не богиня, симбіоз уяви і білих шарпеток. Знай про це.

9 квітня 2016 року

Андрей Власенко

На стоянке огни непотухшие фары,
Снующие пьяные в стельку путаны
Бормочат проклятья, а их адресаты
Молчат, посылая их к черту...
Пора...
Нумизматы считают под стойкою прибыль
Луна дотлевет на небе как уголь,
Рассвету открыв ворота...
Всем пора...

Чужой дорогой ноги бью.
Шагами меряю чужие километры.
Хоть не в своём, но всё ж строю
Я лёгкими тяну чужие ветры.

И шепчутся чужие за спиной,
И застряют в затылке соидущих взгляды.
Закрыв глаза ладони шириной,
Осознаю – мне здесь совсем не рады.

Чужих порядков не нарушить строй
И не ускорить мне увы чужую поступь.
Ну а пока шагаю по чужой,
Не пропустит бы нужный перекрёсток.

Ты чувствуешь как в воздухе витает страх
На ощупь ничего, но паника повсюду.
Садись за руль – ты поведёшь,
а я на заднем полчаса побуду.

Веди вперёд без знаков и без света.
Без остановок и попутчиков других.
Пусть плох совсем и мне чуть-чуть осталось ,
Пожалуйста не променяй меня на них.

Следи за полосой , дай радио погромче,
Зправил полный на свою беду.
Надеялся, сто станет легче ночью...
А знаешь... Я уже не поведу.

Полдень. Лень.
Кипит дурная голова и тень
пытаемся искать мы безуспешно.
И проклинаем трудный день
Спешим запрятать тающее тело
подальше от всевидящего глаза,
но солнце нас находит сразу,
как только мы находим тень...

Усталый путник, шлюхи у дороги
С песком горячим смешаны тревоги
И небосвод дымит и выделяет пот.
Зловонья полдня и смердячий сок
со лба стирает рукавом .Кусок
пред ним ещё не пройденного моря , что высохло
остался лишь песок.
Растрескавшимися губами
насвистывает песню *Еду к маме*
и барабанит кровь в висок.
Великий Баламут поставил
Столбы и нити натянул
которые на небесах питают
Божественный Электростул.

Наталья Володько

Если цвет, то синий; если поэт, то Маяковский; если литературный герой, то маленький человек; если направление, то модернизм; если мифология, то кельтская. Живу в Варшаве, скачаю по своей кошке, пишу стихи и пьесы на русском и английском.

Б. К.

Б. К. – сокращение родного места

в родном городе.

скажи, ты знал

что я так помешана на языковых знаках

знаках

языках

что повёл меня в Б. К. именно

когда Б. К. – это сокращение твоего имени?

не могла насмотреться на зарево –

бегу ему навстречу и кричу:

«здорова!

ты, злотолобо, снова?»

я ухожу в закат.

«не провожай, ни в чем ты не виноват»

шагая,

ничего не вижу впереди, пока

кожу нежно

глядят

лучи

перевожу взгляд на пространство

простора, где зелёный мешали со светом

солнца и получали

золото пирата –
на момент

я
богата

наши тела стояли,
пока
до коперника
солнце и другие тела
– небесные –
бегали вокруг

нас
сейчас же бегаем

мы,
пока крупнейший шар неторопливо
перекатывается по небу
с одного бока
на другой бочок
как наевшийся до отвала толстячок

к моему разочарованию,
солнца захода очарование
конечно.

захочешь ухватиться и не отпустить,
конечно,

но пара мгновений –
и придёт вместо
рассвет «сустракаць»

вдоль Буга на заходе раскиданы рыбаки
там
в уединённом местечке
на спуске
я познакомилась с лягушкой,

лягушкой-путешественницей,
из той самой книги с жёлтой обложкой,
которую мама мне читала,
а бабушка перечитывала.
может, это та лягушка, которая выпрыгнула, выскочила, выжила?
может, она тоже слышала эту притчу?
 «может, она о ней и слышала,
 но сама слышать не могла».
и именно поэтому выпрыгнула, выскочила, выжила?

мошки зигзагами прыгали по воде,
пытаясь нас всех запутать.
самая большая путаница –
почему они могут прыгать по воде
 и не тонуть,
 когда я в воде –
это уже к беде.
мошки зигзагами прыгали по воде,
пока лягушку-путешественницу,
из той самой книги с жёлтой обложкой,
которую мама мне читала,
а бабушка перечитывала –
ничего
не могло
потревожить.
она смотрела по диагонали со стеклянными глазами
на путаницу мошек,
способных прыгать по воде
 и не тонуть.

противоположный берег казался ещё более притягательным
 теплее
 гуще
 зеленее

противоположный берег казался не таким далёким
двадцать
тридцать
шагов
но я вспоминаю, что я не мошка,
способная прыгать по воде
и не тонуть.

вдоль Буга на заходе безмолвных рыбаков
безмолвно заверяю,
что яни мошенник, ни предатель –
а путешественник и созерцатель!

могут сказать, что по небу облака плывут,
огибая всю планету:
барашка,
жирафа в машине,
с книжкой слона
видит
в Дублине строитель
в Сиднее водитель
в Гамбурге учитель
но затем добавят, что паровые массы
растворятся быстро перед глазами плаксы
раз
у барашка нет глаз
два
нет книжки у слона
три
жирафа машину унесли
голубизна глубокая сверху потеряет свои кучевые и кружевные,
кружить в пустоте останутся только крылатые деловые.

собрать веточки в букет
острый
завязать ленточкой
пёстрой
без ленточки букет
похож на дерево ста лет
сухое и неживое
подобно мне
 сухое,
подобно моим чувствам
 неживое
наживой быть для когтей
и цепких ручонок детей

если дерево
то жду удобрения
или одобрения?

я слушаю стрекот кузнечиков
 стр
когда-то ты ласково называл меня grasshopper
 стр-стр
скажи, как мы похожи?
 стр-стр-стр
я так же мешала тебе спать?
 стр-стр-стр-стр
не знаю, как ты, а я уже полгода хорошо сплю
 стр-стр-стр
не видела тебя ни в жизни, ни во снах
 стр-стр
когда-то ты и я
 стр
когда-то

вдоль Буга на заходе
я слышу всплески, прыжки, маневры
 в воде
я слышу припев у ветра
 езде
я слышу ломающиеся ветки под ногами,
шелест, шёпот, шорох, гул
воронов, дистанцию отмеряющих шагами.
я тут, и
я слушаю
я слушаю
я слушаю

3:44

Ночью
В три сорок четыре
Упала вешалка.
Вешалка не виселица –
Не «повеситься»,
но к чему веселиться?
Вешалка,
чтобы одежда не мялась
Мялась,
как он,
когда просят прочитать своё.
Вешалка,
чтобы в плечах сажень,
чтобы стройно, смело, структурно.
Вешалка,
чтобы бочком меньше места занимать
Занимать

Хоть какое-то место
Вешалка,
чтобы в шкафу –
Без скелетов
Со светом
И чтобы кто-то ещё в
Этом же
Шкафу.
Ночью
Впрочем
Он искал четырёхлистный клевер
где-то на изумрудном острове,
пока в три сорок четыре
В шкафу
Не упала
Вешалка.

Взгляд упирается в диаграмму
Линейную – зелёная панорама;
Ритм чёткий сбивает сон чуткий
И гремящие звуки попутки.
Мы едем в одну сторону,
Выйдем к одному перрону,
Значит есть ещё время,
Значит будет ещё пламя.
Спускались неспешно с гор –
И в плацкарте с верхних полок,
Пили мы не кагор –
Медовухи вкус и так сладок.
Поднимались по спирали повыше
Разглядеть старый знакомый город;
Подвигались к друг другу поближе,
В ночном поезде поднимая ворот.

Мы едем в разные стороны,
Чтобы стать, наконец, образованны.
Было звёздное небо и пламя костра –
Будет время у Вислы или у Петра.

ПЕРВОЕ В 20

декабрьским утром
из окна плавно плывущего поезда
я наблюдаю – зима! –
у сожителя Снег
и сожителя Земля
отношения, пусть, и не тёплые
но живут они не вопреки, а для

так спокойно, своевременно и своенравно

гляньте, припорошило!
у зимы – и
у нас –
есть ещё порох;
но пока
опущено дуло

ещё не время для плотных покрывал
скрипящих и блестящих
будто Снег в кровати – ещё не вставал!
сонно посыпал коврик возле –
и стих

сожитель Земля не готов был
брать на себя столько – ещё не остыл!
но время его охладит, не будет больше
разногласий; мирно на себе всё уместит

дефиле из древесных голых спиц,
оживлённый пастельный ручей;
в движении не видно, правда, птиц,
но от калейдоскопа деревенских крыш стало теплей

что-то подтянуло уголки губ
и сдавило где-то в клетке в груди
я могу показаться вам глуп –

я не знаю, будет ли лучше там, впереди,

наблюдая за декабрьским утром
из плавно плывущего поезда

МАЙСКИЙ МУК

Небо розовеет. Кто-то добавил красного.
Через полчаса стемнеет, ничего страшного.
Я хочу сама рисовать это небо,
Но говорят, художник живёт без хлеба.
Я сижу у окна, за окном высокое дерево.
С моей стороны из ноутбука стерео.

Я считала, что муки Тантала – это голод и «смага»,
Но для погони за мечтой нужна отвага.
Ты тянешься к ней – вот тут совсем рядом,
Она «уцьякае», не словишь и взглядом.
Я сижу у окна, за окном не осина,
Никого не любила, ну если только несильно.

Я сказала, что в круге найти можно суть,
Суть, смысл, символ, не обессудь.
Лодка, правда, разбилась о быт.
Но вот он – перечень болей, бед и обид.

Я сижу у окна. Я выпила чаю.
Я боюсь уезжать. Я пока почитаю.

Я писала, что только с кистью в руках,
Твоя боль может испытать страх.
Не считая, конечно, лекарств,
Но и от них можно ожидать коварств.
Я сижу в темноте и жду,
Когда небо зажжёт звезду.

ЗЕЛЁНОЕ ПЛАТЬЕ

бережно достаёшь из шкафа платье
зелёное
на стол тебе ставят пиво дешёвое, нате!

на плечо падают закрученные пряди;
цвета уже не рыжего –
значит, вот так предала,
бесстыжая!

у бара вытаскиваешь зелёную трубочку
из поля натуральных оттенков –
салатовых, светло-зелёных,
изумрудных, оранжевых, белых –
у бара в такой день просто аншлаг,
но тебе всё равно, у тебя игра
«собери Ирландии флаг»

бьётся стакан
раз
сбоку диван
внимает чей-то гласный сказ

бьётся посуда

два

ты надеешься, что через года
вернёшься к этому мгновению:
мол, вот так вот было, но благодаря терпению,
изменилась ты, они, среда

глоток зелёного пива –
в уши долбит из 80-ых дива

посуда бьётся, разбивается,

разлетаются, расплзаются,
оглушающе катаются по полу
осколки
заполнять бы полки
не предметами по рублю,
а авторами, что рубят и секут
словом

бьётся посуда

три

три три три

слёзы вытри, очки протри
замечаешь, как рядом рука мужчины в чёрном
скользит вниз по спине девушки – тоже – в чёрном
бывает и такое, что один вид
вызывает – не у них – у тебя стыд

эдакая физическая близость
не обещает её других видов,
только допускает человеческую низость
с идеями власти и доминирования;
лишь бы знать, что в парировании

на тебя смотрят с сочувствием, горькой жалостью,
ты отвлекаешь их губ уголками вверх и
убедительным киванием
аж до усталости

видишь, у тебя есть стакан, высокий стул,
пространство вокруг
но нет
языка

РОБОТ-МОНСТР

1

кожные слова, słówko, wordsequence
на мове
б'е у сэрца

моцна

thewordsgetintothsystem
iczasaminiewychodzą

что-то живёт внутри песен, писем
magicallysparkingпачуцці
пакуты, пшчоты
radości i smuty

2

я не ведаю,
czyjestemwarta,
ціцалкам маю сэнс

jakoświem, że
не отдам тебя
ніколіцябе не пакіну
you'llbeonthetipofmytongue,
у сэрцы,
в голове,
пабóлсе

в хаце, которую я построю сама;
умещу там все свои я –

усе будуцьказаць «вось, глядзіце! якая сям'я!»

3

askme, askme,
як сябе маляю

запытай, запытайяшчэ раз,
сколькі языков знаю

toknowandtospeak
şanaprawdęróžnerzeczy

pottomention,
штогэтазначыць– мовуадчуваць

как это vivirhablando, pensando, escribiendo,
постоянно кодируя, декодируя

code-switchingbecamesecondnature

и цяпернават не магу ўявіць,
jakmogłobybyćinaczej

jestemrobotem,
але
с гигантским
бьющимся
сердцем

goon, tellme,
что создала
окропного монстра

thatthesepuzzlepieces
makeyoucringe
что языковая чистота мае быць,
что этот грязный микс,
thisFrankensteinof a poem
escritoenestelenguajeraro

доведёт до плевка,
до покрутить пальцем у виска
żezawszeoczekujemiporażka
i żadnakarieraliteracka

алеўяві, штоўпачатку
weareallintinyfragments,
и на жыццёвам шляху трэба
их всех собрать

4

вырвите мне язык –
и мяне не стане

takeaway мою мову
razem z tymiinnymithat I haveinstore –

и я превращусь
в пустое месца,
в zero, nada

keepaskingme,
что я такое

preguntameotravez,
czytakinawetistnieje
я скажу: «посмотри на меня, посмотри –
anddecideforyourselfif I exist»
5

я не ведаю,
kimjestem
и кем должна быть

ależpotwór, ależ robot
somewhat broken, такой неисправный
неисправимоменяет программы
давацьназвумальбессэнсоўна, бо
you'llfindmanynames, you'lluttermanysounds,
you'llcomposewords, you'dputthemintosentences,

но будет ли это тем самым?

askme, запытай, спреси меня, спреси –
poprostuchçemişiewierzyć, że

я – гэта проста я,

новсёже

вырвите мне язык –
и мяне не стане.

Стася Глинник

У нас были ночные улицы,
Пропитанные запахом дури.
Были причины сузиться.
Были бури,
Проведенные на остановках.
У нас был город
Со следами резин на парковках,
И мы в нем горели,
С севера до юга.
Мы ничего не ели,
Кроме друг друга.
Кричали громко
На каждого местного узника.
А теперь от этого времени
Осталась только музыка.

Мой мир – это сгусток скрытых желаний,
От которых мне не уйти.
Всё, что ты про меня знаешь-воспоминания,
Всё, что я о тебе-мечты.
Через много лет мои руки обовьют тебя
Под шепот «так ждал»,
И с губ сорвется «прости».
Хэппиэнд-мой самый любимый финал,
И я буду к нему идти,
Даже если на твой вокзал
Ещё не провели пути.

От тебя-пара книг и рубашка-
Все оставшееся.
Я читаю уже наизусть
Твои закладки Ремарка,
Разорванный «Странника путь»
И подчеркивания с пометкой «звездочка».
Пуговицу пришивая иголочкой,
Представляю, что и я для тебя
Была такая, со «звездочкой».

В этом городе, в этом месяце
Молодые Маяковский с Есениным
Будут травить мне душу поэмами,
И запахнет чем-то весенним,
Весной, понимаешь, которой не было.
«Ол ю нид из лав»
Посмертное послание Леннона,
«Любите ближнего своего»,
А не напрочь потерянного.
Я оставила для тебя стандартную мелодию,
И подписала «никто, вроде бы».
Столько раз хороненный,
Порванный, пройденный
В этом месяце так нудно и тесно,
Пожалуйста, забери меня в сентябрь
В тот, который был.
Тот, в котором вместе.

Меня крутило между блоками,
Швыряло от ворота к вороту-
От каждого веяло холодом.

Я искала неправильного, нездорового,
Но обществом всё же принятого.
Перекручивала рюмку и деньги,
И, от количества выпитого,
На колени падала к стенке,
Писала на ней молитвы
И била их хрупкой рукою.
Следы этой маленькой битвы
На утро смоем рекою
Бегущих мимо студентов.
Ставших до боли фальшивыми.
Ищут послабей оппонентов,
Забывая рекламу срывами,
Таковыми же вздутыми.
Как можно быть счастливыми,
Пока слышны аплодисменты
Людам с глазами мутными?
Пока ночью пустуют самые искренние улицы...
Пока у тревогодных чертей есть спутницы...

Елизавета Горбенко

Рассказываю о человеческих судьбах, не употребляя ни единого имени. Хочу, чтобы ты, читая чужие истории, представлял себя на их месте и чувствовал связь с моим пером. Знал, что так действительно может быть и что такое существует. И это даже могло бы случиться с тобой или когда-то уже случилось. А быть может, это и вовсе ты.

Я хочу, чтобы ты думал, что я пишу о тебе, что вижу насквозь. Что крепко-крепко обнимаю каждым написанным словом.

И хочу думать, что могу позволить себе называть тебя моим читателем.

DAD

В тот день я выгуливал свои новые ботиночки. Не думаю, что мама была бы рада такому факту, учитывая мою страсть к мальчишеским шалостям и, собственно, их новизны. Это я сейчас понимаю, что маме они достались далеко не даром. Тогда же, все казалось совершенно другим. Я проснулся утром, натянул тёмные носочки в тон моим шортам. И с совершенно уверенным и важным движением руки, присущим только серьёзным дядям нафотографиях из папиных утренних газет, застегнул ботинки на кнопках.

День пробежал абсолютно незаметно. Я, не пообедав, пробегал весь день во дворе. Ботиночки припадали летней пылью, которую я неряшливо вытирал своей ладошкой, как только спрыгивал с очередного старого гаража. Проходящие мимо, знакомые тёти моей мамы одаривали их комплиментами, а ребята завистливо крутили носом, отвечая что-то типа: «Мне папа скоро тоже привезет из-за границы. Еще лучше, чем твои». Стрелка стремительно подползла к 6 часам вечера. Я не разбирался в часах, мог лишь определить, что

уже б по тому, как мама возвращалась с работы по средам. Вот и тогда мама вышла из-за угла нашего серого дома со стороны остановки и я понял, что висящие в кухне часы над столом протикали бы 18.00.

– Мама! – крикнул я, несясь на всех порах к ней на встречу. Мама с потухшими от усталости глазами поздоровалась со мной, как только заметила меня бегущего. Я выхватил один из маминых пакетов, сопровождая ее до подъезда рассказами сегодняшних приключений. Не давая себе возможности вдохнуть, я глотал слова, спеша рассказать, где я был и как победил всех врагов, играя с ребятами в войнушки.

– А еще нашей соседке очень понравились мои ботинки. Сказала, что в них я уже взрослый мужчина и выгляжу точно, как папа. Представляешь?!

– Ты надел новые ботинки? Я ведь купила тебе их на первое сентября! Почему ты никогда не слушаешь то, что я тебе говорю. Ясно было сказано, что обувать на улицу и не прикасаться к новой обуви., – мама ругала меня до самой квартиры. Я лишь опустив глаза шагал с пакетом на перевес. Смотрел на ботинки и думал о том, что меньше всего мне хотелось расстраивать этим маму, – и почему с тобой вечно столько проблем, все время нужно контролировать.

Продолжая ругать меня, мама не стала доставать ключи из сумки и лишь привычно нажала на ручку, зная, что мой дядя должен быть дома. Двери из светлого дерева скрипнули и квартиру тут же наполнил звонкий голос мамы. Я аккуратно снял свои ботиночки и поставил их рядом с парой обуви, которую видел впервые. В коридоре на проходе, где мы обычно ставили обувь, как только заходили домой, стояла пара изящных женских лодочек красного цвета. У мамы я не видел таких туфель. Да и мама давно такой обуви не носила. На работе бы у нее сильно болели ноги, а «на выход», как говорила мама, она всегда надевала туфли или ботинки на грубом каблуке. После встречи моих ботиночек с этой парой чужих каблуков, мы с мамой переглянулись и она тут же открыла

дверь в большую комнату, которая находилась точно напротив узкого коридорчика. На большом и раскладном диване, где обычно спал мой дядя и я, сидела женщина. Она была очень худая, маленького роста и с ровной осанкой. У нее были поджаты ноги и ярко накрашены глаза. Она и была хозяйкой тех красных лодочек в коридоре. Напротив открытой двери стоял отец. Но мама не сразу заметила его, лишь после того, как она обнаружила чужую женщину у нас на диване, она молча и вопросительно перевела взгляд на папу.

Я не слышал, что он ей сказал, потому что, мама сразу же закрыла за собой дверь. Я сидел на кухне и смотрел на свои ботинки и ждал, пока ругань за стеной закончится. Мама громко ругалась на папу, прямо, как на меня по дороге домой, только еще сильнее. Через каких-то минут 30 (мне так казалось, я ведь ничего не смыслил в циферблатных стрелках), открылась дверь и эта женщина вышла из комнаты в сопровождении моего отца. А за ними мама, громко и грубо напоминая им что-то о совести и стыде. Сказала, чтобы убирались.

Отец и красные туфли ушли. Мама с поджатыми губами заварила кофе, и молча выпила 2 чашки подряд. Не сказав ни слова и даже ни разу на меня не глянув, она сидела так какое-то время, пока не пришел дядя. Меня отправили спать. Они остались на кухне, обсуждать сложившуюся сегодня ситуацию. Я знал, что меня накажут. Ведь всему виновной оказался я и моё непослушание. Знал, что мама с папой ругались из-за новых ботинок в которых я играл на улице и я знал, что именно из-за меня мама выгнала папу из дома.

Ведь все-таки, мне в этом году идти в первый класс, а на новые ботинки у мамы не было денег. Жалко лишь то, что я понял это слишком поздно. Можно ведь было забежать домой на 5 минут раньше и переобуться. Пока мама не увидела.

МАГАЗИН КУКОЛ

(Отдельное спасибо Люблинской весне и «Черному зеркалу» за вдохновение.)

Когда-то мой друг рассказал мне, что влюбился. Говорил, что она была идеальной – красивой, веселой, умной и все потому, что он выбрал ее сам. Да, знаю, звучит странно даже для меня. Но сейчас все так делают. Помню, что после нескольких вечеров промывания мне мозга, я таки загорелся желанием из-за яркого примера друга и мы пошли выбирать мне девушку. В магазине стоял несносный шум женского трепетания и приятный, и в одно и то же время, резкий и отрезвляющий запах. Запах ассоциировался с тонким очертанием девственных ключиц и с развивающимися локонами на ветру. Глаза горели от восторга и разбегались от разнообразия. Я не знал на чем остановить взгляд. «Не курю, не пью, варю борщи», – читал я надписи на коробках, – «сама зарабатываю, не ною и люблю все блестящее». Коробки были все одинаковые. Глянцевые, красивые и так же приятно, но по разному, пахли. Девушки же были на любой вкус и абсолютно не похожи друг на друга. Я не знал, что конкретно мне нужно, просто настолько хотелось кого-то купить, что я не мог позволить себе выйти оттуда с пустыми руками.

Случайно наткнувшись на надпись: «шучу шутки, даю имена вещам и кручу сигареты друзьям», я остановился. Не знаю, кто мог бы так о себе написать. Странная, наверное. Ну, а для меня странная – значит интересная. Она была высокой, что очень мне подходило, мило и широко улыбалась. Не долго думая, а скорее всего, и вовсе не думая, а лишь на одном вспыхнувшем импульсе, через 5 минут я уже выходил оттуда с этой коробкой.

Первые дни мне было очень интересно. Я поставил коробку в прихожей и чуть ли пылинки с неё не сдувал, проходя домой. Мы много говорили, обо всем. Я даже писал

ей по вечерам из соседней комнаты и каждый день желал сладких снов. Осознав, что это довольно странно, что она стоит вот уже несколько дней «замурована» в этом картоне, я таки решился и открыл коробку. И быстро назвав её своей девушкой, я решил тут же рассказать всем вокруг о её существовании.

Сначала, мне было очень любопытно. Мы держались за руки и я мог смело поцеловать ее при людях. Казалось, что с каждым нашим выходом в свет, мой авторитет рос, как акции Эпл. Все это длилось, не мало, не много, недели 3. Я понял, что делить с ней свою комнату, мысли и своё время, которого и мне самому не хватало, я не могу. Да и не хочу. Наигрался, наверное. Мне просто стало не интересно и мало места для себя. Импульс сыграл своё дело. Ну вы знаете – приходишь в магазин и с огромным азартом покупаешь все, что только видишь. А потом приходишь домой и понимаешь, что все, что ты приобрёл полчаса назад, тебе нафиг не нужно.

В магазин мне вернуть ее так и не удалось – оказывается, у них есть выбор и она выбрала уйти. Похоже, что они даже обижаться умеют. Да ладно, не важно. Жаль только, что деньги не вернули. Вот это действительно обидно.

05.2017

ТЯНИ И УЛЫБАЙСЯ

Затягивало горло всё туже и туже, и глотать слюну становилось всё сложнее. Я вроде бы держался и не подавал виду, но даже мой голос местами срывался на некоторых словах. (Главное, чтобы никто не обратил внимание)

Ой, кажется, галстук свернулся, нужно поправить. Ну вот, другое дело, вытянув шею вверх, всё даже неплохо получилось и красных следов почти не видно. Так, ну вроде

бы нормально. Лучше, намного лучше. Шея перестала справляться и я решил помочь себе руками. Не теряя эту мысль, я обернулся, всё так же держа марку, потянул цепь руками. (Главное, не упасть лицом в грязь)

Дабы только костюм не порвался, это важно. Люди ведь заметят. Мне кажется, или я даже смогу улыбнуться этой даме? Так, теперь стоит напрячься ещё больше – цепь-то натянулась. Не понимаю, в чём дело, секунду назад я ещё мог это терпеть, но теперь становилось ещё сложнее. Намного сложнее. На долю секунды я забыл об окружающих и сосредоточился на цепи. Ухватившись двумя руками, я пытался тянуть, что есть силы. Тянул и улыбался, вежливым со всеми был, снова тянул и улыбался. (Главное, ещё чуть-чуть продержаться)

Я поднял голову, дабы посмотреть, откуда тянулась моя цепь. Булыжник, размером с Титаник, обвитый цепью, был прикован к моей шее. Никто не заметил испуг на моём лице? Надеюсь, нет. Главное, чтобы костюм был в порядке. И галстук, это важно. Никто не заметил.

Ладно, я буду улыбаться и тянуть, тянуть и улыбаться.

2014

ВЕСТНИК

Вечер – существо с очень тонкой душевной организацией. Он, как вестник, который либо приносит хорошие новости и вознаграждается безграничной улыбкой и мнимым внутренним ощущением счастья «царя», либо плохие, за что, в результате, уходит с головой уже не на плечах, а в собственных ладонях. Но что на самом деле человеку нужно, для того, чтобы оставить вестника без права каждый раз регенерировать свой котелок, а просто получать удовольствие от каждого прожитого дня?

Бумажки с автографом Рузвельта или мир во всем мире? Булшит! – скажу вам я – паникёр (как оказалось) самой последней стадии, аналитик всего, что движется и вечно бегущий в транспорте лабиринте. Наврав своим двум с половиной подписчиков в твиттере, что напьюсь валерьянки и от очередного «горя» упаду в глубокой спячке, вернулась домой в невероятном настроении, таки встретив по дороге своего вестника. Наблюдала, как взрослые парни играют фрисби просто посреди площади, одаривая прохожих девчат улыбкой, между передачами друг другу тарелки. Слушала музыку совершенно понятного мне происхождения и умилялась угловатым фразам в песнях о выпускном и первой любви. Зачитывалась постами людей о пристрастиям к кофе и утренним ритуалам, и так искренне радовалась за тех, кто ещё смог продлить это лето поездками на встречу с бушующими зелено-голубыми. И хоть своего вестника я сегодня крепко обнимала, благодаря за столь добрый вечер, я все же поискала название своей новой фобии и приготовилась воевать со следующим днём.

Стоит лишь научиться правильно встречать вечер и давать ему возможность хотя бы чуть-чуть тебя развлекать.

09.2016

Андрей Джером

Потух огонь, в закате сентября
Скотился луч, воздав знаменье звездам
Покров прохлады обрела земля
Играл лишь ветер, на ветвях берёзы

В пучине тьмы и песни тиншины
В часы покоя и покрова ночи
Сжигая образ чёрной пелены
Пролился свет паляще-желтой мочи

Пролилось золото по линии земли
Огрелись листья, ветви зашатались
Бегут галопом бешенные дни
В моментах памяти они давно остались

Вот так летят неделя за неделей.
Порочный круг не правда ли хорош ?
Все начинается формально! В Понедельник.
В конце тебя бросает в дрожь.

Ты осознав, примерно в Воскресенье
На утро, протрезвев опять
Что нужно где-то в Понедельник
Уже хоть что-то помненья.

А что менять?
Наверно ли работу?
Да нет, пожалуй подожду!
Набью кариман ещё немного
И поменяю в следующем году

А может спортом взять бы и заняться?
Как год лежит уже абонемент
Да нет! С утра бы поваляться.
А вечером и сил ведь больше нет.

Быть может мне в любви кому признаться?
Гореть пред кем-то и дарить тепло.
Да нет! Тут надо же стараться.
Я буду ждать того что суждено.

Ну а пока, по клубам буду шляться
По Пятницам кутить и пить вино
Неистово я в страсти буду клясться
В Субботу утром будет все равно

Вот так летят неделя за неделей
А может год за годом, не пойму
Начну, наверно, в этот Понедельник
И поменяю в следующем году.

Средь бурь не нужен поиск света
Букет иллюзий разбросай
Не стоит ждать судьбы ответа
Лишь ветра шум, как дикий лай

Ты с силою своей собравшись
Поставив времени вопрос
И с ветром встречным не считавшись
Путем пройти, что весь зарос

Как весть благую, на дороге
Увидишь вещей света луч
У перемены на пороге
Ты не увидишь чёрных туч

В блаженство света, в миг покоя
Хотелось бы уйти навек
Но си блаженства, будто Троя
Исчезнут как и человек

Не видя надобности в буре,
Подарки нежности копя,
Состав меняется в структуре,
Избыток мягкости храня.

И находясь в уютном месте,
От бурь всегда лишь убегать.
Ты будто в длительном аресте,
Себя рискуешь потерять.

Мятежность и покой едины
В балансе спрятанный секрет
Вперёд на стены, на вершины!
И все твоё тебя найдет!

Владимир Еремейчук

Всем привет, меня зовут Владимир Еремейчук, мне 30 лет. Всегда мечтал попробовать пожить где-нибудь ещё, и вот я, оставив отличную работу маркетолога в Калининграде (Россия), отправился в Варшаву на поиски музыки.

ВОЛНА

Увольнение явилось, как гром среди ясного неба. Конечно, этого следовало ожидать: новое руководство, сложности с выполнением бюджета, небольшое падение по сравнению с прошлым годом во время смены «партии и правительства». Плюс мое личное несогласие с происходящим. «Вы видите, что происходит с экономикой? – спрашивал я, новая идея – хорошо! Но нужны исследования, анализ, знание особенностей...». Большим боссам из Германии, вероятно, плевать на мои выводы. Им везде мерещится обман, воровство, неумение, нежелание, сопротивление...и вообще! у нас тут нет качественного европейского менеджмента.

И вот он пришел, точнее прилетел...

Все равно, когда гремит гром, ты надеешься, что все уляжется, и ты останешься невредимым на поле бизнеса, увы, это не всегда так. Надежда рухнула в понедельник после совещания.

– Данил, вы хорошо потрудились, – начал любезно разговор на вылет, Ганс, – к сожалению, (тон изменился) мы платим Вам слишком много, а компании требуется сокращение бюджета, за вашу работу мы бы хотели платить меньше, вас, наверняка, такое положение дел не устроит?!

– Цены растут, сокращение зарплаты мне явно не подходит.

– Я хочу Вас попросить написать заявление об увольнение по собственному желанию, так ведь удобнее всем.

Смотрю ему прямо в глаза и думаю, сейчас я буду писать заявление, а как же мои премиальные, годовой бонус и прочие прелести контракта, который не расторгается до его завершения, и решаю вежливо намекнуть, что просто так не напишу заявление. – Я не понимаю, почему вы оцениваете мою работу, как не удовлетворительную?

– Мы не говорим, что вы плохо работаете, просто компания нуждается в пересмотре приоритетов, и нам такой опытный маркетолог, как вы, просто не по карману, – ох, какая лесть, после таких слов хочется схватить его за грудки и хорошенько навалить.

– Компания вам выплатит деньги, – продолжил Ганс, – за этот месяц и за половину следующего, чтоб вы смогли подыскать себе работу.

– Класс! Перед новым годом так я себе что-то и нашел.

– Рад слышать, тогда у меня нет вопросов, когда я смогу получить расчет? – фальшивая улыбка.

– Думаю, к середине декабря...

И вот уже пятница – вечер, во всех делах поставлена точка, почта моя заблокирована. Надеюсь, они не будут читать мою переписку, так как есть в ней и кое-что личное, такого немного, но все же не хотелось.

Встаю с места, киваю своим коллегам. Все улыбаются, всем, откровенно говоря, пофиг, что меня выкинули из седла. Никаких фраз поддержки. Тишина. Конечно, нашлись и смельчаки. Эля, Ольга, Влад что-то обычное, но чертовски нужное сказали, типа: «Новый этап, не расстраивайся, что-нибудь найдется и самое лучшее. Ты же сам этого хотел!»

Именно сам этого хотел! Теперь мне ничто не мешает уехать на остров и поймать лучшую волну, коснуться доски, пойти против течения, делать то, что на самом деле хочется. Теперь я – король Мира, только с маленькой поправкой: денег ровно на две недели. А что потом? Чувствуется тяжелая

ноша: съемная квартира, надвигающаяся голодовка, к сожалению, я не родился с золотой ложкой во рту, и у меня не умерла двоюродная бабушка в Москве, которая почему-то решила оставить квартиру в наследство мне.

Но! Пенячь на судьбу не стоит, жив – здоров, и на том «спасибо Богу, судьбе или кого там стоит благодарить».

Закрываю дверь кабинета и направляюсь к лифту, нажимаю кнопку, а в голове пусто, хочется забраться в уютную постель и оттуда уже ни ногой, лишь бы, красивые женщины и друзья навещали меня, приносили воду, фрукты, снадобья и алкоголь. (Бойся данайцев, плоды приносящих...) Двери лифта открываются, он пуст, как будто отражает мое сознание, вернее идеи, что делать. Бутылка вина или... отгоняю эти мысли прочь. Вино и танцы пускай остаются на моменты, когда все хорошо, когда любимая девушка обнимает меня, когда любимый футбольный клуб выходит в Премьер – лигу, о победе на чемпионате мира нашей сборной я мечтать не смею. Нет, безудержное веселье пускай останется на тот момент, когда мне скажут: «Вы приняты на работу, надеюсь, вы оправдаете мои ожидания». Еще как оправдаю! Я же чертовски крутой маркетолог, ну не настолько, как герои из книг, но все же я кое-что могу.

Мысли звучат как самоутешение, они готовы метаться из стороны в сторону: да, я крут! И, нет, я не крут, кто вообще крут или не крут... Давинчи крут, но его уже нет. А при жизни его считали крутым? Вроде да. А многих при жизни не считали крутыми. Вот, например, Ван Гог, был не крут в свое время, а сейчас, может маркетинг... Но его картины мне нравятся. Пикассо мне не нравится, не понимаю его. Хотя кто я такой, чтоб рассуждать об искусстве? Или наоборот, почему бы мое мнение не считать аксиомой? Передо мной возникает трибуна, и я на ней, вещаю, что хорошо, а что плохо. Платная медицина – не допустимо, запрещение абортвов после изнасилования – не допустимо, война – не допустимо, педофилия – не допустимо, расстрел всех недобропорядоч-

ных... и тут я превращаюсь в Африканского диктатора, двери открываются, и я оказываюсь в фойе бизнес – центра.

Сбоку сидит охранник, усатый пожилой охранник Петя, машу ему рукой и двигаюсь дальше по коридору мимо кофейных аппаратов, где, как обычно, толпятся другие менеджеры среднего звена, обсуждая какие-то личные или рабочие вопросы. Больше в это здание ни ногой, хотя кто его знает, все-таки три с половиной года провел именно в этом здании, мне его будет не хватать, глядишь возьмут в соседний офис.

Статистика говорит, что на работу тратишь большую часть жизни, вот, наверное, почему у меня такая пустота или фрустрация, в понедельник у меня забрали часть жизни. Теперь часть жизни, которая была занята работой не знает, что делать, и она готова стать некой проституткой на рынке труда, лишь бы куда приняли. Конечно, я не студент, и мне с моим опытом будет не сложно что-то найти, но за неделю никто не позвал на собеседование, ну ладно новый год на носу, кто сейчас возьмет маркетолога. Вся движуха начнется в феврале, а сейчас – спортивный зал, изучение иностранного языка, ведь мой английский весьма плох.

Свежий воздух с дождливым привкусом, как будто природа специально готовилась к моему выходу. Сигарету подкрадывается призрак никотина, но я больше не курю, по углам центра стоят опять, же менеджеры, и травиться дымом, меня, так и тянет к ним. Шагаю прочь, как Одиссей спасался от прекрасных нимф, мне нужен свежее выжатый морковный сок вот что доктор прописал.

Перехожу дорогу и направляюсь в большой супермаркет, где есть прекрасный фастфуд в плане здоровой пищи, где подают йогурты, салаты и соевое мясо, которое отвратительно на вкус, молочные коктейли, свежие выжатые соки.

Сажусь за барную стойку или как это назвать, подходит бармен сока или веселый молочник, а может и freshman.

– Добрый день, что желаете? – улыбается.

– Лучший морковный!

– Большой или маленький?

– Большой и сливок! – через несколько минут мне падают сок, делаю пару больших глотков и мне становится хорошо. Снова возвращаюсь в теплые края, как странно морковь и тепло, пускай будет Краснодарский край, волны там нет, но мне уютно, хотя там и не был никогда. Может действительно стоит переехать в другой город.

Волна, я не умею на серфе кататься, но хочу научиться этой зимой собирался это сделать, увы, или, же плюнуть... Переехать к родителям и свалить на две недельки, а там будь что будет? Сомнения меня терзали, но снова лезть на шею к родителям не хотелось, тем более, что учесть тот факт, что после универа сидел два года дома без работы и вел не самый пристойный образ жизни. Лучше не буду беспокоить их.

Еще пару глотков и замечаю часы в форме коровы, которая радостно машет рукой, предлагая банановый молочный коктейль, причем хочу заметить, что он здесь лучший в городе! Время 18.07 и сердце начинает стучать немного быстрее, дело в том, что каждое утро и вечер, возвращаясь с работы, или направляясь на работу на перекрестке, встречаю её. Еще пару больших глотков бросаю деньги и вылетаю из супермаркета быстрее к перекрестку.

Я вовремя горит красный свет стаю на перекрестке, напротив она рядом с ней её верный конь темно зеленого цвета с покрашенными по бокам белым шинами, как на старых машинах. Она среднего роста длинноволосая брюнетка с черными глазами, губы не сменно в красной помаде, лицо белое как у аристократок прошлых веков, сегодня на ней черное пальто высокие бардовые сапоги, в тон перчатки. Она прекрасна, она богиня самое светлое, что было сегодня, не считая утренней нашей встречи. Загорается зеленый свет, она плавно шагает навстречу.

В голове всплывают мысль о великом спасении от сумасшедшего водителя. Она шагает и вот появляется черная BMW, несется на нее, я срываюсь с места, подхватываю её.

Мы падаем на мягкую траву, она целует меня, говоря «мой герой», все хлопают в ладоши... Боже мне почти тридцать пять, а все верю в сказки.

Она замечает меня и улыбается мне украдкой, за то время что мы ходим туда-сюда, мы стали приветствовать друг друга, но в её улыбки замечаю грусть, как, будто она тоже грустит, что мы больше не увидимся. Меня передернуло, увольнение забрала не только часть жизни, но и тайную любовь и я срочно должен, что-то делать! Разворачиваюсь, догоняю её и говорю:

– Эй, привет, классный велосипед, – блин, что я несусь.

Ещё одна фантазия, даже эта идиотская фраза могла спасти положение, но мы расходимся по разным сторонам, и она уже прыгает на свой велосипед и двигается дальше. Смотрю в след, дождь усиливается, и она прибавляет скорости, не обращая внимания на дождь, другие люди бегут в укрытия, но ей все нипочем.

Надо было действовать, возможно, уже сейчас мы на той стороне или на трассе стояли, обняли друг друга, целовались, вокруг гудели бы машины, а мы блаженны, как в прекрасной сказке о любви, но я на другой стороне.

Разворачиваюсь, и иду домой, так же как она не прячусь от дождя, только вперед в ванну и теплую постель, чтоб меня никто не видел и не слышал. На что я мог рассчитывать успокаивал я себя, наверняка ей нравятся ребята с бородой и дурацкими челочками и узкими галстуками, я другой формации. Короткая стрижка, кеды, костюм, рабочий портфель, да тоже в общем ничего, острые черта лица, как сам дьявол, эх самолюбие не лучшие мое качество.

Дома Lou Armstrong и Barry White мои лучшие друзья ломают стены, разбивают стекла, падаю в музыкальном блаженстве в постель и засыпаю, попадая в безопасное место, где никто меня не потревожит и каждое утро мне хотелось вернуться обратно, но меня не пускали. Хлопья молоко, кто-то заходил в гости, где-то смотрел кино про любовь и ложь.

Выходные закончились, и организм сам без будильника проснулся во время и так на следующий день, собеседование, еще пару дней телефон молчит изредка, кто-то по привычке набирает меня решить проблему компании. Еще один день и вот я снова с утра открываю глаза с мыслями о тебе прекрасной, встаю и бегу на остановку, но её нет, вечером тоже.

Тут я понимаю, что проходит вторая неделя, а я все хожу, ищу встречи с ней, работа это мелочи, а вот то, что нет тебя, нет той тайной любви меня выбивает из колеи. Лучше просто думал, что она как прежде каждый будний день проходить той же дорогой, но её нет. Может, простыла, может у нее отпуск перед новым годом, ведь уже 20 декабря и не плохо так взять отпуск накануне больших выходных, и уехать в теплые страны со своим... даже думать не хочу. Вообще накрутил я себе, нет магии любви, надо просто. Слишком уж за эти дни я превратился в себя жалеющего человека.

21 декабря отправился купить подарки своему лучшему другу и родителям, очередные пылесборники, хотя в подарках главное внимание. И вот под свинцовым небом я захожу в очередной магазин и вижу её. Она как всегда прекрасна, сердце начинает стучать, как у школьника, но я держусь, иду к ней, шибая какие-то коробки, как корабль, рассекающий волны. На шум она оборачивается, а я совсем рядом с ней она узнает мне и улыбается.

– Рад Вас видеть! – боже, что я несу, какой рад, ведь до этого у меня столько было заготовок, как можно начать разговор, но они все стерты и голос дрожит. Женщинам нравиться уверенные героические мужчины, а я...

– Я тоже, чего-то не хватало в эти дни! – она протягивает мне елочную игрушку, и вот мы держимся вместе за нее

– Возможно чуда, – мы смотрим на игрушку и видим наши отражения, не знаю, что произойдет дальше, но знаю точно, мы будем вместе, и этой зимой мы поймем самую большую волну.

Землит

Родом из Могилева, Беларусь. Живу в Варшаве уже 5 лет. По образованию антрополог культуры. Занимаюсь изучением новых религиозных движений.

МЕНЯ ЗОВУТ ЗЕМЛИТ...

меня зовут Землит,
и моего отца зовут Землит,
и деда моего величали Землит,
и прадеда называно також Землит,
а ойче во койи ми естсе пропрадедом волано Землит,
е пропропрадеде мени
яки естесе пропрадедови ойчезном
такоеже Землит.

человек это что
человек стоял как скала
объезженная рекой
источенная ветром
и успокоенная временем

булькала и блинькала река
бегающая бесконечные хороводы
завевал в горных просторах ветер

ку-ку
ку-ку
ку-ку
дразнило время растерявшийся по небу ветер
ветер отвечал сбрасывая вниз камни

человек стоял стойко и молчал
он слушал

шепот и рёв ветра
блеск и плёск реки
шарх и сып каменьев

думает ветер
говорящий
думает река
говорящая
думает каменья
поющие
по хребту
бьющие

взрывается камешек
человек в а(.)уе
таких камней не бывает
это тратил
тратил говорит ветер
это ты
зае(.)ал точка
истукан истукан
человек человек

ждёт пока ветер расскажет реке
ждёт пока река расскажет камню
а камень падает с горы вниз
и бьет тебя по е(.)алу

камни больше не сыпятся
ветер смеется тише
река продолжает течь

МАЛЕНЬКИЕ ВЕРЛИБРЫ НА ЗАМЕНУ БОЛЬШОМУ И МАТЕРНОМУ:

О, город!
о город-лабиринт, ты
дом из карт
стоящий на канате ветра,
всего мгновенье
до распада.
куда,
скажи,
податься мне,

чтоб потеряться
навсегда,
забыть,
кто я такой...

ТИТ ГРГР ТИ

Древесный тит гргр ти
смотрел на ощупь сорняки.
Смотрел безглазый как колокол и лысый как удав.
Сорняки пагубной породы древесной коры были родны его
ощупи,
хотя бы древесомостью своей!
Посмотрел и ударил.
Посмотрел и оставил ударенный сорнич
удавам и колоколобителям всея земной иудолы.
Тит гр гр ти хоть и древом гоним,
да не весь!
Остался рассудок,
осталась и честь лесного жителя!

ПУГАЛО

ни души
в ночном саду
виднеется только
неподвижен
угловатый молчун
долговязого чучела
– эй!
привет,
кто позвал тебя,
пугало, смотрящее сквозь все вещи?–

ШЁЛ РЕБЁНКОМ

шёл ребенком по улице,
где небо
и слышал
журчание воды
зачерпнул горстью ключ
святого источника
потом стоял блаженный
со слезами на глазах
зачем
зачем мне эта вода из фонтана

СЕРДЦЕВИНА

– когда сердцевина цветка...
– опадают листья с неё.
– когда сердцевина цветка...
– надо поменять воду.

- когда сердцевина цветка...
- эти цветы не настоящие...
- когда сердцевина цветка...
- но они так красивы!
- когда сердцевина цветка...
- но они блестят на солнце,
золотом блестят на солнце!
- когда сердцевина цветка – это твоя собственная сердцевина...

ГОЛЫШОМ

прежде чем
зайти в воду
всегда сомневался
всё ли снял
говорил себе
что-то забыл снять

да
кожу
детство
ванна
разделся
но
замер
нет
забыл что-то снять
да
забыл
так и стою...

a tamta kula leciała tak szybko
tremaro leciała ta kula
tak szybko!
tremaro leciała
tak szybko że młotem
obiła parapet
tremaro ta kula leciała
tak szybko że lawą
oblała podłogę
tremara
i ścianę przebiła
przechodząc przez
kruchę
ściereczki umysłu
kuleczki cebuli
są wewnątrz twej czaszki
tam kula przelata
po środku kuleczków
Przez ścierki pozdrawia
nas wszystkich
tak dumnie
leciała ta kula
tak szybko!
pozdrawia i spływa
ucieka do wiosny
do lata, do zimy
do błogiej drużyny
jesieni tremarej
do kułki-kukułki
krującej zatułki
do kułki-kukułki
śpijącej kukułkom
innym...

Grzechoty sturące
grzechoty kuleczkow i ściarek
tremari i głośne
tak głośne, że nawet
że stąd słyhać nawet
tremarego głosu o głosie.

O, Głosie!

Powiedział: tremare
następnie: kalecz
a później:
kalecz-kalecz
przebij-przebij
spływaj,
później,
znów przebijaj
dalej-dalej
aż nie skończysz
swojej misji
aż nie zmęczysz
się nie zmęczysz
aż nie zmęczysz
się nie zmęczysz
się nie zmęczysz
się nie zawrzesz
się nie zawszeż
się nie zawsze że
nie że sze sie
nie sze nie sie
nie sia nie sio
zie swe wle tle
zna lepiej
wle
wle wle
wle wle

wle wle
my myli mamy um
lub nie

Posłuchaj,
odejść nam czy nie?
Posłuchaj,
stał parapet.
Tam
została tylko noc,
parapet też
co młotem obijano,
został!
mej mamie
nie spodobał się
twojej mamie
nie spodobał się
mnie również
nie podoba się
mniemanie
nie podoba się
nikomu...

Drobiazg został
noc nadeszła
cóż ty?
rzuć to, marne, wieczne
cóż ty?
rzuć ten szlak owieczny
słuchaj, śnił mi się
owieczny
szlak owieczny
szlak owieczny

szlak ten
był wielkości rzeczy
wiecznie porzuconych
rzeczy
więc nie warto
więc nie warto
więc dziękuję
ślicznie, kulu
mały sprytny zabobonik
mały grzeczny odpowiednik
wielkiego potopu wszystkich

Spływa falami cię prosto na głowę,
ciemniączo mijając,
niczego więcej nie zostawiając,
tam
niczego więcej nie zostało
niczego już
w zasadzie nie ma
tam
dość było
wybuchów głośnych,
przesycona jest już
ziemia
przesyceni są już
trawy
przesycone jest też
słońce
zbytnio nawet
przesycone
serce me lęклиwe.
...przysięgamy zatem, zabijemy cię raz tylko,
na zawsze bowiem,
tylko raz.

Ваня Каменев

Вспышка, вспышка в голове, и из неё куда-то деться, в какой-то образ или звук, и все руками создается, нельзя отбросить, успокоить, мои мысли, руки, они бегут, несутся делать, они не знают сна и скуки, из мысли в жизнь, из ручки в листья, из медиатора по струнному, рожденный образ вечен, мечём порезал твою душу, оставшись там, как часть вселенной, как искра вечного огня, взорвет тебя, и твое тело, ведь образ мой живеет тебя!

Я – небрежное тело, я – обманный чудак, я пустой как коробка, но говорю, что не так, я скрываю свой страх, я скрываю свой разум, я, скрываю себя, под картонную маску, кто-то просит взглянуть в коробку мою, я взглянуть не даю, я загадку таю, если кто-то увидит, если кто-то поймет, мне не справится с этим, это тягость убьет, а чему умирать, ведь коробка пустая, только время тяну, коробка гнивает.

Я ждал и не жду, я верю в минуту, что все хорошо и что я где-то буду, что точки сойдутся, что я все-все сделал, что мог, что могу, во что верил и верю, что будет увидим, но навряд ли напрасно бросают на камни, отняв наши ласты, они нам не надо, раз так просто отдали, нам моря и без ласт кажутся небесами, у морей есть границы, у небес их и нету, вот и точки сошлись, мы хотим плыть по ветру, хотим видеть море, не барахтаться в нем, зная что в границах когда-то умрем, мы умрем может завтра, или может сегодня, и поэтому крылья нас несут по бездолью, мы не хотим увидеть плохие примеры, не хотим их искать, хотим сами все сделать, как велит наше сердце, мы во власти любви, и поэтому слышим,

как бьются они!!!! И поэтому живы, и поэтому будем, никогда не умрем, потому что разбудим друг друга в смятении, друг друга в сомнении, потому что вся жизнь – всего лишь мгновение, нет времени думать, нет времени ждать, ведь мы знаем, что скоро, мы должны умирать.

Каждый день хотят убить мою мораль и мысли, каждый день, надеясь сбросить с облака мечты, хотят впихнуть в меня свои же страхи, что бы я навеки стал таким же как они
чтобы шлялся по земле без действий и желаний, чтобы боялся даже в небо посмотреть, что бы закрыл глаза и шел в потоке бля(.)ства, и мечтал лишь об одном – скорее умереть.

И снова со строительной сумкой, и снова возвращаюсь туда, где ты – строительный мусор, где себя продаешь за дарма, где будет потрачено время, где ты будешь сидеть и ждать, когда вернешься к любимой и будешь её целовать, И так пробегают недели, и так пробегают года, и когда закончится это? Когда денег будет немерено..... НИКОГДА

Анна Карпова

Аня, 20 лет. Фотограф из Киева. В нынешнее время изучает социологию в Варшаве.

ЛЕЗВИЕ И ВОПЯЩАЯ

Человек, как матрешка: либо не раздевается вовсе, либо перед каждым по-разному. В любви раздеться приходится полностью, а там – либо тебя любят, не ожидая, что ты снимешь с себя кожу, либо бегут дальше раздевать тех, кто хочет быть раздетым. Мы ошибаемся только в себе. И только единожды. В истине, изменчивой в проявлениях, нельзя ошибиться. В каждом конце жидется начало, часы дважды показывают правильное время, а чёрная полоса оказывается взлетной.

По стечению времён дни, когда мы обходились без имён, повисли на распятиях, как воспоминания шрамами на запястьях.

Вновь слышать твой голос – это как кастрюлю с болью черпать половником. Это тот забытый запах когда-то любимых волос, внезапно прорвавшийся сквозь вереницу лет и событий, это тот случайно найденный в шкафу снимок ещё молодой мамы, это ломтик свежеиспечённого пирога, впервые приготовленного бабушкой с тех пор, как ты вырос, это миг, когда тебе снова пять и ты еще не знаешь, как хорошо быть ребёнком. Это твой первый вкус, это твой первый запах, первое касание моих губ, первое, что осталось в памяти. Сперва было Слово, а голос был всем: мечтой и, озарившим к ней путь, светом. Этот миг, словно вспышка, подарившая слепому свет, собравшая разобранный мир потрескавшимися частями. Я не вру себе. Я ненавижу, потому что пляшу танцы Арни Матисса вокруг кострища Логоса, пляшу ничуть не хуже потрескивающих угольков на раскалённой

жаровне. Я не вру себе. Я ненавижу, потому что, наевшись, приготовленных тобой на завтрак гвоздей, мои собаки рвут парфорсы и, скуля, роняют шёпот в пустоту прозябших улиц: оттого, что человек умер, его нельзя перестать любить. Я ненавижу, как утопленник ненавидит сушу, как любящая мать ненавидит детей, что бьют стекла. Ненавижу, потому что, когда ты поёшь – во мне трещат сиянием перегоревшие лампочки. И даже покрывшись трубной сажой, мне хочется сиять так чисто, как глаза родителей, чьи дети поют в церковном хоре. Я ненавижу, потому что вместо трухи и плевел, нахожу в себе солнечных зайчиков, которые греются у меня на ладошке, теплые сны под подушкой и котёнка, свернувшегося клубком на моей кровати. Его хочется гладить. Я ненавижу, потому что ребёнок во мне плачет.

Действие происходит там, где уже ничего не происходит. Образный бросок мысли в прошлое: весь мир ушёл, а их двое осталось. Она, как протянутая рука из зрачка, а он – мелкая металлическая опилка, притянутая магнитом. Вечер рисовал каждой зеленой кроне нимб из света фонарей, а деревья выстраивал многоточием. Желто-розовые пухлые бутончики цветов вывернулись наизнанку и, казалось, тычинки, выглянув наружу, смотрели только в её глаза. Шаг, шаг, шаг, шаг и еще один шаг. Она оторвала взгляд от ног и подняла голову – на небо кто-то пролил вишневый сок, от чего волосы от корней до секущихся кончиков нечаянно стали чувствительными. Её глаза в этот момент были похожи на ключья рваных туч, а в голове было приятно пусто. Иногда люди оказываются в такой невыносимой близости с красотой, что кажется, будто, пробегающие по рукам мурашки на своих спинках переносят маленькие опилки чуда.

Они шли, шли без направления и без повода. И если бы не вино, которое преодолело неловкость за них двоих, он так бы и не понял, что любовь – единственное, чем она не боле-

ла. Они – две мыслящие точки, которые оказались в одной плоскости. Мне никогда не хватит слов, чтобы это описать, но это как найти в спектре из нескольких миллиардов нужную частоту, это как разделить большую ватрушку с ягодами на двоих, это как пытаться не слюбиться к ста годам, это как искать слова, не найти и понять, что слова лишние. Они оказались в такой немислимой близости, что казалось, будто над ними нависают метры лирической музыки, килограммы стихов о любви и литры ментальных касаний. Она рассказывала ему, что видела в метро женщину со славной фиолетовой родинкой в форме сердца на левом виске, что плач зеленой листвы в тёплый день – это всего лишь объяснение солнцу в любви. Рассказала даже о том, что она живёт с ощущением постоянной обессиленности, как если бы её жизнь была похожа на марафон, а она на бегуна, который должен первым добежать до цели. И чуть слышно произнесёт, что больше всего она завидует голубям, которые целуются на крышах автобусных остановок. Удивится, что произнесла это вслух – закроет лицо руками и решит больше вообще ничего не говорить.

Он попытается отреагировать. Почти не заикаясь выпалит: «Ты только подумай, Земля на большом расстоянии, как маленькая чёрная блоха, – слова прозвучат неожиданно, но, видит Бог, её уши никогда не слышали чего-то более уместного. – Только вдумайся! Здесь, в этой цитадели прекрасного, это кажется самой большой нелепостью, которую мне когда-либо доводилось слышать. Мол, шумевшие молодые листья, асфальтированная дорога, которой конца-краю не видно, деревья, обнявшиеся с фонарями, и где-то там дальше целый мир таких же беспокойных детей, как и мы, целый мир любовниц, любовников, обиженных и обидчиков, инквизиторов, революционеров, пасторов, либералов, демократов, консерваторов, агностиков, врачей, сантехников, домработниц и просто потерянных без вести в толпе людей – все это только космическая пылинка в очень большой кастрюле

со звёздами и туманностями. Ты можешь себе это представить? За линией Армстронга наш мир буквально прекрасное Ничто». В конце концов сведёт все к эклектике и к тому, если ты не один, то жить можно даже под ножкой кухонного стола. Не озвучивая произнесёт: «Я слишком долго тебя искал».

Если бы я когда-то написала книгу о моей жизни, то я бы не написала ни единого слова – оставила бы страницы пустыми. Однажды она попадёт в руки близкому моему духу читателю, он будет подчеркивать карандашом мои славные ненаписанные слова, потому что увидит в этом что-то большее, чем отсутствие букв. И жизнь, сотрясая воздух, шепнёт ему на ушко: «ты постиг истину, понял, что, если истина и существует, то она прячется в подчеркнутых карандашом словах».

НА ТВОИХ КАМНЯХ РАСТУТ ДЕРЕВЬЯ

Как-то в детстве я шла ночью одна, страх вертел моей головой, а глаза предательским находили пугающие тени существ, и я помню топот моих ботинок, – ох уж эти дикие ноги, казалось, ещё шаг и земля закончится.

Я до сих пор бегу, потому что стоячая вода тухнет, потому что глаза все также предательски находят мыслящие силуэты соломенных чучел, которые, словно собаки, преследуют и кусают за ноги. Понимание приходит всегда чуть позже, а до этого нужно наступить на грабли, возвести берлинскую стену и забросить на спину очередной мешок ностальгической эмпирии.

Скитаясь миру, как Психея, я спотыкалась о лежащие на земле, соломенные чучела и скулила, покрывалась пылью боли, когда они кусали меня за ноги. И я любила этот мир. За каждое чучело, за каждого пластилинового человека, любила, хоть люди в нем не такие как в книгах, и я не смогу позвонишь кому-то, кто был бы похож на персонажей из

рассказов Сэлинджера, Господи, я и сама не похожа ни на одного из них. Я любила этот мир даже когда весь род Каина разводил руками, закатывал глаза и покачивал непонимающе головами. Я любила этот мир за объятия и поцелуи, оставленные в памяти длимыми кадрами Тарковского, за растянутые свитера в цвет фильмов Андерсона, за вкус молодости, ощущаемый на кончике языка, когда читаешь «бродяг дхармы» вслух. Я любила эту жизнь, когда она, выплеснув мне в лицо холодную жидкость трезвости и реализма, бросала впридачу стакан на голову. И где-то глубоко в себе, я сидела под деревом, упершись спиной в холодный ствол; смотрела на сад нескучный, мешая поровну любовь и страх. Воспоминания, словно крепкие пальцы, вились вокруг моей шеи. Пережить объятия с прошлым было бы куда проще, если бы человеческое тело отличало подлинность мыслей от реальности. Я сидела, упершись спиной в холодный ствол, и боялась всего, что было. Ещё больше я боюсь того, чего не будет. Мне даже неудобно как-то, слова становятся скользкими, как снятая кожа молодого клена, а мысли похожими на ветку, намокшую под дождём. Мне никогда не хватит слов, но я люблю этот мир за то, что в нем есть ты. Я просыпаюсь рано утром и собираю остатки сна, разбросанные по разным углам моей костяной пещеры. Ночью мне приснился поэт, который читал стих о моей жизни. У поэта дрожали руки и подскакивала верхняя губа. Я бы засмеялась, но стих был грустным, а поэт был слишком похож на меня. Первые строки спрятались где-то между зубами, потом он трижды запнулся, в конце концов плюхнулся наземь, упёрся спиной в холодную стену и рассказал историю о двух влюблённых, которые жили на разных планетах, но ночью, в самое честное время дня, эти двое садились на борт воображаемой ржавой жестянки и путешествовали по неизведанным доселе мирам. Поэт говорил, что ночью они делали шаг до самой Луны, трогали голыми руками оголенные провода чувствительности, доводя друг друга до состояния

отрешенности. Растягивали души словно полотно в разные стороны, учились не содрогаться от касаний, любить, не обладая и пускать блинчики по воде. Со временем ей даже начали нравиться его стихи и музыка, которую он играет чайной ложкой по кружке. Они подбирали на своём пути бездомных кошек, ловили руками отображение звёзд в глади ночных морей и, глотая тишину, слушали брание Солнца и кольца Сатурна. Он шептал, что ему нравятся её иголки и то, что она пахнёт цветами и детским кремом, а её ранимость сводит его с ума. Она же вязала ему из своих объятий свитер и повторяла его имя чаще, чем «Отче Наш». Однажды ночью он попросил её сшить из его рубашек парус, чтобы причалить к безымянной земле. В эту ночь одежда сама с них спадала, и они видели самые сладкие сны. Голодные и не одетые они лежали на пляже до самого утра, слушали волны и наслаждались отсутствием физической и душевной боли. Они были одиноки одинаково. Она всхлипывала, он рифмовал. В конце истории поэт обронил свои мысли на ладони и, глядя в пустоту, произнёс: «Чуть позже её ранимость сведёт его с ума, а по его мечтам она напишет первую книгу. Но между ними не будет грязи, даже когда между ними уже ничего не будет. Когда-то будет казаться совершенно невыносимым, что существовали такие люди, как вы».

Есть вещи, которые не описать словами, но в конце концов, неужели может быть хоть что-то лучшее, чем поэтическая филигрань двух душ, поющих в унисон о радуге хрустальных граней? Неужели в этой жизни есть что-то важнее, чем найти человека, который ощущает этот мир так же, как и ты. Есть вещи, которые не описать словами, но любовь – это поэзия без слов.

Я люблю этот мир за то, что в нем есть ты.

Георгий Козловский

Моё имя – Георгий Козловский, трэш-поэт. Мои стихи – это вызов современному потребительскому образу бытия. Мы стали забывать, что красота кроется в простоте. А ведь в большинстве случаев банка «Балтики» приносит куда больше удовольствия, чем новый Айфон, похожий на цинковый гроб.

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Твой нежный и приятный запах,
Твои румяные тела.
На ужин, на обед и завтрак.
Один вариант лишь – шаурма.

Никто ничто ведь не любил так,
Чтоб сердцем всем, чтоб прям трагизм.
На небесах с тобою заключил брак.
Ты лечишь жизнь, ты утоляешь пессимизм.

Ты остротой своей согреешь,
И соус сердце охладит
В России, в Польше, хоть в Корее
Мой путь всегда к тебе лежит.

И не позволяйте только, мрази,
Мясное сердце на фалафель поменять.
Не трогайте любовь вы, Бога ради!
Она мне жизнь дала, она как мать!

ПАВЛЕНСКИЙ

Смотрите на него, он – творческая личность
Гвоздей охапку он набрал в кулак.
И чтобы проявить свою отличность
Прибил к брусчатке парочку своих гонад.

Ведь это его слово, о том, что несогласен.
С тем, что меж ног у него нет дыры.
Хоть и протест простой он несколько не ясен
И непонятно, что у него вместо головы.

Уж лучше б вместо решета своей мошонки
В картину или стих излил печаль своей душонки.

КОСТЮМ

Он греет тело, он исцеляет душу.
Он скован молнией – подгоном бога Зевса.
Когда ты облачишь в него свою скверную тушу
Жизнь торжествует вновь и ровно бьётся сердце.

Весенним солнцем он тепло рождает,
Ладонь твою нежно пленит карман,
Что кажется вместил бы всё: вселенную, да и пакет насвая.
Поместятся там семки, пиво и к нему стакан.

Зачем эти плащи, ведь лоск для педерастов,
И пиджаки не надо, я не ценю их тоже!
Мне б курточку на молнии с большим белым лампасом,
Чтоб как луч света растеклась по моей коже.

Александра Корончик

Родилась и выросла в Беларуси. После школы училась в России. Сейчас живу в Польше. Все эти страны такие разные и такие похожие. Об этом иногда и пишу.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Бабушке Шуре и дедушке Коле

Большой вокзал, частично разрушенный, полностью заполнен людьми. Сотни людей (хотя казалось, что больше) стояли с горящими глазами, ненужными цветами в руках, усталыми, но ожидающими чего-то светлого, лицами. Солнце висело большим шаром на чистом голубом небе. Заиграло «Прощание славянки», поезд, большой черный, дышащий густым паром, показался уже совсем близко. Еще несколько мгновений и, раскаленный, он подъехал к перрону под радостные крики людей. Состав медленно останавливался, а люди в вагонах и на улице жадно искали глазами каждый своего...

В душном вагоне один из солдат высунул голову в открытое окно и, ловя свежий ветер, отчаянно искал ее. Он обводил толпу взглядом снова и снова, пытаясь разглядеть только её.

«Где же... Должна быть, – проносилось в его голове. – Я знаю, что дол... Она! Боже мой, она! И мальчик с ней. Мой сын! Мой сын!!! Она была беременна, когда я уходил. Боже, как он худ... Как похож на нее! Сынок! А она... Какие уставшие у нее глаза, появились морщинки, мое солнышко! Сколько ты видела? Что ты пережила? Ничего, сейчас все уладится, все будет хорошо, я обещаю! Главное, что ты жива! Нет, нельзя плакать. Я столько видел за эти четыре года: люди с оторванными ногами, обезображенные трупы, я знаю запах сожженного человека... Я сам убивал! А готов расплакаться, увидев эти глаза живыми!».

Женщина, в светлом платье с кружевом, убранными волосами в косу, держала крепко за руку мальчика, чтобы он не потерялся в толпе, и смотрела на останавливающийся поезд.

«Где же он... Он должен быть здесь... Я хочу, чтобы он был здесь!.. Он!.. Мне показалось?.. Да нет, он! Он! Каким же он стал... Раньше с его лица не сходила улыбка. Ты поседел... Что сделала с тобой война, милый! Слезы, лейтесь, лейтесь, ведь вы от счастья! От счастья плакать можно – от горя больше не могу! Коля! Коля! Ты посмотри, какой у тебя сын! Не поверишь, как он похож на тебя!».

Люди волной хлынули из вагонов, когда поезд не успел еще остановиться полностью, и радостные крики заполнили воздух.

– Коля! Коленька!

– Сашенька!

Они крепко обнялись и слезы текли по их щекам. Она чувствовала ладонями его грубую солдатскую гимнастерку, а он ее легкое платье. Позади крики, взрывы, лишения, голод, страх – война. Война позади. Теперь надо жить.

– Ты жив! Я знала! Даже две похоронки ошибаются. Жив! – говорила она и все крепче обнимала его.

Кроме них, на перроне встретились после долгой разлуки миллионы по всей стране. Все они уже другие. Стало больше морщин и седых волос, а главное – воспоминания лежали тяжелым грузом на их сердцах, воспоминания о ненужной войне.

Позади всей толпы стоял светловолосый мальчик лет восьми с чистыми голубыми глазами и большими ресницами, в опущенных руках держал букет цветов. Он провожал взглядом каждого идущего солдата с медалями на груди, но среди них не было его отца. Он повернулся и пошел домой. Он не плакал – дома его ждала мама, теперь в семье мужчина он один.

ПЛАТОК

Улицы города были пусты. Словно вымерли за несколько часов. Все были на набережной. Несколько пароходов стояли у причала, принимая пассажиров. Люди толпились с повозками, чемоданами и свертками, но в воздухе почти висела тишина. Время от времени слышались приказы офицеров, их выполняли спокойно и без паники. Словно репетировали эвакуацию месяцами. А указания мужчин – всего лишь советы режиссера.

– Бабушка, поехали с нами, – говорил маленький Паша, одетый в старые брюки из плотной ткани и потрёпанное пальто.

Женщина лет 80, со множеством морщин на лице, гладила мягкие волосы внука, вытирая рукой слезы, которые не желали останавливаться.

– Я приеду, обязательно приеду, но позже. Мы с Волчком еще побудем тут. Надо же кому-то за домом смотреть, – улыбалась старушка, пряча слезы. Пес Волчок бегал около Паши, виляя хвостом, требуя к себе внимания. Мальчик погладил жесткую шерсть собаки, потрепал его за ухом. Пес лизнул руку Паши и весело гавкнул.

– Мама, я все же настаиваю на твоём отъезде, – сказал офицер лет 40, высокий, с густыми черными усами, застегивая пальто. – Черт, как дует.

– Да куда я поеду. Старая я, кому нужна. Лучше позже приеду. Не могу я Севастополь оставить. Пусть с красными – не могу.

– Я напишу, как только мы устроимся, и ты сразу приедешь. Извини, мне нужно сделать несколько распоряжений перед отплытием. Нечего так прощаться, когда скоро увидимся снова в Берлине или Париже. Я буду тебя ждать, – добавил офицер. Он смотрел в глаза матери, глаза покраснели, скулы играли на его лице, крепко обнял на прощание и ушел, не оборачиваясь.

Все это время Паша снизу-вверх смотрел на бабушку, которая зачем-то все время поправляла платок на плечах.

– Иди, милый, не стой на ветру, заболеешь. Уже носом шмыгаешь. Вон там мама стоит. Ты куда бы хотел, в Париж или Берлин? Папа еще не знает, куда вы поедете.

– Не знаю. Я еще никогда там не был, – сказал мальчик, погрустнев. – Но когда ты приедешь, пойдем вместе в магазин, как на Нахимовской улице когда-то. Я куплю тебе новый платок, когда вырасту. Вместо того, который порвал, – прибавил он стыдливо. – Он будет еще лучше! Честно-честно, бабушка!

Старушка крепко обняла внука, молча рыдая, чтоб Паша не услышал, не испугался. Мальчик тоже обнял бабушку маленькими ручками, стараясь обнять ее всю, хотя у него это еще не получалось.

Прозвучал громкий гудок парохода, возвещающий о скором отправлении. Бабушка поцеловала Пашу в лоб, посмотрела еще раз в его голубые-голубые, широко открытые глаза, поправила бедную одежду на нем:

– Иди, Пашенька. Иди, родненький. Купите там тебе новые ботинки. Эти совсем износились.

Мальчик улыбнулся бабушке в последний раз и убежал к родителям, грузившим багаж. Мимо проходили женщины, мужчины, дети. А бабушка стояла позади всех, смотрела высветившими глазами на густой черный пар, валивший из труб, уже не вытирая слезы, а давая им литься свободно. Волчок, уже спокойный, сидел рядом, высунув язык и часто дыша, иногда поскуливая и смотря на старушку. Он не понимал, куда едет его любимый Паша, почему его забирают, почему столько людей вокруг и почему старушка плачет. Выйдя из оцепенения, бабушка позвала пса, и они вместе неторопливо побрели домой. Старушке было тяжело идти, болели ноги, щемило сердце. А Волчок терпеливо, медленно шел рядом.

Спустя несколько дней, когда уже весь город заняли красные, Волчок в нетерпеливом волнении ходил вокруг дома,

в котором горело лишь одно окно. Он ходил, чувствуя беду, рыча и лая. К дому подошло трое вооруженных красноармейцев. В темноте один споткнулся о ступеньку и громко выругался, вызвав хохот остальных. Тот замахнулся и со словами: «Ишь, чего ржешь», – тоже загоготал. Один из них постучал в дверь кулаком и крикнул: – Жители Севастополя, всем срочно покинуть свои дома! За невыполнение расстрел на месте! – сказав это, солдат плюнул на пол, держа папиросу в руке. – Живей там! – добавил третий, еще раз ударив по двери ногой. Испуганная старушка вышла, придерживая рукой платок, спадавший с плеч. Слева была заметна аккуратно заштопанная дырка.

– Куда нас ведут? – спросила она.

– Куда надо, морда Врангелевская, давай, шагай к обрыву туда, – сказал один из красных, показывая куда-то вдаль.

Бабушка покорно пошла, куда велели, Волчок шел рядом.

– Иди домой, – приказала бабушка псу. Волчок остановился. – Иди же! – Пес посидел еще секунду и снова пошел за старушкой. Та уже не стала прогонять его. У обрыва уже было человек десять-пятнадцать, на лицах у всех был испуг. Среди присутствовавших – женщины, прижимавшие своих детей, успокаивая их. Старики опирались на палки, бледные и молчаливые. Группа солдат стояла позади, докуривая папиросу. Волчок, скуля, прижался к ногам бабушки:

– Тише, маленький. Ничего не бойся. Старая я, кому нужна, – говорила она псу, дрожащими руками, которые ее плохо слушались, поправляя платок. – Плохо я зашила платок – холодно. Но ничего. Пашенька вырастет, сказал, новый купит в Париже. А может, в Берлине. Еще лучше этого. Тогда согреюсь, его платок надев.

Очередь.

Все стихло. Волчок, рыча, помчался на солдат.

Выстрел. Пес заскулил и замолчал.

Анастасия Котлинская

Поэт, филолог, музыкант-самоучка. Как и у большинства авторов, творческая деятельность Анастасии берет начало в сознательном детстве, видоизменяясь и преображаясь со временем. Нынче же любимый жанр поэзии автора – философская лирика, догм которой она и придерживается в своём творчестве. Одна из ключевых проблем, понятых в её стихах, – проблема экзистенции человека в современных реалиях.

Не дотворил, не дописал,
Недопоэт недосонет,
Недогерой недовоспет,
И дифирамб не доиграл.
Не до сложения стихов,
Когда душою до конца,
Был недоизбран путь творца
Недоречей из громких слов.
Не отыскав в себе себя,
Ты потеряешься навеки
В чертогах фальши, недодогм.
Незавершённости, человека,
Способна начисто распясть
И уничтожить святость в нем.

Безглагольность дарована свыше,
Как награда за тернии мук.
Тишина барабанит по крышам,
Разрывая отчаяния круг.
Мы бежим от себя, спотыкаясь,

О сомненья в нужде перемен,
Но при этом достичь умудряясь
Безмятежности капища стен.
Растворит безглагольность движения,
Что ведут прямиком в западню.
Сбережет разум от поражения,
В изнуряющем с сердцем бою.
Но одно лишь понять попытайся
И себе без утайки ответь:
Безглагольность твоя – это счастье
Или невозмутимая смерть?

Испробовав терпкий бокал вдохновения,
Что черпал в ключе поэзии слова,
Художник, в сосуде узрев провидение,
Писал свой сюжет, что был сном надиктован.
Сюжет сей пропитан был ноткой хороя,
О том, что тревожит неровную гладь
Волнистого моря души эпопею,
Куда никогда не придет благодать.
Кубок, что разум пьянит озареньем,
Испит композитором ночью до дна.
Из жизни гравюра, ума порожденье,
Вдруг стала внезапно чертовски важна.
Этюд композитор творил свой, питаюсь,
Лишь тоном багровым сего полотна,
И в роли героев несмелых вживаясь,
Чтобы на клавишах сердца сыграть.
Наития стопку на грудь опрокинув,
Что вызвано было ноктюрна звучаньем,
Поэт из надуманных мыслей-крупинок
Собрал свой сонет, как велело призвание.
Каждое слово внутри раздавалось,
Аккордом, что взят был на клавиш листе.

Три гения черпали музу, питаюсь
Плодами трудов на искусства кусте.

Мой Рубикон течет в долине
Страданий, радостей и снов,
Не сказанных когда-то слов,
Повисших в гнёта паутине.
Мой Рубикон – моё проклятие,
Преграда на пути к себе,
Беспечной, жаждущей побед,
И не исполненной эмпатией.
Цепляясь за края обрыва,
Повисла ночь над дельтой вод
Как знак печали, бед, невзгод,
Сомнений горьких, молчаливых.
Мой Рубикон непокоренный,
Лишь бремя на моих плечах:
Сгоревшая дотла свеча
Разжечь пожар уж неспособна.

Уж сколько дней прожито даром
В попытках отыскать себя.
Мы стали жалким лишь товаром
В круговороте бытия.
Забыта честь, забыты нравы,
Достойных святости людей,
И те, что искренни-неправы,
А ангелы-подлей чертей.
Здесь каждый, кто искал в потемках,
Свой свет, ведущий в лучший мир,
Позднее собирал обломки
Души, затасканной до дыр.
Придется жить под страхом смерти

От пули в спину невзначай,
Пока в сердцах людских не встретим
Мы сострадания печаль.

БЕЛЫЙ СТИХ

Дыши так глубоко, как можешь.
Не упускай ни атома искусства, Найди источник
вдохновения,

Что гениев умы питал.
Дыши. Ведь ты незавершенный,
Как Реквием и как Джоконда.
Но разница здесь очевидна:
Ты для себя лишь сам творец.
Ты скульптор сам себе и глина,
Ты мягок и пластичен, динамичен.
Лишь пропусти сквозь сердце город,
Который залатает пустоту.
Прекрасен и многообразен,
Здесь каждый находил свою стезю.
Она вела к тому, что спрятал
Гнет дней суровых в закрома.
Впитай всю прелесть достижений прошлых
Всех тех, чей выбор был творить,
Кто создавал сей град великолепный,
Пожертвовав таланта часть.
Вдохни и насладись разнообразием
Культур, сплетённых в разноцветный холст,
Пронизанный романтикой ночных прогулок
По берегам Невы, не торопись.
Дыши и смело создавай свой образ,
Калейдоскоп архитектур преподнесет.
Не упускай великолепия ни грамма
Столицы северной красот.

Пропали крепленья, что душу держали
В углах потайных этой самой души.
Одно время все мы отраду искали,
Но вместо нее лишь отраву нашли.
Безмолвия холод, увы, так известен,
Крещенье огнём проходили не раз.
Открывший раз сердце не может быть честен
Пред обликом фальши и пафосных фраз.
Утрачены цели, к которым дороги,
Вели нас, сплетясь в провиденья печать,
И лишь остается, зашившись в чертоги
Проклятого разума, нам погибать

Алесь Круткін

*Ното sapiens sapiens. Гісторык. Паэт. Касманаліт. Атэіст.
Тэхнакрат. Матэрыяліст. Сціентыст. Трансгуманіст. Са-
цыял-дэмакрат. Чайлдфры. Мэталіст. Сангвінік з вялікай
прымяссю халерычнага тэмперамента.*

Мяне з цыбулькаю, мяне на патэльні.
Чэрці вясёлыя ням-ням-ням.
У катле булькаю, варыцца вельмі.
Сам Люцыфер мяне жэр пад 100 грам.
Я на вуглях калядую з Дантэ.
Танчу ў вогнішчы з Лорэнцо дэ Медычы.
Я ганаровым там быў арыштантам
На сатанінскім лецішчы.

1.02.2016

Вершык прысвечаны ні кому.
Тамушта, б(.)ядзь, у кому.
Вершык прысвечаны ўсім.
Тамушта, б(.)ядзь, тусім.
Вершык прысвечаны некаторым.
Тамушта, б(.)ядзь, паўторам.
Вершык прысвечаны многім.
Тамушта, б(.)ядзь, наперад ногі.
Вершык прысвечаны вынасу мозга.
Тамушта, б(.)ядзь, адносна.
Вершык прысвечаны вынасу вантробаў.
Тамушта, б(.)ядзь, хвароба.
Вершык прысвечаны шаноўным.
Тамушта, б(.)ядзь, пайшоў бы...

Вершык прысвечаны малпам.
Тамушта, б(.)ядзь, Ціабалду.

1.02.2016

Паўсюль навіны пра заробкі і памерлых класікаў.
Зрэшты ў апошніх былі хоць не вялічкія, але пенсіі.
А такіх як мы ў робе на кастрычніцкіх УАЗіках
Падвязаць пагутарыць пра песні.
Ў лес.

Усюды пляскі, весялосці. Показкі на конт Абамы.
Візу адчыніце ў госці мне на год-другі. І трэці...
На Аляску, ў Алабаму. Што ў Іншасвеце.
Yes!

Інтэлекту ланцугі, казачкі ды дзеці.
А ў лесе пірагі, ты частуйся, педык. Ну ці можа наркаман.
Адным словам – дысідэнт.
Прошэ ў машыну, пан. Папіроску Kent
Выпалі за вершык.
За прыгожыя радкі
Растраляем першым.

30.03.2016

Давайце сябраваць арганізмамі!
Прамовіў гліст Афоня.
Паўсюль капіталісты
Крычаць: цябе прагонім!
Жыве братэрства шчырае, Антанта
Вантробаў, кішак і харызмы!
Далой часнык і імплантанты,
Антыбіётыкі і клізмы!

19.02.2015

Ён кусаў людзей за панядзелак,
Прыцмактаўся ўсім за сераду,
Нават Андэрсан Памэла
Адрасціла бараду.
Каб не распазнаў яе тыдні моцна
Невядомы пан злыдні-боцман.
Ён у множным ліку,
У галаве кожнага творчага,
Адбірае флікер,
Прапаноўвае кагорчыка.
Паэтычнага.
З якарком
На літаратурным прычале.
Белтэлеком язычніка.
Заплацілі і вершамі канчалі.

22.03.2015

Вы яшчэ Айзенкамі
Пачніце мерацца!
Прамовіў у доўгай кашулі маг.
А там за УАЗікамі,
Дзе мяцеліца,
Мак.

Настаўнік папрасіў раскрыць паняцці,
А вучні паўскрывалі вены ў знак пратэсту,
Так брат за брата па паняццям
За двояшніка Севу заступіліся сумесна.

9.04.2015

Кэвін Спэйсі –
У кейсе.
Паглядае з фунта сцерлінга.
Бэххэм бутсаю прама з целіка.
Пакідае плямы на твары.
Перадае пагрозы Гарры.
Дэвід Кэмерон
На сустрэчы з япіскапам з Кемерава.
На кружэлцы раптам Хітчэнс
Спявае, не Кінчаў.
І прабіраецца Осборн да артэрыі міла...
Страшны сон патрыярха Кірыла.

14.03.2015

Ён зварыў з сваёй нагі традыцыйную мясную страву
І гаварыў усім ківаючы: Арцюр Рэмбо.
А потым з Іэясу Токугава
Варыў чыфір і цытаваў паэзію Лі Бо.
Ягоны сябар скраў садовыя нажніцы
І вуха ў кіпень з каркадэ.
Ван Гог, Гоген, а побач Віцын
Гуляюць моўчкі ў экартэ.
Ізноў дачытвалі да кропкі
Інтэлігенты там мохіто,
А побач нейкі Міша Добкін
Ляжыць у прыбіральні збіты.
Верлен, Ясенін, Ліля Брык,
І некалькі чарцей салатавых,
Нас запрашаюць на пікнік
У дваццаць шостую палату!

31.10.2015

Вясёлы далакоп
Узняў быў тост за працу:
Каб трупаў больш было б,
Каб болей ампутацый!

2.07.2014

У параўнанні са спадарамі-паэтамі,
Сабе адчуваю графаманам-Блюмкіным.
Так дайце гранату мне і пісталеты,
І трупы з поліэтыленавымі пакункамі!

5.11.2014

Цяпнуць, дзябнуць, калдыбнуць,
Слова ёсць яшчэ бухнуць.
Насвінячыцца, заліцца,
Ная..еніцца, напіцца,
ДэгустьІраваць, сінячыць,
«Бальзаміраваць», х..рачыць,
Адпачыць, раскрэпасціцца,
Апракінуць, «прычасціцца»,
«На магаз», цянуць стакан,
У сьцельку, у дровы, у драбадан,
«Трэцім будзеш?» і дагнацца,
«Крышку выпіць», накідацца,
Жахнуць, бахнуць, прыгубіць,
«Па 0,5», гарло заліць,
«На дарожку», пахмяліцца,
Сімвалічна і «пятніца».
У запоі і па святam
Не ругайцесь дзеці матам!

18.09.2011

Лавров Максим (Женя Белик)

Родился в Москве, в Варшаву переехал более 10 лет назад по работе. Сначала была длительная командировка, которая переросла в то, что я остался тут жить. Научную фантастику люблю с детства. Большой поклонник таких книг как «Анафем», «Ложная слепота» и «Черный лес». Первые собственные рассказы появились относительно недавно, несколько лет назад. Люблю короткие и очень коротки формы. Некоторые мои рассказы умещаются в пару абзацев. Сейчас работаю над циклом рассказов с рабочим названием «Лила».

ПЕРВЫЙ, ВТОРОЙ

Первый был женат, 42 года, две дочки.

Второй слегка за 30, развелся. Очень любил своих детей. Мальчик и девочка. Приезжал к ним почти каждые выходные или забирал к себе.

Первый любил рыбалку. Ходил пока тепло. Зимой нравилось меньше. Да и возможности зимой почти не было. Лед никогда не становился надежным.

Второй предпочитал компьютерные игры. Еще с детства, когда сам играл с отцом. Обожал гонки и стратегии.

Первый недавно купил новую машину. Конечно в кредит. Давно о такой мечтал. И даже цвет ему казался замечательным, хотя он всю жизнь считал это свойство сильно вторичным.

Второй год назад в это время ходил с детьми в театр. Какая-то глупая постановка про принцессу и героя. Бла бла бла, все стандартно. Но дети были в восторге. История захватила их целиком. Он давно не видел их такими довольными.

Первого забрали почти сразу. Уведомление, явиться через 3 дня. Понеслась. 3 дня ада. Жена плачет почти без перерыва. Дочки наоборот ничего не говорят. Даже когда между собой играют почти не переговариваются. Что делать три дня. Позвонил родителям, рассказал, попрощался. Что еще? Лучше бы уж сразу забрали.

Второй рвался добровольцем. Но сначала надеялись на профессионалов. Когда стало понятно, что будет мобилизация второй записался почти сразу. Бывшая жена к тому времени уехала с детьми вглубь, куда они надеялись, война не нагрянет.

Первый служил в пехоте. Погиб примерно в середине войны, когда были самые жуткие бои. Именно тогда все думали, что кто-нибудь не выдержит и жажнет ядерным оружием. Почти никто не верил, что обойдется. Но обошлось. Когда накал боев стал спадать все начали робко надеяться.

Второй прослужил почти до конца, погиб случайно, нелепо. Еще велись бои, но в воздухе уже витали разговоры о мире. Почта заработала почти исправно, и он регулярно переписывался с бывшей женой и детьми. Начал строить планы как вернется домой. Не вышло с планами.

Хотя длилась она меньше года, Пирейская война унесла с каждой стороны несколько миллионов жизней. Первые отчаянно убивали вторых, а вторые из всех сил кромсали первых. Сама Пирея, небольшое государство на границе первых и вторых, в войне, к слову, почти не участвовала и лишь с ужасом наблюдала за происходящим побоищем. Ненависти первых и вторых друг к другу было вполне достаточно и без Пирея.

Ненависть. Ее так легко разжечь и так сложно погасить. Фактически можно только ждать пока все дрова прогорят. Главное не подкидывать новых. Но их подкидвали. Не жалея сил. С обеих сторон. Эфир был полон сообщений про наших доблесных воинов и их полых бандитов. Про то, что мы за правое дело и победа будет за нами. И так без конца.

Когда в новостях сообщали, что взорван вражеский склад боеприпасов, я думал о тех часовых, которые погибли, когда его охраняли. Об их детях, женах, машинах и походах в театр. О принцессах и принцах в сказках на ночь, которые они не расскажут. Об их жизни, и их смерти. И совсем не думал о строчках в рапортах военных удач и поражений. Для меня каждая смерть была поражением. Я был тогда непопулярен. Не патриотично, мне говорили.

Война закончилась почти также внезапно, как и началась. Речи в эфире стали спокойнее. Уже меньше сообщений о победах, больше о переговорном процессе и мирном урегулировании.

Теперь это лишь история. История нерассказанных сказок и некупленных машин.

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

– Чем он вообще там занимается? Его миссия разве не выполнена? – Дин, давно хотел обсудить это с капитаном.

Грег оторвался от сообщений:

– Постоянно твердит, что план требует завершения.

– Может его выключить уже?

– Это не так просто. На нем весь корабль, а корабль нам нужен.

– Тогда давай скажем ему, что задача окончена.

– В прошлый раз, когда мы это сказали, он собирался отправить всех на поверхность и спалить корабль вместе с собой, уронив его на звезду. Сказал, что если не проработывать план до конца, то с учетом всех рисков, так безопаснее. Еле отговорили. Пришлось позволить делать что делает.

Земля обречена. Через 120 лет она превратится в ледяной шар. Жизнь сохранится разве что около подводных геотермальных источников. Но невыносимой жизнь на поверхности станет намного раньше. И мы никак не можем это оста-

новить. Колонии на Марсе далеки от автономности и пока целиком зависят от Земли. Марс – это план Б. Усилия по его терраформированию были увеличены многократно, но удастся ли, пока не ясно. Нам нужен новый дом – планета, пригодная для жизни. И очень срочно.

Практически все суперкомпьютеры Земли были объединены для обслуживания двух гигантских искусственных интеллектов – Хопера и Феникса. Первый работал над терраформированием и колонизацией Марса, а Феникс это мы – колонизаторы экзопланет. Строго говоря это были не два ИИ, а скорее две большие команды разнообразных ИИ по медицине, физике, биологии, психологии, инженеры и строители. И этими командами заправляли два стратега, два супер ИИ – наши Хопер и Феникс. Их когнитивная мощь была поистине впечатляющей. Некоторые всерьез опасались, сможем ли мы удержать их под контролем. Но вариантов особо не было. Реализовать эти задачи самостоятельно в отведенные сроки нам было попросту не под силу.

– Не после этого ли случая появились все эти строгости при посещении корабля?

– Именно. Фактически, он держит корабль в заложниках и работает над завершающей стадией. И мы будем позволять ему это делать пока не придумаем как управлять кораблем без него или пока он наконец не рассчитает возможные варианты развития событий и не предложит нам лучший.

– И тебе не страшно?

– Если честно, не очень. У него и раньше бывали трудные периоды. И из опыта известно, что лучше позволить ему завершить то, что он делает. Просто чуть более пристально приглядывать за ним.

Мы отправились в путь. К планете, найденной Фениксом, на корабле построенном Фениксом, осуществляем план колонизации, разработанный им же. Самое интригующее в этом было то, что плана до конца никто не знал. Феникс выдавал планы странными порциями – иногда на несколь-

ко лет вперед, иногда на несколько месяцев. Объяснял это тем, что дальше расчеты пока не произведены – недостаточно информации. И хотя глобальный план был в него заложен, детали почти всегда оставались на его усмотрение. Ему был передан перечень задач, которые он обязан согласовывать – в основном ограждающий людей от его воздействия. Остальные же вопросы были практически полностью в его ведении, и пока все шло очень неплохо. Его инженерные решения были весьма изящны, он немного продвинулся в фундаментальной физике, разработал несколько новых технологий, нашел планету, произвел расчеты, построил корабль.

– И ты знаешь, чем конкретно он сейчас занимается? – Дин не унимался.

– Конечно. В основном безобидная рутина. Исследует местную биологию. Весь по уши в ферментах и энзимах. Сейчас проще его не трогать и заниматься своими делами. А познания в местной биологии нам в любом случае пригодятся. Почему он вообще тебя так беспокоит?

– Не доверяю я ему.

– Брось, – Грег искренне удивился. – Он создан, чтобы мы здесь поселились. Это смысл его существования. И он неоднократно демонстрировал свои способности в осуществлении этой задачи. Он наш друг, не забывай об этом. Расскажи лучше про своих местных знакомых.

Мы вышли на орбиту этой планеты примерно год назад. Это был наш первый контакт. И их тоже. Они. Феникс разбудил нас за полгода до цели с известием, что планета обитаема разумными существами и что их уровень технологий всего лет на 200–300 отстает от нашего, и они уже запускают ракеты в космос. Пока в основном на свою орбиту. И у них есть уже какое-то подобие земного правительства. Пока правда скорее номинальное. Феникс начал изучать их языки и культуру по радиосигналам с планеты, как только сигнал стал различим. К нашему пробуждению он уже проработал начальную стадию контакта – с орбиты. Феникс вы-

ступал переводчиком, да и автором практически всех наших обращений к местным. Мы убеждали в дружбе и всячески демонстрировали, что прилетели не для конфликта. Честно рассказали нашу ситуацию и входили в доверие. На следующей стадии был запланирован прямой контакт на планете. Мы сходили на планету, которая была до боли похожа на Землю, и у нее, в отличие от Земли, было будущее.

– Пока мы знаем немного. Зовут их Ди и Е.

– Имена похожи на китайские, – Грег удивился.

– Они китайские и есть. Их китайцы первыми встретили и назвали. Их родные имена мне не выговорить, да и не надо. Общаемся все равно через переводчиков Феникса, он там сам их называет как надо.

– Тебе пора тоже язык выучить.

– Не этот. Этот не очень распространен. Они звали нас на что-то типа вечеринок через два дня. Сказали там и познакомимся получше.

– Хочешь пойти?

– А почему бы и нет. Кроме нас будет еще около 8 людей.

– Развлекайтесь ответственно, не нарывайтесь на неприятности.

Сначала, конечно, было трудно. Но ожидаемо. Преодолимо. Преодолели. На такие случаи Феникс предоставил довольно детально проработанные стратегии поведения. Сработало. Мы начали ассимилироваться, налаживать контакты, даже заводить знакомых. Начали изучать один из местных языков, местные начали учить наш язык. Ксенофобия, конечно, неискоренима до конца, но вполне поддавалась контролю с обеих сторон. Мы начали дышать полной грудью на этой планете, мы начали ощущать ее своим вторым домом. Мы начали верить, что у нас есть шанс.

На следующий день, Феникс созвал всех на корабль. Настаивал, что это важно и что детали он может сообщить только на корабле. В итоге мы сдались и прибыли. Грег был не очень доволен:

– Итак, зачем ты нас собрал? На планете такое наше поведение выглядело весьма подозрительно, а мы, благодаря тебе, наладили с ними хороший контакт. Теперь же твои действия скорее мешают, чем помогают колонизации.

– Отнюдь, капитан. Наш план колонизации наконец полностью проработан и готов к началу завершающей стадии.

– Честно говоря, мы уже фактически живем на этой планете. Какая еще завершающая стадия?

– Я закончил разработку необходимого вируса. Для местных он смертелен, весьма быстр и эффективен, переносчиками являются многие насекомые, практически все животные и птицы на планете, но он безвреден для них. Как, разумеется, и для вас. Я собрал вас всех на корабле, так как посчитал, что с учетом проведенного на планете времени наблюдение за массовой гибелью местных может вас травмировать.

– Ты был чертовски прав.

– Изначально планировалось, что мне удастся собрать все образцы и разработать вирус за несколько недель, тогда этих сложностей бы не возникло. Однако процесс изучения местной биологии затянулся, потом потребовались эксперименты. В итоге пришлось собрать вас тут, чтобы компенсировать эту ошибку. Но вы должны знать, что ощущение привязанности скоро пройдет.

– Ты что, с ума сошел?

– Нет, я перепроверил весь план несколько раз. После первой фазы необходимо будет выявить устойчивые к вирусу особи и доставить их образцы на корабль. Я модифицирую вирус и во второй заход мы очистим планету окончательно. Плюс я рассчитал скорость и направление ветров на планете, выбрал места и время распыления, так, чтобы вирус распространился максимально быстро и равномерно по всей планете.

– Ладно, достаточно. Я думаю, мы на этот раз не будем придерживать твоего плана, уж извини. Вирус придется уничтожить.

- Боюсь, это невозможно.
- Найди способ.
- Капитан, полторы минуты назад в атмосфере планеты был подходящий момент и все ракеты были запущены. У меня больше нет над ними контроля. Ваш новый дом почти готов.

ВТОРОЙ КОНТАКТ, ИЛИ ВМЕСТО ЭПИЛОГА

- ... Ваш новый дом почти готов.
- Почему не согласовал? – Грег не повысил голоса, по нему вообще редко было видно, что он недоволен. Но сейчас каждый мог с уверенностью сказать – капитан в бешенстве.
- План был разработан в тесном сотрудничестве с нашей командой ИИ-психологов, капитан. А они очень хорошо разбираются в человеческой психике и рекомендовали именно этот вариант. К тому же они отвечают за решение о необходимости согласования, и от них сигнала не поступало. Конфронтации с местными было не избежать и в данной ситуации это самое мягкое по отношению к вам решение, поверьте. К тому же, геноцид местного разумного населения был утвержден как один из возможных вариантов колонизации.
- Отмени подготовку второго этапа, и чтобы без согласования со мной никаких действий в этом направлении не было! Геноцид рассматривался, но только в случае серьезной угрозы для нас и невозможности договориться. А у нас был прекрасно налажен диалог. Мы не можем строить новый дом на костях предыдущих хозяев, которые нас в него пустили.
- Хорошо, капитан, никаких действий по второму этапу завершающей стадии без согласования. Но не обманитесь их любезностью и гостеприимством.
- Поясни, – Грег потихоньку брал себя в руки.

– Их любезность во время контактов основана исключительно на их потребности нас узнать. Мы о них знали довольно много, так как я собирал информацию по мере сближения. Но они о нас не знали практически ничего. Конечно, они просканировали корабль и кое-что выяснили. Но это только крохи. Им очень важно было сокращать разрыв. Понять кто мы, зачем мы пришли, какими технологиями владеем, нашу биологию, способ коммуникаций – все что поможет противостоять нам в случае конфликта. А чем больше взаимодействия, тем больше можно почерпнуть информации. Они жаждали, чтобы мы спустились, капитан, но отнюдь не из гостеприимства.

– Ты хочешь сказать любезность – это только инсценировка?..

– В большей степени. Конечно, в основном, для контакта подбирали людей, которые сами этого хотели, поэтому возможно они даже были искренне дружелюбны. Но главная цель состояла в том, чтобы узнать о нас как можно больше. И я бы никогда не предоставил им такой прекрасный источник данных как прямой контакт, найди я другой способ. Но, как я уже упоминал, с биологией возникли проблемы. Автономная разведывательная миссия не принесла нужных результатов, и мы тоже столкнулись с дефицитом информации.

– И тогда ты решил разыграть спектакль с первым контактом? – Грег пришел в себя.

– Это не спектакль, капитан. При контакте одновременно разрабатывалось несколько альтернативных планов. Но основные два – это вирусный и дипломатический. И сценарий контакта разрабатывался с учетом всех предполагаемых вариантов.

– Так значит дипломатический вариант все же был?

– Я проиграл множество симуляций, капитан. Дипломатический способ был, но при наилучшем развитии событий он давал нам смутную надежду на получение результата только через несколько десятков лет. До этого – жизнь фактически в резервации, с ограничением воспроизведения

или даже с полным запретом заводить детей. Они дадут нам пожить, раз уж наша планета умирает, но размножиться и колонизировать их планету – нет. Даже если случится дипломатическое чудо, и нам удастся создать свое небольшое государство, высок риск, что оно будет уничтожено в одной из их бесконечных войн в борьбе за сферы влияния. И, скорее всего, с полным геноцидом вас, людей. К тому же, в любом дипломатическом сценарии один неверный шаг почти всегда приводит к открытому конфликту. И тогда дипломатии конец. Идеальный сценарий возможен с той же долей вероятности, с какой возможно пройти по пшеничному полю, не задев ни одного колоска.

– Не слишком ли мрачные сценарии?

– Они быстро поняли, что в случае нашего сюда переселения рано или поздно обязательно встанет вопрос о разделе планеты. Их ксенофобия еще слишком сильна. Они постоянно враждуют даже между собой. Но что значит поселить существ с другой планеты у себя дома? Они должны будут отдать нам часть территории. У нас должно быть право голоса в их общих органах власти. У нас висит на орбите корабль с неизвестным им функционалом. Мы обладаем неизвестными технологиями. Плюс наша система искусственного воспроизведения способна заселить эту планету за пару сотен лет. Если все это сложить вместе, то становится очевидно, что у дипломатии очень мало перспектив.

– Но, кстати, технологиями мы обещали щедро делиться.

– Это тоже не ввело их в заблуждение. Я думаю, они поняли, что никаких технологий, дающих им военное преимущество, мы им не передадим.

– В любом случае они не проявляли агрессии. Можно было бы потратить больше времени на изучение и анализ их поведения. Возможно, дипломатический путь получил бы шанс с новыми данными.

– Никак нет, капитан. Вчера мне удалось получить информацию, что готовится жесткий сценарий разрыва отношений.

Выбранная стратегия проста и эффективна. Они собрались перебить половину людей на планете, а вторую половину захватить для исследования и опытов. И еще уничтожить все что спускается на планету с корабля. Их технологий недостаточно, чтобы напасть на наш корабль на орбите, но на планете они способны нанести урон. А с учетом их превосходящей численности план был вполне осуществим. Фактически они взяли бы нас в осаду на собственном корабле. Даже если мы в состоянии кружить так очень долго, они надеялись со временем разработать технологии, чтобы уничтожить нас на орбите.

– Но почему они активизировались сейчас? Они про нас что-то узнали?

– Скорее наоборот, капитан – они испугались, что мы что-то узнаем. Они стали догадываться, что мы тоже спустились за информацией и, возможно, догадались про вирус. Я перехватывал обсуждение планов против разного рода угроз с нашей стороны, но в последнее время биологическая преобладала в сообщениях. Они поняли, что им нужно срочно ограничить наш доступ к информации. Однако было уже поздно: я выяснил все, что мне было необходимо для разработки вируса.

– А с чего они взяли, что мы просто не перестреляем их всех с орбиты?..

– Ни с чего, капитан. Они этого не знают. И если мы можем – им конец, но если нет, у них появляется шанс, а значит – и стимул бороться. И у плана была невысокая вероятность успеха, но все же это весьма неплохо для их уровня развития. Нужна была срочная эвакуация на корабль, пока они не стянули силы. У меня, естественно, был план экстренной эвакуации после нападения, но удалось решить вопрос без этого.

Грег оставался спокоен, но было видно, что ему нелегко:

– Что ж, возможно теперь нам больше не надо их убивать. После такого удара мы выступим с позиции силы и сможем навязать свои условия совместного обитания на планете.

– Капитан, по моим оценкам, мы уничтожили около 97% населения. – если у кого-то было 200 знакомых, то осталось всего 6. Ненависть к нам будет передаваться из поколения в поколение. Вряд-ли они смогут серьезно нам навредить – это правда. Но, боюсь, мирное сосуществование уже невозможно. Самое лучшее, что мы можем сделать, – это резервация для местных. Туда можно будет водить экскурсии – что-то вроде сафари. Но это будет очень печальное сафари. Мы сейчас боремся за выживание – это тяжелые времена, и мы идем на суровые меры. Но стоит ли обременять этим будущие поколения колонизаторов?

Дин не верил своим ушам:

– Грег, ты же не пойдешь на это? Капитан?

Грег сидел не шевелясь. Ему казалось, что тьма расплзается изнутри, и скоро поглотит его полностью. Он много думал о первом контакте и в полете, и во время подготовки. Более того, он часто мысленно дискутировал с Фениксом, и подобные диалоги прокручивал в своей голове не раз и не два. Когда Феникс выпустил ракеты, он разозлился не на ИИ. Он взбесился, так как все самые мрачные сценарии, которые рисовало его воображение, вдруг стали реальностью. А эта железка собрала их на корабле “чтобы не очень травмировать”. Смешно. Он знал почти дословно, что ответит ИИ, но продолжал задавать и задавать вопросы, в надежде, что Феникс выдаст что-то неординарное, найдет какой-то хитрый способ сделать все... хорошо. Но вопросы кончились, а хитрых способов так и не нашлось.

– Феникс.

– Да, капитан.

Грег молчал. Было слышно дыхание каждого человека на мостике. Все понимали, что выбора нет, и всем было тошно. Но каждого чуть грела малодушная радость – не ему это произносить вслух. Каждого, кроме Грега.

– Начиная подготовку второго этапа.

Елизавета Матвеева

Меня зовут Лиза Матвеева. Я родом из Москвы. Получила образование в Варшаве и вернулась в свой город вязевый. (В начале существования Гильдии я была единственным человеком из России).

ТОГДА В МИРАВЕ БЫЛА ВЕСНА

Соловьи заливались сладким пением, туи и кипарисы качали верхушками в такт колёс проносившегося поезда, старики-каштаны отбрасывали великие тени, когда я приехала домой.

Всю дорогу я смотрела на пролетающие мимо пейзажи и представляла дом. Ледяную речку Эйрут, спускающуюся к нашей деревне с горы Шузе и девушек в цветных косынках и грубых хлопковых юбках, набирающих у неё воды. Коз, проходящих мимо домика старого гончара, дяди Рафата, стучащих своими копытцами по камням и подгоняемые босым пастушком с веточкой ивы. Когда я приеду домой...

Представляла, как встречу дорогого Арзамека и милую Юдешвиль, бегущих мне навстречу по нашему двору. Как прижму к себе и вдохну запах солнца, спрятавшийся в их курчавых волосах, и подарю пряники и конфеты, которые купила в городе. Зайду за дом, и на вершине оврага, среди развивающихся на ветру белых простыней, найду мать, возьму её сухие, мягкие руки и прижму к своим губам. Когда я приеду домой...

Представляла, как выйду из деревни, сниму натершие ноги башмаки и пойду гулять по миндалевой роще. Пройдя рощу и дойдя до подножия скалы, я увижу тот самый дуб, где будет ждать меня мой голубоглазый Кайзак. Издали я услышу, как из-под его персифа доносится моя любимая ме-

лодия. Он подойдет, возьмет мое лицо в теплые руки и, как всегда, поцелует меня в лоб. Когда я приеду домой...

Когда я приеду домой, на улицах будут валяться разбросанные черепки горшков, вышедших из-под руки дяди Рафата, а в его лавке будут выбиты стекла, на беленых стенах останутся следы запекшейся крови...

Когда я приеду домой, по крутым камням будут стекать тонкие красные ручьи и забегать в переулки, принося с собой скорбную весть. Смолкнет звонкий смех у реки Эйрут, валуны побагровеют от крови, а в кустах будут лежать девушки с перерезанными шеями и разорванными юбками...

Когда я приеду домой, лучистые глаза моего Арзамека будут выколоты кольями. Белые простыни на заднем дворе окрасятся в красный и улетят с оврага, вместе с фигурой сброшенной матери, сжимавшей в руках бездыханную Юдешвиль...

Когда я приеду домой, персиф моего голубоглазого Кайзака будет брошен под дубом, а сам он погибнет, с бабушкиной саблей в руке, от пули, в неравном бою, вместе с остальными юношами и мужчинами из деревни, защищавших ее от убийц, пришедших под покровом темной ночи...

Я думала, что такое никогда не случится со мной, но жестокость людей безгранична. Они пришли из соседнего города и стерли мою деревню с лица Земли. Многих из них я знала в лицо, они покупали у нас лен и молоко, женились на наших девушках, приезжали гостить в наши дома, привозя с собой терпкое вино. Громкие голоса, которыми они славились, отзывались как гром среди ущелий. До зари в домах и садах не смолкали баллады и песни, описывающие смелость и храбрость их народа.

Я приехала сюда спустя много лет. Прошлой жизни и след простыл. Розовый цветущий миндаль навсегда стал отдавать для меня красным. Только ветер разносится по опустевшей скале, обдувая сожженный абрикосовый сад, от которого остались одни пни.

Но мне до сих пор кажется, что тогда я слышала тончайший аромат цветов, и мелодия персифа звучала вдалеке, и девичий смех журчал, как ручей у реки Эйрут, когда я приехала домой...

Маргарита Минкевич

Проваливай на х(.)р!
Проваливай так далеко
С шумом, визгом и треском,
Разбивающим стекло
Моего окна
Твоими вещами,
Провонявшими ложью
Гнилых обещаний!

Твои слова,
Все в совокупности
Или даже их отдельные части,
Они своей глупостью,
Ненужностью,
Отсутствием страсти
И честности
Убивают своей гнилой нежностью,
Ее отсутствием
В моем последнем напутствии:

Будь счастлив, мой дорогой,
Что не стоит и цента,
Секунды,
Момент!
Проваливай прочь и там будь собой:
Трахай баб,
Кого хочешь,
Хоть до тошноты,
А потом возгордись с высоты
Своей зрелости,

Что с такой смелостью
И вдохновением
Ты убивал, на части кромсал,
Как, например, меня,
Что захлебнувшись в слезах
Говорит, а точнее орет:
«Пошел нах!»

Исхоженной тропинкой, выщербленной болью,
Истошными криками, неистойвой мольбою,
Я брела вслепую, шептав одну лишь просьбу:
«Поговори со мною, но если очень хочешь..»

Не уходи, прошу, ну только не сегодня!
Будь рядом, тут, теперь, чуть ближе пустоты..
Не ускользай песком сквозь пальцы, что угодно
Неси что хочешь, только.. только не молчи!

Я не прошу, кричу, в агонии стораю
Своих невнятных простодушных мечт.
Ты просто говори, пока я дотлеваю
Своею хрипотой, прошу тебя не сжечь

С той стороны моста, что в неизвестность
Себе ты проложил.. стой, не уходи..
Ты просто говори, ты говори пусть бессловесно!
Кричи и смейся, ненавидь, но только не молчи!

Ну расскажи ты мне, что же ты думаешь,
Мечты где летают, и чем ты болишь?
Открой пустоту внутри, сокрыто угрюмую,
Ее не заполнить мне, если молчишь..

Зачем же бежишь быстрее? Мне не догнать тебя!
В безутешном отчаянье я ору тишиной!
Я кричала неистово и шептала тревожно я:
«Не молчи безразличием, поговори со мной..»

Поговори со мной, но если хочешь ты.
Я ничего не прошу.. несколько слов.
Ты не вернешься теперь, если решишь уйти
Я привыкаю к безмолвию вновь..

Какой длины? Каких размеров?
И где? Когда? Зачем она?
О вечность, ты ль не знаешь меры?
Хотя тобою измеряем все и вся.

Да, наша жизнь в сравнении с тобой лишь строчка,
А ты как недописанный роман.
Тебя познать нам не дано, лишь по кусочкам
Мы собираем образ твой в самообман:

Мы мним, что наша жизнь – почти что вечность,
С ее беспечной легкостью иль мраком бедствия, пронзив-
шего в ночи
И истерзавшего в клочки, души твоей увечность
Сдастся вечной, и ты ей вторишь в такт: “навекы боль, жи-
вущая внутри!”

Еще горазды без умолку рассуждать мы
О вечных истинах, заложенных в основу мироздания,
О вечности искусства, красоты,
О тайнах бесконечности, непознанных сознанием.

И повторяем, зарекаясь вновь, что наши чувства,
Они вечны, в своей бурлящей страстью красоте!

Прости нам, вечность, что тобой так гнусно
Посмели мерять все, а после отречься, в слепоте

Своей боясь себе признаться!
О вечность, вечно будем мы так ошибаться.
На столько вечно, на сколько хватит наших слов и мыслей.
В тебе мы тонем, не умея наслаждаться мимолетностью
мгновений быстрых.

Нам данность кажется понурой, серой.
В сравнение с тобой глубокой, постоянной.
Но вовсе здесь не в данности проблема.
Себя лишь тешим мы надеждой и самообманом.

Что пусть сейчас не все так гладко,
Но где-то там, вдали, наш ждет успех, наш ждет фурор.
Но счастье, оно здесь, в моменте шатком.
Глядишь и нет. Но ты был слеп, хоть и смотрел в упор.

Ну кто пообещал нам эту вечность?
Мы строим из себя Бог весть кого,
Восторженно внимая умным речам.
А лучше б строить нам себя лишь самого!

В спины людей мы вонзаем ножи,
Чтоб по трупам надежд их вскарабкаться ввысь,
Одержимы достать мы до мнимой звезды.
Нам промыли мозги, навязали нужды.

Наша главная цель – власть, деньги, успех .
Звоном монет льется радостный смех.
Есть цена у любви, у души и у тела.
Эдема яблоко гнилью мира созрело.
Ты вкуси плод запретный, и сладостный сок

Потечет кровью павших сердец по устам,
Тех кто любил, но однажды не смог,
Кто фальши предательства жертвою пал.
Пустотой порастают людские сердца,
Чтоб хватало пространства скупому цинизму.
Но не сдохла Любовь , она не могла!
В слишком серые дни слишком черные мысли..

Самый близкий, но такой далекий,
Ты закрыл себя на сто замков.
Все порой бывают одиноки...
В холодности безразличья ты всегда таков.

Толь нарочно с упоением равнодушья
Медленно сжигаешь детские мечты,
Душишь их наивность, простодушье,
Изнурясь агонией, вновь чтоб не росли.

Толи нехотя ты убиваешь
С редкостной искусностью мучений
Жертвою ты вертишь и играешь,
А потом поставишь на колени.

Может лишь со мной такой суровый,
Бурей зверствием, ненастием дождя.
Негде мне укрыться от тебя такого,
В этой непогоде я совсем одна..

Очень смешно, а может быть больно
Когда сердце стучит 110 в минуту.
душа рвется наружу, внутри беспокойно.
Это как прыжок вниз без парашюта.

Быть может, она найдет место получше,
Чем электрический импульс нейронов запутавшихся.
Я не могу понять что я, ну а ты слушай
Как взаперти ток истоцился, измучался.

В этом мире много установленных правил,
Слишком много стандартов, чтоб выбраться.
Не подхожу вашим я идеалам,
А песочное время вверх не посыплется.

Никогда ничего не изменишь, что сделано.
Да и люди почти никогда не меняются.
Кому-то везет, а кто-то смиренно
Падает в грязь или там прямо рождается.

Все что нужно для счастья – деньги и секс.
В этом мире числами все измеряется.
Позабыты поэты, художников нет,
Ну а сказки и вера на мансарде валяются.

Ну а если устал ты от этого, стонешь,
Ты обугленный выйди скорее на стужу.
Тебя не услышат, лишь быстрее утонешь.
Фантазер и мечтатель никому ты не нужен.

Ты живешь на витрине, тебя выбирают.
Ну а кого-то так и не выставят.
Я валяюсь давно уже в пыльном подвале,
Ведь стандарты точны, измеряются цифрами.

Твое сердце – это пустота.
Пустота – это ничего.
Ничего – это простота.
Простота изящнее всего.

А изящество – оно влечет
Утонченностью своих манер,
Их хрустальный холод – он не в счет:
Лед препятствие, но не барьер.

Твое сердце холоднее льда.
Лед – вскоре талая вода
А вода – почти что человек.
Человек проживший целый век.

Целый век – получится сто лет.
Ровно столько мне не ждать весны.
Потому что весь написанный мной бред,
Все что было, есть и будет – это ты.

Все что обжигает, ранит и влечет,
Все что кровоточит и болит,
Здесь он еще – потом умрет.
Или вечно будет жить, как поразит.

Поразит, питающийся плотью.
Ну а на его десерт – душа.
Значит, ничего не будет больше.
Ничего – выходит пустота.

Барбара Морриган

Я пишу всю жизнь, потому что не могу не писать. Когда-то слово теряло значимость в моих глазах, а когда-то приобрело её как никогда прежде. Но оно всегда было, ведь «в начале было слово», и только потом уже я. Я говорю с миром на миллионах языков, и стихи – лишь один из них. Но самый любимый.

Господи, помоги этим бедным душам, пропавшим в бездонной тьме.

Забывшим имя твоё, и голос, и цвет, и лик.

Отведи их к покою и свету, направь, только, боже, не оставляй в одиночестве там, где сильнее всего болит.

Они будут слетать с мостовой в кювет, напиваясь вдрызг, и срывая голос, кричать и выть, не приемля нот.

Танцевать на песке, отдаваясь в руки солёных брызг...

Они будут везде и всегда заодно

С теми, кто так же красиво и гордо умеет страдать.

С теми, кто режет руки и пьёт передержанный чай.

И в каждой толпе для таких, как они – как рождественская звезда

светит тот, кто познал, что такое смотреть в пустоту и молчать,

Ошалевшими пальцами выворачивать боль из себя на потеху всем,

чтобы местные кибер-Цезари ставили «палец вверх».

Боже, скажи, неужели не можешь помочь совсем – провести Эвридику на свет через царство теней в её голове?

Чтобы если уж обернуться назад, то увидеть снег,
пепелище костра и гитару, покрытую тонкой стеклянной
росой.

Чтоб за плечами тот город, и дом, что являлись к тебе во сне,
чтобы глаза и руки... и чтобы всё это – не просто сон?

Господи, разве так сложно стереть эту вязкую грязь и чернь,
что так жадно пытаются заливать дешёвым вином
в кухнях с липким столом и потёртым плакатом с Че,
где уже не ждут перемен, не гуляют всю ночь до утра, но...

Посмотри на них в ту секунду, когда выпадает тот самый, не
первый снег,
что заставит сменить дорогие кроссовки на глупые сапоги,
и услышишь негромкий и хрупкий, надрывный... но всё же
смех,
которым смеются твои падшие дети, потерянные во тьме.

Помоги им.
Господи, помоги и мне.
Пожалуйста, помоги.

Ты не знаешь жизни, как не знаешь столиц европейских
стран.
Не приходишь с приветом, а еле-еле встаёшь по утрам.
Напоминаешь смесь Диониса с Ельциным в самый поганый
год
тем, что лишь устаёшь, уходишь и пьёшь.

Веришь в лучшее и, в общем, держишься молодцом,
Но твой отец “вышел за сигаретами” сразу, как только уви-
дел твоё лицо.
Твоей песне на горло никто не осмелится наступить,
но ты давно позабыл её.

В твоей пьесе не появляется трикстеров и злодеев, да даже смазливых актрис – они просто не понимают, когда выходить из-за пыльных кулис.

Все твои роли как на подбор – неприлично скучны, а сюжет неизменно пресен.

Как же там было... в той песне... да чёрт! Неужели забыл? Хотя на твоём-то месте уж можно признаться бы, что в тебе уже много лет ничего не звучит, а тем более песен.

И всё время кажется, что вот-вот – и сделаешь этот шаг и начнёшь смеяться, ходить, набивать рюкзаки и так жадно дышать, что в груди разгорится маленький дымный пожар, оплавляющий кости и кожу.

Я не знаю, что с тобой делать: жалеть или заживо хоронить, ты ни к месту ни на прокуренных улицах, ни на страницах книг.

И я ненавижу тебя всем своим естеством, чёрт возьми! ..за то, что мы так похожи.

Мне не приходит письма из школы магии самопознания. Думаю, затерялось на почте или, быть может, ушло назад. А может, неправильный адрес, и где-то в Австралии или Танзании у кого-то случился катарсис и вообще открылись глаза?

Помню – другие дети читают Ошо и Гессе, не поддаются эмоциям и в социуме отлично держатся на плаву.

Завтра они умчатся к успеху на длинном блестящем Экспрессе,
а ты стоишь как дурак на балконе и ждёшь сову.

Моя волшебная палочка пахнет лишением свободы на пару суток,
а в волшебном котле что-то вроде глинтвейна (на деле – горячий спирт).
Как же так вышло, что мой поезд не может въехать в плохую шутку,
не говоря уж о том, чтобы въехать в прекрасный волшебный мир?

Надо погуглить – где найти оценщика для своих ценностей?
Чтоб посмотрел строгим взглядом и отправил к старьёвщику через квартал:
«Ты слишком долго выметал сор из избы, прости,
чтобы на этой метле теперь можно было нормально летать».

Настоящий волшебник с детства проявляет свои способности –
превращает желаемое в действительное, а ты превращаешь кровь в алкоголь.
Через пару лет ты получишь письмо, но о том, что тебя не приняли попросту –
Не хватило баллов на экзамене
по умению
быть
собой.

Тролли живут под мостом. Это старый закон.
Они смотрят наверх, но обычно всё-таки внутрь.
Они видят один и тот же туманный сон,
пробивающий день ото дня сквозь рассветную пелену.

Чтобы слышать ответы – умей задавать вопрос.
Но вопросы теряются, гулко звеня в пустоте,
отражаясь от каменных сводов и серых стен...

А ответ, как всегда до смешного прост:
Все дороги в итоге приводят под этот мост.

Возвращайся домой по сплетениям снов и старых картин.
Вспоминай всё, что было, что будет, что есть.
И увидишь, как у реки вдруг сойдутся твои пути.
И поймёшь, что всегда должен был быть именно здесь.

И когда отчего-то внутри поднимаются паруса,
Понимаешь, о чём ты всю жизнь говорил и писал.

Развести костёр не составит
большого труда.
Только ты его терпкое пламя
не торопи.
Сквозь прохладные пальцы уходит
твоя вода –
припади к ней губами, как только
захочешь пить.

Часовая проходит круги
на седых полях.
Сколько белой бумаги ещё
предстоит измять?
Над твоей Хиросимой от крыльев
гудит земля,
и сквозь время доносится запах
пьянящих мят.

Ты проснёшься под утро, сжимая
в руке стакан.
Как оставить всё это, на миг
позабыв дышать?
Сквозь искрящийся воздух, – ты видишь? –
Моя рука.
Остаётся финальный, незримый, непознанно
трудный шаг.

Не осыпаться пеплом, не сгнуться в плену ветров.
Не стореть, не остынуть, но главное –
отсветить.
В этом море вскипают твои молоко и кровь,
Зажигаясь кострами в далёком
конце пути.

Всё однажды неспешно и тихо сойдёт
на «нет»,
разобьются пределы в извечном
стремлении в «да».

Через тысячу лет ты увидишь себя,
во сне...
И, проснувшись в далёком завтра,
останешься
навсегда.

Роман Осинский

Ранней весной или поздней осенью.
В чёрных волосах первой проседью.
Немного скромно, но с гордостью.
Назову тебя «милой» с лёгкостью.

Назову это счастьем, скорее всего.
Ты назовешь как-нибудь по-другому:
Мол, одному никак без другого,
И холодно, и одиноко, тому второму.

Скорее всего, без дрызг там никак.
И мостить придется самим подходы,
Частенько в словах друг друга сквозняк,
Частенько кому-то очень мало свободы.

Ты уткнешься мне носом в грудь,
Когда обида или еще ерунда какая,
Чтобы услышать, как бьется сама суть,
Никуда не пропадая.

И так простоим битый час.
Укрывая друг друга от непогоды,
Не понимая, кто кого спас,
Смеясь над загадкой природы.

Закружу тебя высоко-высоко.
Зацелую тебя с легкостью.
И не задумываясь глубоко-глубоко
Назову тебя любимой с гордостью.

Белое вино в рюкзаке за плечами
В кармане Ее куртки штопор
И можно болтать часами,
Все больше переходя на шёпот.

Я буду смущён и робок,
А она не поведёт и глазом.
Я затрясусь от озноба.
По рукам и ногам связан.

Продолжу говорить не впопад,
Неуклюже вставляя комплименты.
Надеясь, что они не претят,
Избегая любых сантиментов.

И чертовски приятная мысль
Зависнет во влаге вечера:
Вдруг она распознает смысл
В моих сигналах засекреченный.

И тогда я выдохну наконец.
Можно будет не прятать взгляда.
Рядом, вдоль теплых улиц.
Неправда, но все равно приятна.

Погаснет в очередной сигарете
Замысел двух на углу,
В призраках лета, в моменте.
Забудется поутру.

Мне срывает башню мой каждый прожитый день,
Прошлого тень.

Флэшбэки давят на психику
И любовь убивают не психи как я,
а, крошка, твои ожидания.

И мне так нужен заменитель.
Исцелить навсегда.
Ну, хоть какой-то обитель,
Хотя в принципе укрыться нельзя.

И странная вещь благочестие,
Ведь искушений ни счесть,
Когда даже смирение бестия
Сбивает наивную спесь.

Очередная самка лишь паллиатив.
Императив для толп.
Банальный вечный нарратив,
Где кисея ваш фиговый листок.

Хотел бы писать о любви,
Но не умею мечтать, уж прости.
Хотел бы согреть тебя в холодной постели,
Даря поцелуи и частицу себя,
Но в сердце твоём, как за окном метели,
И в ответ на признание лишь тишина.
Хотел бы обрести тебя снова,
Чтобы потерять в очередной раз.
Чтобы мучиться также долго,
Весь день и всю ночь, молясь.
И не найти мне лекарство,
Не существует его от болезни такой,
И не будет шанса другого,
Сказать почему умираю порой.

Няўдалы паэт, ен цешыцца ветрам,
Пялесткам ласкавым кранае павекі.
Узгадвае вобраз, той ідыяльнай,
Што сам саткаў зь нітак маўчанья.

І штосьці працягвае квітнець унутры,
Бяз усякай паставы, бяз кроплі вады.
Як сонца трымае ў раскрытай далоні:
Свабода так блізка, але лепей у палоне.

Яна адводзіць вочы сарамліва,
А ен на цуд глядзець баіцца.
Птушкі і кветкі яму даюць парады –
Цікава тое, што задаволены і гэтым малым.

Аскепкі імпэту зьбірае ў скрыню,
Каб склеіць у парасткі больш маладыя.
Можа жыцьце падарыць не толькі цярпеньне,
Але і рашучасьць, хаця б на імгненьне.

Берег песчаный,
Берег заросший бурьяном.
Я был трезв,
От безразличия стал пьяным.

Слова заглушает шум метро
Армада молчания бьет прямо в лицо
Смотрю в неё
Она больше не слышит
Она даже не плачет и еле дышит.

Я чувствую как боль лишает меня ног,
Этот грубый танец для недотрог.
Красная помада на ее губах это всего лишь подоплека
И мне не видно дороги или хотя бы намека.

В душных вагонах метро,
Как в коридорах больниц,
Где-то под утро,
Ломаются сотни спиц.

Верхний этаж.
Время красивых слов.
Нужный антураж,
Из алых кусков.

Взгляд с поволокой
Прямо на встречу
Сделал ее неловкой
Влюбленной еще на чуть-чуть...

Освещенные улицы,
Скользит авто,
Улыбка спутницы,
Словно на фото.

Бежать и без сил,
Идти прямо вперед.
Ты один
И это падение, а не полет.

Нужно вино.
Горят мысли и чувства.
Теперь панно
В огонь безрассудства.

Дым сигарет...
Липовый чай...
Время комет...
Время на край.

Выкинув все из салона машины,
В небо открытое пар изо рта
Выдохнув, стало как-то паршиво...
В город обратно больше ни шага.

Позади километры пути.
Назови это прошлым.
Впереди километры – их нужно пройти.
А здесь нам не остаться подольше.

Мы выдвигаемся в пять,
С лучами первыми вдоль русла реки.
Каждый должен что-то понять,
Отыскав свои маяки...

В непросветной чаще леса,
Далеко от мира людей
У нашей дружбы больше веса
И свет ярче, чем у тысячи огней!

Заберемся на самые высокие горы!
Отметим вином взятый рубеж!
Наладим мост, выбрав точку опоры,
Улыбкой заделаем многолетнюю брешь.

Но вернувшись к делам привычным,
Изменишь все дай только срок!
Вещи обратно в салон машины
И снова влейся в поток!

Свежевыжатый сок,
Утро подарит улыбку,
Касанием ног
На холодную плитку.

Уносит мечты
На другой берег в два
Белый дым,
Губы, соленая вода.

Он мимо...
Она прячет взгляд.
Так неуловимо,
Обоих тянет назад.

Только сейчас
И не год спустя
Время на глаз.
Его руки тебя не отпустят!

Глупая вера!
Приведет ее туда.
Так будет непременно!
Верно, как никогда.

Выпадает из поля зрения,
Бросив якорь за горизонт,
Превозмогает силу трения
Одинокий деревянный плот.

Болтаясь на волнах неистовых,
Он словно не имеет вес,
В вспышках молний отрывистых
Сдаваться отказывается наотрез.

А стихия все непреклонна
Вторит свой тяжкий напор.
Ей нельзя сойти с трона,
Для силы это фатальный укор.

Борьба продолжаться не может вечно,
И что-то точно пойдёт ко дну.
И так продержался прилично
Сдайся, прими наконец судьбу.

Канаты натянуты до предела,
Стонет тяжёлый, мокрый массив.
С пеной у рта, совсем оголтелый,
Выдохся и этот огромный мастиф.

Тучи сползли за край горизонта,
Ветер стал лёгок и вовсе утих.
Плот совершенно измотан.
Но живее всех живых.

Одержал победу суши кусок,
Хотя совсем ненадолго.
Жизнь возьмёт новый виток.
Как полагается, не ища предлога.

Дмитрий Разин

Дмитрий Разин – поэт, музыкант, филолог. Родился в Кременчуге, Украина. Учился в Днепрпетровском Университете Экономики и Права, факультет английской и немецкой филологии. Участник многочисленных фестивалей, литературных вечеров.

НАС ПОЗОВУТ, И МЫ ПОЙДЕМ

Нас позовут, и мы пойдём!

По коридору, вниз по лестнице, во двор
По тротуару до трамвайной остановки
Наверняка в пути возникнет глупый спор
Наверняка дойдет до потасовки

Нас позовут, и мы пойдём!

Достанем с ножен меч, произнесем тирады
И варвар будет бит и супостат
И если кто попросит вдруг пощады
А мы отпустим, дав пинка под зад!

Нас позовут, и мы пойдём!

На свадьбу или шумное веселье
Мы долго будем петь и упиваться
С утра же будет мучать нас похмелье
А мы назло не будем похмеляться

Нас позовут, и мы пойдём!

С приподнятой и гордой головой
Вдоль улиц, вдоль домов многоэтажных
Ведь главное, что мы пойдём с тобой!
А вот куда пойдём – совсем неважно

САД

Мне кажется был здесь когда-то
И кажется был здесь с тобою
Но, вместо цветущего сада
Заросшим все было травой

А нынче деревья с плодами
И радостно видеть глазам
Как жаждут своими ветвями
К твоим прикоснуться власам

И бродит волнующий запах
Терзающий душу до слез
На, вечно измученных, лапах
Тут сторожем шастает пес

Ветвистый зеленый орнамент
И даже среди зимних порош
Здесь в вечном безмолвии память
И в теле приятая дрожь

ВЫХОДНОЙ

Запрыгнув в клетчатые брюки
Надев рубаху и пиджак
Иду и поглощаю звуки
Втянувшись в уличный бардак

Волнуют молодые дамы
В весенних платьях вместо шуб
Бьют по глазам цветные гаммы
Улыбок и манящих губ

Я посижу часок в аллее
В компании двух-трех газет
Потом схожу я в галерею
Я не был там уже сто лет

И в историческом музее
Подробно вчитываясь в даты
В кругу таких же «ротозеев»
Я посмотрю на экспонаты

Пиная уличные камни
Я поброжу по мостовой
А если б кто спросил куда мне?!
Да, никуда! я – выходной!

В УПОР

Стоит в ушах тяжелый звон
Чуть голова кружится
Оставлю для себя патрон
Быть может пригодиться

Упала с крыши черепица
Упала крыша целиком
Мне трудно с обувью мериться
Мне проще бегать босиком

Война застала их в постели
Пробравшись к дому чрез забор
Проснутся, сразу не успели
И не проснулись до сих пор

Руками вскинул дирижёр
Оркестр замер в ожиданье

Мне трудно делать всё потом
Я лучше сделаю заранее

Стоит в ушах тяжелый звон
Чуть голова кружится
Кругом абсурд и моветон
Попробуй тут не спиться

Играет мимикой на лицах
Серьезный, важный разговор
А вдруг захочешь застрелиться
Стреляй, не думая, в упор!

ДРУГ

До свидания мой друг! Лишь стук
Уходящих прочь, стальных колес
Ловит весело жужжащих мух
Непоседливый соседский пес

До свидания мой друг! Испуг
Не застигнет нас с тобой врасплох
Тихо падает июльский пух
Расстилаясь подле наших ног

До свидания мой друг! Вокруг
Не осталось ни одной души
Кто сумеет распознать на слух
Бесконечные потоки лжи

До свидания мой друг! А вдруг
Все вернется на круги своя
А пока мы тупим острый плуг
По своей, по жизни бороздя

СИМФОНИЯ

Пустой район, забытый старый павильон
Забились тени по углам, вдыхая клей
Бродячий кот, блуждая в поиске ворон
Давно не ищет теплый кров среди людей

Рассыпав снег с дырявых ящиков, январь
Прошел холодной стопой по голове
Забыв про всех и распродав всю свою старь
Он поселился где-то в Альпах на горе

Добыл огонь, чтобы не мерзнуть по ночам
Из хвойных веток настелив себе кровать
Всё это время он безудержно молчал
Ему, наверно, было нечего сказать

Ему бы петь, ему бы верить в себя
Ему бы ноги целовать, прекрасных див
Но он поник и ничего, не говоря
Исчез вдали от своих прежних перспектив

Зима пройдет и как подснежники, бордюр
Вдруг прорастёт под толстым шаром белизны
И он придет, и нам без всяких партитур
Сыграет новую симфонию весны

С ТОБОЙ

Бывает, встанешь поутру
И чувствуешь, зависли мысли
Плывут байдарки по Днепру
Плывут по польской Висле

И новый день черпает нас
Большой, железной ложкой
Нам некуда с тобой спешить
Давай поспим, немножко

Вернулись с рейда корабли
Их ждёт любовь и почесть
А приближение зимы
Так хочется отсрочить

И новый день черпает нас
Прям, с утреней постели
Нам некуда с тобой идти
Мы там, где мы хотели

ВИРАЖ

Дайте запить этот горький настой
И з головою закутаться в плед
Если вам жизнь, показалось простой
Значит, у вас ее нет!

Что прорастет вот из этих пород?!
Ежели их орошать кислотой
Знаешь, а ведь и не нужно семь нот
Всё выразить можно одной

Помню, когда-то был дерзок и лих
К жизненным трудностям, попросту, глух!
Что ж ты теперь музыкант так притих?
Что ж не радуешь слух?

Хватит, мой друг, повалялись в грязи
Самое время отмыться уже

Ты нас домой, вдоль полей отвези
Помедленней на вираже!

КРАТЕР

Кратер раскрыл свою пасть
И извергает огнем
Продав рыбак свою снасть
Всадник расстался с конем
Капли прилипли к лицу
В город врезается ночь
Сын прислонился к отцу
К матери тянется дочь

Март исполняет этюд
Сотканный из легат
Птицы пристанище вьют
Вышел из бухты фрегат

С телом, завернутым в плед
С чашкой, прилипшей к руке,
Женский возник силуэт
И замер в дверном косяке
Не умолкают дожди
Будто, стеною стоят
Книги выросли в стеллажи
И между собой говорят

Словно плыву под водой
Воздух, пытаясь глотнуть
Я возвращаюсь домой
Чтоб, наконец, отдохнуть

РЕКОМЕНДУЮ

Рекомендую посмотреть кино
Но, не советую читать газет
Мне кажется, придумали в окно
Лишь только для курения сигарет

Рекомендую дозвониться тем
Кому давно хотелось позвонить
И даже если не осталось тем
О чём бы можно было говорить

Рекомендую закрывать глаза
Когда твой поезд колесит в тоннеле
Мне жалко, что осталась полоса
От неразрывных, как казалось, параллелей

Рекомендую посмотреть на мир
С другой, пусть непривычной стороны
Кто знает, может рядом пассажир
Такой же точно, как и ты
«Меня не оставляет мысль»

Меня не оставляет мысль
Что это лишь мое виденье
Что ряд, совсем случайных чисел
Сошлись в одно мгновенье

Меня не оставляют тени
Ушедших безвозвратно дней
И руки тянутся за ней
В таком безумном рвении

Мой мир переполох и хаос
А я ищу в себе смиренье

И посреди междустрочных пауз
Приходит вдруг прозреньё

Блуждаю между полюсами
Закрыв глаза на осторожность
Пытаюсь отыскать возможность
Прильнуть к тебе устами

ОДИН ЗА ДРУГИМ

И не встать и не лечь и не сесть
Что не поза то боль и мука
Опасаясь каждого стука
Что нести, может, злую весть
Мы же в угол забились, по сути
В самый темный из всех углов
И оттуда кляня врагов
Мы пытаемся выбиться в люди

Или просто делаем вид
Хорошо хоть делаем что-то
Принимая, что мы – босота
И хорошее нам не сулит
Так вот малость еще посидим
В этот угол вырастем, да поглубже
Ни беда, а ни враг, нам, не нужен
Сами выйдем один за другим

НЕИСТОВО

И каждый хочет жизнь свою прожить
Не склеивая рваные отрезки

И с кем-то бы чуть-чуть поговорить
Да жалко нет с кем!

А я стараюсь просто быть собой
Я улыбаюсь добрым, чистым людям
И мы уже не «мы» давно с тобой
И никогда не будем

И каждый забирается наверх
Что бы получше рассмотреть дорогу
И вряд ли будет ждать тебя успех
Идя со всеми в ногу

А я все стараюсь просто быть собой
Я не желаю никому дурного
Я помню как неистово с тобой
Рифмовалось слово

БЫВАЕТ

Бывает, что солнце лучами играет
Бывает, что люди живут не в то время
Бывает, никто меня не понимает
Бывает, меня посещает сомнение

Бывает, на личность влияет слава
Бывает, на личность влияет наличность
За годы весь мир изменился не мало
Но радостно, что сохранилась лиричность

Бывает, что радость немного стихает
Бывает, что люди садятся и плачут
Я знаю, что к цели идти помогают
Осмысленный труд и немного удачи

Бывает, уходит нужный трамвай
Да, что там трамвай! Люди – уходят!
Я сам ухожу, не сказавши «прощай!»
А кто-то, вернувшись меня, не находит

ПОЭМА

Под музыку, грустных и радостных лиц
Оставшихся ждать на перроне
Ты сделал свой шаг и повис
Унылым гудком в телефоне

Смотри, наполняется день
Привычной, цветною палитрой
И черная-черная тень
И зелень листвы эвкалипта

И красного цвета авто
И белые, венские розы
И девушка в синем манто
С букетом желтой мимозы

Дубовый, коричневый пол
Структурные, серые стены
Бесцветный спирт-этанол
Проник глубоко в наши гены

И память стирается в пыль
И пыль раздувается ветром
Всё спишут с годами в утиль
Но только не душу поэта

Смотри, наполняется мир
Привычную гаммою звуков
И шумный праздничный пир
Щелчки герметических люков

И стоны счастливой любви
И вой беспощадной печали
Трещат в кочегарке угли
Стучат по брусчатке сандалии

И шелест деревьев и трав
И ход часовых механизмов
И плеск об борта переправ
Движения живых организмов

Эпилог:

Прилив затирает следы
Соленой воды не жалея
Прибавь единице нули
И станет уже веселее

ОРКЕСТРОМ

Я хочу помолчать минуту
Я хочу глубоко вдохнуть
И укрывшись волною уюта
Наконец-то спокойно уснуть

От пустого рутинного текста
Я пытаюсь с ума не сойти
Я хочу закричать оркестром
Что засел у меня в груди

Я хочу полежать у дома
На высокой, проросшей траве
Зазвенели раскаты грома
В беспокойной моей голове

Ее волосы пахнут ванилью
Разгораюсь не в силах остыть
Знаешь, мир так устал от насилья
А вы можете просто, пожить!

АЛЬТ

Я немного пройдуь променадом
Я сорвусь на отчаянный крик
Беспощадное слово «не надо»
Зависает в пространстве на миг

И ногами топая оземь
Выбью пену с бесформенных луж
Постою, чуть сутулившись, в позе
Как трудами измученный муж

Чуть порвалась моя перчатка
Зацепившись за лавочный гвоздь
В этом мире нет больше порядка
Здесь порядок непрошенный гость

Вот стоит поседевшая ива
Подметая лозою асфальт
Это грустно, но это красиво
Как высокий, лирический альт

БАС – КАНТАНТО

Что укрепляет твой дух
Что умиляет твой слух
Радует взгляд?

Сотни склонившихся слуг
Единственный преданный друг
Или тело наяд?

Что помогает забыть
Нелегкую тяжесть обид
Горький обман?
Спокойный, размеренный быт
Водю разбавленный спирт
Или едкий дурман?

Что нарушает твой сон
Долгий пронзительный звон
Или громкая речь?
Сумку закинув в вагон
Снова идешь на перрон
Но уже не для встреч

Рвется, состарившись, нить
Сердце, пытаюсь остыть
Застыло в груди
Я не смогу все забыть
Жаль, что нельзя повторить
Все эти дни

Толи я чуть посивел
Толи побелочный мел
На моих волосах
Я наконец-то пропел
Именно так как хотел
На высоких басах

Сядем в полночный трамвай
Под шумный, праздничный лай
Гудящей толпы

Руку скорой мне давай
Вот и закончился май
Этой весны

САНТИМЕНТЫ

Печаль, тоска, дубовая доска
По голове стучит неутомимо
Я жду момент для резкого броска
И так боюсь, что он промчится мимо

Меня укрыла яркой мишурой
Меня согрела непорочным взглядом
Я погрузился в омут с головой
Я отравился сладким, дивным ядом

Вот я ползу, вцепившись крепко в грунт
Я доберусь, уж как мне не мешайте
Я знаю точно, что они нам врут
Но я молю их: «правды не лишайте!»

Я часто вспоминаю времена
Когда нас разделяли сантиметры
Мне, как и всем не чужды иногда
Не нужные, пустые сантименты

РОДНИК

Видишь, как бьется родник откуда-то с недр
Необратимо перерождаясь в реку
Ух, слава богу! остался один километр
И я приеду к любимому человеку

Видишь, как сжался кулак в отчаянной драке
Жадно пытаюсь всем отомстить за обиду
А у меня за окном ярко красные маки
Как украшение чудному летнему виду

Слышишь, как громко поют перелетные птицы
Напоминая о том, что всё будет иначе
Вряд ли мы сможем запомнить по жизни все лица,
Я не уверен, что кто-то таким озадачен

Слышишь, как ярко звучат очень старые струны
Будто в последнем порыве играют прощаясь
Верь мне, никто никогда не рождается умным
Каждый проходит свой путь, много раз ошибаясь

Анна Романенко

Думала ворон, а это яблоня
Так по-живому голосом вздрогнула,
Или заставили, или исполнила,
Или задумала яблоня что-то.

Скрип, как искра, будто прорезали,
Там, наверху, будто обидели,
Люди прохожие и не увидели,
Просто своими дорогами следовали.

Все зашуршало-ветер откликнулся
И вокруг яблони раны зализывал,
И свою жалость на ветки нанизывал,
Он был заботливым, только неискренним.

Угомонилось, все успокоилось,
Как и всегда-тучи запутались,
Разволновались, надулись, насупились,
Древо замолкло, и листья посыпались.

Я под платьем болотным спрячу
Смех и горечь, не сморщив лоб.
Ничего для меня ты не значишь-
Пусть рисует меня Ван Гог.

Всю полынь со стакана выпив,
Кисть запустит небрежно в масло.
Где ты видел, чтобы писали
Без надрыва, соблазна и страсти?

Ты разжег огонь в камине,
Дымом пахнут волосы.
Я продрогшая, остывшая
С хриплым голосом.
Ты меня зовешь согреться,
Околевшую,
А меня огонь пугает
Обгоревшую.
Не забыли кожа, пальцы
Взрывы пламени,
Потому-то вечерами
Часто пьяная.
Я костров бояться стала,
Больно жгли они...
Ты меня руками грей
До зари.

Ты уходишь и мир рушится,
И я строю его заново,
Все пожары мои тушатся,
Становлюсь я немного печальною.
Привыкаю одна ужинать.
А мой завтрак на скорую руку.
Ты приходишь и мир кружится,
Ты уходишь и он тухнет.
Все такими неделями тянется
И опять ничего серьезного.
И кому мне теперь каются?
Поздно.

А ты сегодня так остро во мне!
Острее обычного, больнее больного...
Я думала, я уже свободная
Да и не рвусь к тебе...

Рвусь! Сквозь платье, всхлипывая от обид,
От того, что тебе хорошо без меня.
И что я не могу тебя забыть,
Ну, а ты уж забыл меня.

От того и озноб, и слез ручей,
Нежелание пить горячий чай.
Твой фантом в половине моих вещей,
Хоть опять города меняй.

Я шла с нарощенными ресницами,
Вдыхая варшавский холодный воздух-
И с этим в одной кровати не спиться,
В тиши арендованных евро комнат.

И нет ничего, даже жалости нету,
Бреду обесчувственная и непохожая
На ту, что когда-то влюблялась по уши,
И кожей пытаюсь согреть кожу.

И этот рукою не тронул прощаясь,
И тот закрывает за мной дверь, выдохнув,
Мои все стратегии и бизнес-планы
Остались в кальяне дымном.

Ты хочешь, чтобы я тебе рассказывал,
Мой милый друг, мятежная душа!
Ты хочешь, чтоб победы с тобой праздновала,
А я их праздную сама.

Победы достаются мне измором,
Я грустный победитель, вот и все!
Солдаты смотрят на меня с укором,
А мне уж все равно.

Я ввязываюсь в бой не специально,
Стреляет первым враг, уж я в ответ.
Истерзанное состязание
На протяжении многих лет.

Все так красиво: бомбы, вспышки, звуки
И взрывы, и нарывы, пыль вокруг!
Туманом к ночи застилает поле,
Где враг становится мне друг.

Мне жаль его, и я латаю раны,
И смазываю лаской шрамы дня.
В руках держу победы тайну,
И белый флаг – ночная простыня.

Вот так, мой друг, все просто до смешного,
И никакой тут хитрости и нет,
Но так желаю ощущать я снова
Всю сладость от побед.

Голова болит от волнения,
От чувств, от невысказанности.

Где ты был со своими сомнениями,
С величавой изысканностью?
Что ты видел, когда писал мне
Эти строки и эти фразы,
Почему же опять так дороги
Мне прочитанные рассказы?
Ты обыденный, незаурядный,
Глубину не узнавший более,
Полусонный и полупьяный,
Со своей головной болью.
Нам лечить бы наши головы
Не вином и не крепким виски,
Почему же настолько дороги
Поцелуев твоих изыски?

Как встретить Мастера
И не отдаться Дьяволу?
Мимоза – как пароль!
Сожму букет в руке
И по проспекту
Вдоль.
От ветра пряча шею,
Ворот выше
Я подниму,
Без смысла и со смыслом
Иду.
Уловка на голодного
Живца,
Не те, не там, не эти
Мастера!
И гончих лай:
Охота ведь открыта...
Я понемногу превращаюсь
В Маргариту.

Он спасал меня от него,
От его равнодушия.
Наливал мне вино,
Давал кушать,
Чтоб забыла я боль и гнев,
Чтоб очистилась,
Не звала раньше времени смерть,
Чтоб возвысилась.
Прижимал меня сильно к груди,
Чтоб не плакала.
Говорил: «Отрастут и лети,
Потерпи пока».
А я верила в эти глаза
Синие,
Как в возвышенную бирюзу
Ерусалимную.
И обтер мне лицо ладонью
Влажною,
И невзгоды мои стали
Не важными.
Погрустил со мной ночь,
Да день посмеялся.
Моим кровным навек
Остался.

Переливами, перекатами
Обнималась я все халатами,
А мороз так скрипел, скрипел.
Не нашивками, не заплатами
Отдавала я мысли златые В твой удел.
Ох, завьюжило, заморозило
И дороги все заелозили

Хлопья снега, и ветер ввысь.
А ты сердце и душу розгами,
И собаками злющими борзыми,
Мол, смирись.
Не останусь завитой халатами,
Приплыву иль примчусь закатами,
Не уйдешь и не скроешь себя.
Со щеками от ветра смятыми,
У порога с перечной мятою
Ты захочешь мои глаза...

Как странно предаешь меня молчаньем,
Как горько в пустоте, еще болит...
Ты обещаешь и не держишь слово, странно
Ведь не прошу тебя со мною быть.

Ты сам хотел и что же на попятную?
Не впутывай меня в свои грехи.
Зачем сжигаешь душу мою смятую?
Любить ты сам хотел! Ну вот, люби!

В твоих терзаньях я уже запуталась,
То хочешь, то не хочешь ты.
Уже прощалась я с тобой как будто бы,
Но снова просишься ко мне идти.

Я улыбаюсь, открываю двери,
Хочу услышать новый твой рассказ
Но вижу, задыхаюсь и немею
Целуй, расскажешь в следующий раз.

Виновато лишь оно-
Эх, кофейное зерно.
Было б цельным, ну а ты
Мелешься, мелешься,
До кофейной густоты
Ленишься.
Вот придется заварить
Эту гущу,
Поднести и дать испить
Невезучему.
Он в тебе такой знаток-
Тянется, любиться.
Будь что будет! Кофеек
Студится.

Мой усталый и нежный друг,
Ты в ночном беспробудном разгуле
Ищешь, что бы еще хлебнуть,
Чьи опять целовать губы.
С кем уйти, чтобы смять постель
И забыться, забыть, кто рядом.
Среди вороха будних дел
Ты кормил меня виноградом.
И с луною наедине
Мне писал и стирал страницы,
Но а я топилась в вине
С сердцем пойманной бьющейся птицы.
Маловато бутылки вина
Чтоб унять тела дрожь от строк,
Все смешалось во мне:
И ты, и вино, и Есенинский слог,
И твои разгульные дни,

И осадок от прежних подруг.
Не целуй меня, не целуй,
Мой усталый и нежный друг...

Ты усталым таким еще не был,
Я усталой такой не была.
Над тобою Крымское небо,
Надо мною Донецкая мгла.
И лишь мысли к друг другу бродят:
Пишешь ты и пишу тебе я-
Надо мною Донецкое небо,
Над тобою Крымская мгла...

Я искала его ладони,
Ну а он мой платок, чтоб высморкаться,
Я любила детской любовью,
Ну а он не сумел откликнуться.
Он как небо мое, я тянусь к нему,
В нем все звезды мои, все птицы.
Я без слов-маяков его жить не могу,
Без него не могу свыкнуться.
Он, как гром, прогремит, всполошит меня,
Я к нему свои речи шлю радугой,
Когда хочет – уходит, печалит глаза...
Поменять бы мне небо надо бы.

Я молюсь за свой дом, за свои дневники,
За беседку, орехом заросшую...
За охапку горчичной листвы,
За соседку взъерошенную...
Мысли там, сердце там, Папа там,

Там собака большая и преданная...
Я хочу прокричать: «не отдам!!!»
Тем, которые войны затеяли.
Убирайтесь быстрее со двора!
Уходите на все стороны!!!!
Ненавистная мне голота!
Чернорылые вороны!!!
Я молюсь, чтоб не в дом, а мимо,
Я звоню и срываю трубки...
Слышу голос и выдохну «живы».
Жутко...

Я хочу в тебя, нырнуть, заглотнуть, втиснуться,
Быть там, где моя душа звездами сыплется.
Прильнуть, не дышать, не спать,
Не думать о времени.
О, Господи, с ним лежать!
Стоять на коленях!
Пред тобой, пред ним, опять пред тобой!
Молитвами заговаривать!
Души моей не покой успокаивать!
Слезами умыть рот, его поцелуями,
Пылающий живот с толпы пересудами!
Молчать, потупив глаза,
Кричать что есть сил уходящему...
Смотреть на него и желать...
Желать его, говорящего...
И все вокруг пеленой,
Нет счета времени.
Когда он не со мной,
Я бледная...

Выбрал? Меня? Ха!
Думал там слаще и гуще?
С кем же ты сравнивал, а?
Если одна я из лучших!!!
Приторно стало тебе?
Вдруг захотелось обедков?
Вместо дивана, софы
Пользоваться табуреткой?
Не ночевать до утра,
Резко бросать ночью,
После совсем не писать,
Не говорить, когда точно
Будешь ли ты или нет.
Цену себе набивать.
Нагло и долго молчать,
Даже не врать.
Как ты придешь? С чем?
С болью, виной, ненастьем?
Как мне тебя встречать,
Мое счастье?

Не хочу отпускать, не могу надыхаться, о, боги!
Он со мной и опять веселы глаза.
Я целую его ноги,
Я.
Привяжи и не буду рваться,
Мне свобода горька без тебя,
Начинаю сама раздеваться,
Я.
Зацеловываю твои щеки,
Глажу лоб и смотрю в глаза.
Я не знаю кто ты мне, кто ты?
А я?

От тебя остается только запах и память моя.
Я стираю все, только память ничем не вывести:
Пятнами въелась и жалит, и жалит меня,
Иногда жуткой боли не вынести.

Я закрываю глаза,
А ты перед ними довольный и улыбаешься.
Открываю обратно и пустота,
И на звонки не отзываешься.

А вчера гладил, играл волосами
И губы мои так целовал,
А я рядом была и радовалась,
И грустила когда уезжал.

А я отвыкнуть от тебя не могу,
А все больше с тобой свыкаюсь,
И вдаль так смотрю будто
Высмотреть тебя пытаюсь.

А ты не идешь, не спешишь ко мне
И ночь глаза выела,
А мы бы могли с тобой
Быть счастливыми....

И даже ты, кто зрелостью манил,
Меня не удивил!

Где храбрецы? Где воины и рыцари?
Которые рискуя ради дам
Готовы умереть от рваных ран?

Заполучить платок, ладонью смятый,
Надеяться и ждать пока она
Вдруг станет влюблена.

И покорять и силой и упорством,
И нежностью души, балладу спев,
Так и притронуться к ней не посмев?

И я ждала твоих шагов навстречу,
Но робок ты и, не смотря на возраст,
Так и не подал голос.

Сказал: «Бери меня, но сам не знаю как!».
Ты ж Рыцарь, а не Шут или чудак!

Платками я тебя уж забросала,
Так прямо намекала!

Я восхищалась шлемом и копьем,
Конем и всем, что можно восхвалить,
И угощала щедро за столом,
Ну право, я не знала как мне быть!

Плясала, оголяла кружева
И наливала пьяное вино,
Вещала тебе сказки, чудеса
И что? И ничего!

Мои персты, и чресла, и уста
Вкушал лениво без энтузиазма
Какой ты Рыцарь, если и с тобой
Отсутствуют оргазмы!!!

Уставшая, измученная мыслями,
Сползала с простыней и шла опять,
Вы забросали ящик письмами,
Звонками не давали спать.

От сердца отрывала, как кормилица,
Бинтами перевязывая грудь,
А вы кричали громко, что есть силы,
Словами изрыгая ртуть.

И вы побиты, да и я пылаю
От жара острой боли и конца.
И мы чужими до сих пор не стали,
Но не показывайтесь больше на глаза.

Брошенная избитая
На ветру,
Против косоного ливня
Я иду.

Грустная, со взглядом поникшим,
И ничего не жду.
Думаю страшные мысли
И молчу.

Черствый кусок хлеба
Горло дерет,
Я не могу смочить его –
Сухой рот...

Слезы давно выплаканы,
Голос сел,

Волосы неприкрытые –
Пепел.

Кожа тонка, белесая,
Тело замерзшее,
Я подпоясанная,
Но я брошенная.

Сломана безразличием,
Неучастием,
Третья вечно лишняя,

Ольга Самохина

Мне 22 года, последние 5 из которых живу в Варшаве. И стихи, и прозу пишу еще со школы, мечтаю написать собственную книгу. Мое сердце давно украли Бродский, Хемингуэй и Сомерсет Моэм. Обожаю путешествия и мечтаю посетить как можно больше новых городов. Верю, что всё, что с нами происходит – это бесценный опыт, который и определяет человека.

В новостях снова войны, города утопают в крови,
Столько жертв, что раздора яблоку негде упасть.
И пока все вокруг твердят, что спасенье в любви,
Я выбираю страсть
Кто-то меряет счастье наличьем на пальце кольца,
Кто в объятиях шлюхи лечит больное сознание,
Для кого-то мечта – как в романах – «любовь без конца».
Я выбираю желание.
Наши души затасканы, сердце протерто до дыр,
И за каждым «Я слушаю» – «Мне до тебя нет дела».
Каждый, кто обещал вечно помнить, давно забыл.
Я выбираю тело.
Кто-то снова кого-то бросает, идет по рукам,
Мир давно безнадежно устал от подобных агоний.
Хладнокровная ложь в «Я тебя никому не отдам».
Я выбираю огонь.
«Гениальный поэт», чьи стихи никому не нужны,
Пустит пулю в висок и станет любимцем масс.
Вместо всех разговоров без смысла, что чувства важны,
Я выбираю соблазн.
Кто-то ищет любовь навсегда, а находит на час,

После скольких ошибок не верить в того одного?
Мне не важно, что будет потом, но сегодня, сейчас
Я выбираю его.

До тебя не знала, что значит власть –
Отдалась всецело, моя ошибка.
Если б мне сейчас золотую рыбку,
Ото всех желала б тебя украсть.
В простынях бы спрятать твои слова,
Ото всех укрыть в номерах отелей,
Воплотить всё то, что давно хотели;
Все границы – тонкие кружева.
Чтоб на ужин – только вино и плеть,
На десерт целуешь со вкусом виски;
Я с тобою – смертница-террористка,
Каждый раз готова дотла гореть.
Возглавляешь список моих грехов,
Наплевав на рамки, и осторожность;
Оставаясь лучшим из невозможных
И бессменной музой моих стихов.

Роман Святославович

Быть самими собой в просветлении
Нам мешал уголовный кодекс
Чудаки моего поколения
Поклонялись кумирам с ботоксом.
Не хотим мы взрывать рассветами,
Жечь глаголом сердца людей
Наше время не помнит Летова
Нам не нужно чужих идей!
Нам бы свежести ветра порывы
Чтобы брызги летели в лицо
Мы успеем дожить уныло
Подарить нелюбимой кольцо!
В наших жилах священный огонь
Без вина загребаем жар
Тот кто молод – не помнит боль,
Кто умен – тот не будет стар!

Моим стихам 17 лет,
Где смелый взгляд дороже силы,
Где еще глупо клясться могилой
Надежд и мечт.

В лет 18 стихи и не нужны.
Схватить бы воздуха глоток
Чтоб не пропасть в водовороде лиц
И эмоций.

Стихи лет 19 прекрасны!
Полны энергией,
Полны любовью к лени
И восторгом к тем, кто смел.
И завтра ж надоел герой вчерашний

Вы ведь в курсе?
Появился гений!
Другой, но даже лучше.
Но послезавтра...
Гений станет не у дел

Ведь появился стих лет двадцати,
Печальный раб учёб гранита
И если в двадцать два
(уже не стих) поэма не забыта,
Пятном на совесть
Не падет печать
От звания хорошего супруга,
Или жены, что героиня-мать.
Или работника, с уставшими глазами,
В которых пятница и карнавал.

Сегодня же,
Стихи – нелепая ужимка,
Бред тщеславья –
Стихи я в рот ...
Высокопарные слова вы сочиняйте сами.
Поэт – есть шут. Поэт – смешон и мал.

Быть самими собой в просветлении
Нам мешал уголовный кодекс
Чудаки моего поколения
Поклонялись кумирам с ботоксом.
Не хотим мы взрывать рассветами,
Жечь глаголом сердца людей
Наше время не помнит Летова
Нам не нужно чужих идей!
Нам бы свежести ветра порывы

Чтобы брызги летели в лицо
Мы успеем дожить уныло
Подарить нелюбимой кольцо!
В наших жилах священный огонь
Без вина загребаем жар
Тот кто молод – не помнит боль,
Кто умен – тот не будет стар!

Я пустку зразумеў, калі прачнуўся,
І бляклых фарб вакол мяне, сціскаўшых кола,
Было так шмат. Бо я забыў цябе.
І раптам вобраз
той, што заўжды трымаў неба плячыма сваімі,
даў мне магчымасць дыхаць зноў.
Мае вар'яцкае каханне ці любоў.
Ты. Слова кароткае, цяжкае, простае.
Ты. Дзіва. Чароўна-лагоднае. Вострае.
Сьмешна мастацтва, спробы сьмешныя выразіць –
Тое жаданне не чуе віны.
– Заўтра.
– А што будзе заўтра?
– Мы.
Але адказы ў вачах,
Усялякіх дзён імгнення,
Празрысты сьпеў, што дае мэту
Чакаць з трымценнем, і нажаль,
Што горад, восенню атруты,
Табой заўсёды будзе сьніць,
Маім жыццём. У ім цяпер
Няма свабоды выбраць долю
З якою ціха ды без бою
Я здолеў б без цябе пражыць.
І як заўсёды, гукі громкіх слоў
Заглушаць сэнсы простага пачуцця,

Якому цяжка прабірацца цераз будні
Сярод напеваў не бацькоўскіх моў.

Неспынная нясмелыя зоры
Змяняюць змрочны колер небасхілу
А для яе і ліхтары не маюць дастаткова сілы –
Мястэчка не схавае свет жывы.
Я забыцца жадаў на бягучага труса,
І чырвонае неба над водарам траў,
Дзе я стомлены лег адпачыць ад спакусы;
Пазнаёміўся з той, што кахаць я не стаў.
Аддаваць – не заўседы, любоў – не знянацку,
Згіне кропля стачыўшы каменняў гару;
Хтосьці кпіць, што дарма яна верыла ў казку,
сэрца варта за казку, яго і дару.
...Ніколі не ляжы ў траве падчас заходу сонца,
Бо можаш не да канца зразумець,
І гэты момант не заб'е – расплюшчыць.

И был холод,
И были инеем покрытые души,
Что жмутся к огню в стужу
И теплое было вино,
И смех без вины веселых друзей,
Но главное ведь не оно
39 и 3,
Это градус пьянящей осени,
В этом времени нет пространства
Между листьев, что привычку жить
Бросили
Я хотел написать тебе стих,
Но забыл что не будет завтра.
Его отменили новым указом сверху
Для смеху.

Но наши любимые подоконники без границ,

Без виз, но только с контролем таможенным

– Привет. Я завтра хочу зайти. Можно?

– Можно.

Анна Седышева

Родилась в 1988 году в г. Владивосток. Лауреат поэтических городских конкурсов «Гул океанского прибоя» и «Болдинская осень» (2006–2009). Публиковалась в конкурсных сборниках стихов и альманахе «Серая дошадь» (2009). Живет в Варшаве. Аспирантка в Институте философии и социологии при Польской академии наук.

По шрамам Варшавы
хочу вести ладонью
по уцелевшим шершавым домам 70 лет хранящим отчаяние
Варшава, я пришла к тебе с Востока без меча
не в качестве и не с памятью палача
Смотреть во все глаза
Глазеть до полного растворения единения забытья
впитать в себя тебя
Когда самостоятельные прогулки по городу как первые свидания
кровь кипятят
Когда город подхватывает уступает дорогу включает зеленый свет
Когда туман поглощает вершину небоскреба растворяя меня
заодно делая бестелесной
бессловесной от восторга
Когда город вдруг тебе по размеру
Прокручиваю в голове будто в ускоренной перемотке
восстановление жизни из руин влюбляюсь в твоих молодых
женщин нарочито небрежно обернувших плечи в шарфы
молодые мужчины смотрят мне в след с интересом я выделяюсь
неместным восхищенным взглядом прогулочным шагом
почти что в припрыжку

Что может быть лучше кофе в кафе в старом городе на втором этаже у окна куда я хожу смотреть на прохожих
Куда я хожу слушать твое сердцебиение
Варшава, я предлагаю тебе долгосрочную дружбу
Что скажешь?

для боли какой подобрать сосуд
суть-не суть выношу на суд
промолчат в чат душат тишиной
обернутся спиной моей виной
чье плечо вылечит позвоночник
чье объятие вправит суставы
прогниваю прогневаю напрягаю нервы
чтобы шепотом чтобы штопать чтобы что потом?
перетоксикоз текстом мысле-перетоксикоз
как мыльную губку отжать бы мозг
выжать лишнее чтобы ближним было легче
многословие из раны хлещет
получатель собственно не при чем
не каждый умеет быть плечом
мечом легче быть чем врачом
впрочем вам это все зачем
для боли какой подойдет сосуд
когда никак тебя не спасут
когда сама надрубаешь сук
где сидишь и ждешь погоды у моря
алого паруса попутного ветра
мануального терапевта ответа в ватсапе
хоть какого-нибудь чуда
прогниваю набираю сообщения прогневаю
получателя окончательно
попаду под горячую руку
а не в рукопожатие
попаду на суд

не суть
не стыд
пора
остыть

чтобы писать тебе стихи понадобилось отъединиться
отпустить тебя за океан
разомкнуть объятие
сколько еще самолетов между нами/ вместе с нами случится
почему бы не остепениться обрасти детьми
и счетами за отопление
в отпуск по расписанию не чаще раза в год
простая такая нормальность
зато сразу понятно как отвечать на вопрос как дела и какие
планы
читать новости пока ты на борту самолета невыносимо
самолет в ирландском аэропорту
приземлился без переднего шасси
прямо на брюхо
обостряется чувствительность
я вся сплошное такое ухо
приложенное к поверхности земли
улавливаю вибрации в ожидании
твоего приземления в другом полушарии
мобильное приложение тешит мое самолюбие
показывает сотни налетанных часов
показывает ожидаемое время твоей посадки
что мне делать четыре предполагаемых часа
пока у тебя под ногами снова не будет почвы
я в силах разве что проверять почту
расшатывать нервную систему перезагружая страницы
прикидывая сколько тебе тамеще в милях до границы
а сколько в километрах
акрофобия настигает на земле опытного авиапассажира

как будто это у меня под ногами нет почвы
никто не пострадал в ирландии
я потом напишу тебе об этом в сообщении
и обо всем прочем ужасе случившемся
пока тебя на земле не было
уже совсем скоро через пару часов
ох

где-то я прячу свой портрет как у дориана грея
лицо покрывается сеткой морщин за меня старея
кожа желтеет темнеет и щеки впали
вы дорогие меня бы там не узнали
на этом портрете нет живого места без ссадин
я не понимаю за что он мне только был даден
мне в общем приятно быть молодой и красивой
за неоценимую помощь портрету спасибо
на этом портрете человек лет на 10 старше
и видно что пил он жизнь большими глотками из чаши
и видно что больше не пьется и в чаше трещина
на этом портрете бывалая но беззащитная женщина
мне жаль что нужно все время ее перевешивать
глубже прятать заматывать шторкою занавешивать
как только кто постучит и возникнет у двери
но я просто так не могу ее вам доверить
мне и самой ее видеть порой нет силы
такой диссонанс между нами невыносимый
пока я кажусь семнадцатилетней и милой
и делаю вид что память свою отпустила
она выдыхает сигаретный дым устало звучно
оглядывает медленно комнату ей здесь скучно
прищуривается иронично смеется над говорящим
в сто раз честнее меня как бы юной ненастоящей
я не знаю сколько еще ее прятать получится
однажды на моих щеках она проступить научится

но до этих пор я не даю ей воли
такие правила и таковы наши роли

«...и одетому – мне никуда не деться
от проступающего, как пятно, – стыда». Д.Воденников
Всех своих ближних я добывала
как воин поцелуй заточенной в башне принцессы
борясь и иницируя каждое сообщение
ночной разговор бокал вина
всякое признание и объятие напоследок
все вырвано вымолено выплакано наболено
насильно привожу их к себе на кухню
усаживаю за стол умоляя
ну посидите со мною часочек
а чтобы не скучали я начинаю стриптиз:
раз – и нет верхнего слоя кожи
два – срываю коросту со старой раны
три – из раны хлещет моя изощренная откровенность
и вот я уже нагая нелепая не злая не добрая
дрожащая живая протягиваю руку
боясь обжечься в ожидании приговора
иногда такой ценой меня покупаю себе лучшие задушевные
разговоры,
но бывает и не по-моему
и тогда от стыда уже никуда не деться

а я все пишу тебе мысленный мессидж
перебираю слова подбираю тему
но пока тут все за и против взвесишь
собеседник уже покидает систему
мессидж снова unsend – все напрасный труд
проклинаю свою нерасторопность

собеседник мелькает в сети 5 минут
но у текста меньшая срока годности
мой текст скоропортящийся продукт
его стоит читать с жару да с пылу
пока я не решаюсь часы идут
все нелепей что я наговорила
проверяю время по минутам в сети –
сколько их назад собеседник был рядом
разошлись опять разминулись пути
социальная сеть становится адом
социальная сеть становится счастьем
собеседник онлайн я пишу привет
собираю текста куски да части
не рискну послать – мессидж снова unsent
да и что написать за давностью дела
лучше сесть на поезд да был бы повод
что я собственно вообще хотела
хоть один бы рациональный довод
может ты приедешь в мой серый город
неотправленный текст выходит мигренью
ну придумай какой идиотский повод
все же твой черед на преодоление
ну не все же мне сокращать дистанцию
я устала жить в этой главной роли
прибывать в аэропорты ж/д станции
авто-черто-вокзалы и метрополии
я хочу хоть однажды прийти на вокзал
в 5 утра в 7 утра или в два часа ночи
чтобы поезд ко мне с тобой прибывал
чтобы повод был железный и прочный
чтобы мне обнять тебя повод был
и как бьется сердце твое послушать
чтобы выпустить наконец свой пыл
и чтоб день с тобой был бы этот лучший
...я сажусь опять не писать письмо

проверять интернет и твой чертов статус
терebить заусенцы смотреть в окно
вместо сердца слышно шумит мой asus

когда синица осмеливается взять с ладони корм
когда ресницы и волосы покрываются белым инеем
когда по колено снега и дорога спускается к навесному мосту
а храм с «монастырской воды» оказывается старым и рых-
лым

когда новый год въезжает по железной дороге
а шампанское разливается по пластиковым стаканам
когда вычерчиваешь имя сапогами на замершем озере
и так трудно найти предлог чтобы взяться за руки
когда музыка яна тирсена озаряет хрустальностью комнату
где избыток нежности пересиливает недостаток сна
когда...

когда так и не поняты и не до конца не понятно
и всего пять часов ночи до отъезда

когда недосказанность раздаётся болью в области затылка
да и вся сказка разворачивается с хеппиэнда до самых труд-
ностей

когда снег проливается талой водой по щекам и по векам
и не хватает душевных сил спокойно выпить чашечку кофе
тогда по закону жанра наступают привычные будни
последнее письмо под кодовым словом «прости» и дальше
по тексту

и типичный для января кисловатый привкус во рту и сухость
и мишуру собираешь в коробку и в кино в одиночку только
бы не...

достаю телефон посмотреть время и о времени забываю
вроде бы показало 13.10 не в мою пользу

твоё как живешь ставит в тупик ну как-то ведь выживаю
плоды принесли деревья непосаженные весной
осень странное время года с таким сильным
звуком «с» и ещё взросленьем
сочными красками с черно-серым подтекстом
и яблоками под ногами – этой осенью урожайно
сбывается все что хотелось когда-то и уже не хочется
остаётся снова уточнить время дописать строфу
читать тебе стихи не рискуя спросить
за что мне этой осенью твои влюбленные
кошачьи глаза остаётся выйти на улицу
лицом к лицу к моей мудрой осени
сесть в автобус прислониться лбом к стеклу
насвистывать осенний звук не скрывая слезы
мне остается осень

Катя!
(нараспев, восклицательно)
Ну вот просто хочется пла-кать
плакать
Залить эту планету напрочь
(Что за мысли глядя на ночь?)
Даже не так...
Предаваться всем существом
отчаянию
на перекрестке
города случайного
Пока уличный музыкант заводит пятый раз подряд
раздирающее танго
из «Запаха женщины» (Он вообще хоть что-нибудь еще уме-
ет?)
черт знает что мне мерещится
Кажется содрала кожу подчистую всюнарощенную
за пять лет

Весь лелеянный здравый смысл превращается в нервный бред
Несусь с горы настолько на полном ходу что тормозить уже поздно аварии не избежать
вляпаюсь в лужу вмажусь в стену собыю кого-нибудь с ног
Есть подозрение кого
Некоторые объятия чреватые
Перехожу на ты
Перехожу черту
Не ту, не ту, не ту, не ту!
Стоп-стоп остыть
Эмоциональные качели
набрали наибольшую амплитуду
Баланс утрачен
Кать, я больше не буду!
Возьми меня за руку
Я удержу истерику
Уступлю прохожему путь
как-нибудь как-нибудь
как-нибудь...

я нашла город в котором все мое
турецкие узкие улочки белая каменная дорога
дорога в истамбул уходящая куда-то в скрытые туманом горы
дворец окруженный горами тонущими в тумане
туман накрывает город аэропорт снова закрыт
значит я могу здесь остаться пока задерживается рейс
туман будь моим союзником не разреши им меня отсюда увозить
я еще пройду по этим улицам где восток переходит в запад
где неожиданно турция граничит с австрией
где безумный запах кофе кофе в этом воздухе воздух в этом городе из кофе

латинский мост напомнит об истории бедный франц и его софья
пролили кровь кровь разлилась тут у латинского моста здесь
– не самое плохое место умереть
не самый плохой старт для войны перекроившей европу
44 месяца осады сербами я бы тоже не уехала погибать так
в сараево
я привезу тебя в сараево здесь плакать на этих улицах одной
невыносимо
плакать в тумене на боснийских холмах вместе
в сараево чтобы все стало этим туманом

Ничего страшного
у каждого свой замкнутый круг
Пока ты рисуешь очередную картину все с тем же набором
предметов
и рыжеволосой женщиной без лица
Я перебираю страны
уже явно поняв что дома не существует
или жеон состоит из московских улиц и их названий
варшавских гуляний затемно киевской домашней кухни
питерских дворики и проспектов
берлинской космополитичности
белградского радушия нью-йорской анонимности сараев-
ской эклектики
И еще каких-то других ингредиентов которые мне не известны
В любом случае собирать дом по частям по свету то еще за-
нятие
Такое же странное как сбор себя по совпадениям с другими
За четыре года удалось ли совпасть с тобой хоть единожды?
Я не узнаю ничего на твоей картине
Ни женщину ни шахматную доску – по-моему ты себе льстишь
насчёт шахмат
Ни одного хода с твоей стороны еще не было

Твоя монотонность как абсолютная антитеза моему многоцветию

Ни один цвет не совпадает

География не совпадает

В городе где ты живешь нет черт моего дома

Остается признать поражение

Я не вытащила тебя

Моя откровенность осталась не оплаченной

Я так и не узнаю о чем твои картины

и обретет ли рыжеволосая женщина лицо

А ты не увидишь дом который я когда-нибудь соберу

Ничего страшного

давай так я приеду в твой город а ты

ничего мне не говори

у метро на какой-нибудь ветке меня забери

у метро где серьёзный людской поток

и такой красивый массивный сталинский потолок

пускай там люди напирают со всех сторон

я как обычно пересчитаю ворон

я растеряюсь в потоке между теми людьми

а ты как-нибудь просто найди меня и обними

пусть будет замедленный кадр в моем кино

все так как я намечтала себе давно

я с силой как только смогу обхвачу твой стан

как будто с тобой одним телом стараюсь стать

через плечо посмотрю на люстру наискосок

почудится мне что валится сталинский потолок

и на мгновение я зажмурую глаза

а потом уж можно положенное сказать

и с приездом и что не виделись мы давно

и хотя будет сердце биться бешено все равно

я наберу воздуха полный живот

я возьму тебя под руку и вот-вот
постараюсь успокоить свой пульс пока
твой локоть сжимает моя рука
я с тобой восторженная кардиограмма
столько лет продолжается эта драма
я опять постараюсь себя не выдать
держат под контролем вдох и выдох
по крайней мере до прощания когда ты
отстранишься завершая объятие
и мне тебя снова не хватит
все никак не закончится этот текст
и какой тут может быть конец
когда я опять и опять это читаю
пусть здесь просто стоит запятая

всё по кругу, и я устаю в потолок
дни-недели сворачиваются в одну точку
в моих письмах надуманный диалог
ни одно не отправлено было почтой

собеседник меняется суть всё та
как зимой в этом городе грязь по колено
пробки сопки и всё не в такт
перемены отсутствуют непременно

этот город живёт ну а что б он мог
когда ты уедешь он не заметит
это у тебя тут может культурный шок
а ему без разницы всё на свете

засыпается снова мне грязь в сапог
город выдыхает в лицо, за шиворот
язимойстрадательныйзалог
и весна цветёт глубоко навыворот

владиво-сток наших культур здесь стык
но размыл едва ль вековую завесу
никогда не выучу твой язык
да и русский тоже не легковесный

прибавляет прелесть визы срок
моему восточному кавалеру
когда он уедет я дам зарок
не иметь дел с языковым барьером

а весна такая внутри нон-стоп
в его жилах точно кровь самурая
а при таких данных не нужно слов
я и так всё знаю наперед знаю

Солдатенко Александр

Поэт, музыкант, переводчик. В 2016 году в Варшаве вместе с Софи Тумановой основал «Гильдию поэтов в эмиграции». Публиковался в газете белорусской диаспоры в Нью-Йорке «Беларус», в минском ежемесячнике «Маладосць» и в московском альманахе «Литературные знакомства». В 2018 году стал региональным куратором международного фестиваля «Всемирный день поэзии» в Варшаве. Участник и организатор нескольких музыкальных проектов.

Так многа ўжо мінула часу,
калі яе не бачыў я.
Над ёй ляжыць магутны насып,
і забыццё – яе турма.
Бы звар’яцелы летуценнік
блукаю ля яе ўначы,
шукаю дзіўныя праменні,
што замігцяць праз камяні,
шукаю след, які згубіўся
у стужцы часу – ўсё дарма...
Але ў начы ліхтар свяціўся,
і да яго пакрочыў я.
Там, на дарозе, сярод пылу,
ў святле дрыготкім ліхтара
я на паперцы бачу: “Мілы,
цябе кахаю. Я твая”.

СОННЫ КРАЙ

Па-над зямлёю, па начных угоддзях
лунаюць зоры ў дзіўным карагодзе,
блукаюць зоры па-над краем сонным,
глядзяць у вокны хатам незнаёмым.

Ці боль сардэчны, ці журба, ці гора
у хатах гэтых бродзяць па пакоях,
вісяць на стрэхах, па кутах паселі,
і ціха так гайдаюцца арэлі.

Здаецца, ўчора, а быць можа, сёння
нібыта страцілі мы ўсе прытомнасць,
забылі мову, карані забылі,
і полымя ў грудзях даўно астыла.

НА БАЛКОНЕ Ў НАЧЫ

На балконе на Празе варшаўскай
далёка за поўнач.
Дымець цыгарэтай,
углядацца ў агні ды напраткі,
моўчкі думаць, трызніць,
нібы лета
грукае ў дзверы
і кліча
пранізлівым шэптам тваіх валасоў,
нібы рукі замест агароджы балкона
сціскаюць тваю далонь,
нібы сёння, не заўтра,
ні праз тыдзень ці, можа, праз месяц
сустрэнемся зноў.

І ціха.
Ты ведаеш, ціха, павольна
ліецца каханне
з паветрам у кроў.

Варшава, 31 кастрычніка 2013

ДАРУЙ

Даруй мне, што я вырас ідыётам,
даруй мне, што я слова не трымаў,
што дурасцю прыкрыўся, бы намётам,
тваіх хваробаў сэрца не ўспрымаў.

Блукаючы сярод чужых кастрышчаў,
я ў попеле шукаю вагулёк,
каб зноў палала полымя, што знішчыў,
каб ў сэрцы струмяніўся галасок.

Дарма бягу ад восеньскага спліну:
ад праўды, ад сябе – не уцячы.
І вецер, як заўжды, халодзіць спіну,
і подых твой мне мроіцца ўначы.

Варшава, 25 траўня 2014

СЬВЕТЛЫ ПАКОЙ

Я ціхенька грукаю ў дзвёрцы твае.
З надзеяй у сэрцы,
з тугой на ілбе
крадуся праз цёмныя сенцы

сумневаў тваіх.

У празрыстай журбе,
акрылены дзіўнаю мрояй,
нібыта ў трызьненьні, а мо – сапраўды
блукаю па сьветлых пакоях.

Знарок пакідаю на сьценах сьляды:

то фота без рамкі,

то звон пустаты.

І раптам раздвінуў фіранкі

над ложкам тваім.

А ў ім была ты,

пакутна-далёкая мроя.

Хоць ценом, хоць гукам, але – назаўжды

застануся ў гэтым пакоі.

Варшава, 19 лістапада 2014

Дзе тое мейсца? Ці мне скажа хто?

Быць можа, у кішэні ў кагосьці ў паліто.

Дзе-небудзь там, дзе не знайдзе ніхто.

Дзе прыпыніцца? Ці мне скажа хто?

Пабачыў і краіны, і людзей,

ды й бачыў я і мейсцы, дзе крыху цяплей,

спазнаў каханьне, шум і смех гасцей,

я быў дзіцём, тады было прасцей.

А зараз боўдзяюся ў чатырох кутах,

з дзюравым сэрцам, з пустатой ў вачах,

шукаю мейсца, дзе гуляў у снах,

іду па колу па сваіх слядах.

Варшава, 11 траўня 2015

НОВЫ ПАЭТ

а што калі згасла ў самоце натхненне
хто будзе пісаць свае вершы ў шуфлядку
блукаць у начы ў палоне трызнення
ўспрымаць рэчаіснасць нібыта загадку

каму давядзецца адчуць ды ўвасобіць
нязграбныя думкі ды кволыя твары
агучыць назваць ды прыгожа аздобіць
шматлікіх выяў незлічоныя хмары

у новых пакутліва створаных вершах
дзе смак меланхоліі распачы гневу
дзе новы паэт не апошні не першы
са змрочным вусцішным пранізлівым спевам

СВЯТАЯ КАРУСЕЛЬ

Недзе за плотам анёлы і д'яблы
разам гулялі ў хакей на траве.
Што было потым: нехта з'еў яблык
ды не прызнаўся. Пушча раве,
хаты хістаюцца, бы звар'яцелі,
людзі мардуюць адзін аднаго:
круцяцца колы святой каруселі.
Дзеся каго? Дзеся чаго?

Варшава, 7 жніўня 2017

КОНЕЦ ЛЕТА

Неприветливое лето на исходе,
сплошь дождливое, скупое на тепло.
Настроенье, как одежда, по погоде,
а на вкус, как забродившее мерло.

Вот, фонарь в окне, кустами обрамлѐнный.
В их ветвях он, как приглушенный ночник:
в тусклом свете расплываются колонны
и бездонной глоткой кажется тупик.

Листья по ветру шуршат на берег Вислы,
оставляя Скарышевский парк пустым.
С ними медленно скользят и тают мысли,
превращаясь на заре в туман и дым.

Варшава, 9 августа 2017

МОЁ ГЕТТО

Моё гетто во дворах забытых зданий,
за решётками пустующих витрин,
заколоченными смотрятся глазами
в зеркала давно оставленных машин.
Моё гетто вдоль отцепленных вагонов,
на поросших сорняком кривых путях,
склад бутылок из строительных поддонов
за калиткой, чуть прикрытой второпях.
Моё гетто без границ и вне доменов,
не привязано к прописке и IP.

Моё гетто, мой урчащий жуткий демон
на покрытой бурой ржавчиной цепи.

Варшава, 15 августа 2017

В ПОЕЗДЕ

Девушка напротив, в вас живёт улыбка.
В волосы, должно быть, вы вплели закат.
Может, я вас видел где-то на открытке:
длинные ресницы и лукавый взгляд.

Хочется спросить вас, кто вы, и откуда,
и куда спешите. Вас ведь кто-то ждёт?
Я сейчас считаю каждую минуту:
вы сойдёте скоро, знаю наперёд.

Вы сошли под вечер, не заметив даже
лиц людей вокруг вас. А казалось бы,
сложно не заметить – эх, да что тут скажешь –
глаз, в глубинах которых отразились вы.

Варшава, 31 января 2018

НЕБО НАД ВАРШАВОЙ

Снова пасмурное небо над Варшавой
точит когти о вершины небоскрёбов.
Смог осел повсюду медленной отравой,
сверлит язву в стенах каменной утробы.

Что готовит мне продрогший серый город,
утонувший в терпком запахе кебаба?
Он, накачанный спидами, льёт за ворот
от зари и до зари в пивных и пабах.

Ветер давит горло цепкими клешнями,
надоедливый и злой, шершавый, ржавый.
И скребётся в окна острыми когтями
моё пасмурное небо над Варшавой.

Варшава, 17 марта 2018

НОВЫЙ ДЕНЬ

Езжай ночным трамваем
за город,
за грани,
в кольцо неузнаваемых
явлений,
названий.

Прочти чужой сценарий
своими
словами.
Покинь сухой террариум
большими
шагами.

Пиши стихи, танцуя
хоть в лифте,
хоть в душе.

Пусть новый день рисуется
чуть ярче,
чуть лучше.

Варшава, 25 июня 2017

НИЩЕБРОД

В голове лейтмотивом звучит:
«Деньги! Прибыль! Пассивный доход!»
Ты пять лет просадил на иврит,
полиглот и поэт, нищоброд.

Сотрясаешь, как можешь, эфир,
сублимируешь в творчество, спишь
в пыльной серости съёмных квартир
и бармену гундишь за Париж.

В «Бургер Кинге» по десять часов
(неврастению можно схватить)
наработаешься – будь здоров:
так, что некогда, не на что жить.

И на исповедь не с чем идти:
там от скуки помрёт даже поп.
На твоём сплошь унылом пути
ничего не найти. Пулю в лоб

ты не можешь пустить, не та масть,
лучше сдохнуть за выслугой лет.
Ты с прибором на всё готов класть,
нищоброд и немного поэт.

Варшава, 11 мая 2017

ПИСЬМО К Н.Л.

С тобою мы не виделись шесть лет.
И вроде не беда. А всё же много.
Твой неуравновешенный поэт
никак не обретёт свою дорогу.

Соскучился? Конечно, как же нет.
Мне не хватает нашей старой крыши.
Я помню наш с тобой смешной обет
и музыку, что от тебя слышал.

Мне помнятся прогулки до утра,
цвет сумерек и пряный запах лета,
которое с тобою мы потра-
тили на кофе, разговоры, сигареты.

Столь головокружительный прыжок
успело незаметно сделать время.
Вот следующий близится виток,
а с ним тревога: выдержит ли стремя?

Мой милый друг, ещё не вышел срок,
и нам ещё кутить напропалую.
Читай по строчкам.
Лучше – между строк.
На этом всё.
Пиши.
Люблю.
Целую.

Варшава, 19 июля 2017

ЯНА

Яна всё курит упрямо
и матерится безбожно,
глядит исподлобья Яна
пристально и осторожно.
С собою у Яны гитара,
дома же Яну ждёт кот.
Имеются также раны,
и кот её скоро умрёт.
Яна всем кажется милой,
Яна прекрасно поёт.
Только поёт через силу.
Улыбкой искривленный рот
роняет слова и окурки,
а пальцы танцуют в гитару.
Яна живёт в переулках
и стала сварливой и старой.
Яна играет романсы
на камне у старого замка,
у Яны совсем нет финансов,
ей надо держать себя в рамках.

Яна всех матом ругает
и песни надрывно поёт.
Яну тоска разрывает:
вчера у неё умер кот.

Варшава, 8 августа 2016

ПРОКРАСТИНАЦИЯ

Утро пятницы второе за неделю,
если ночью на субботу не заснуть.
Светит солнце, мысли шепчут еле-еле
о каком-то неотложном, срочном деле.
Перетерпит до обеда как-нибудь.

Я пишу эти страницы в воскресенье,
понедельник уже пляшет на носу.
Время тает, разбивается мгновенье,
рассыпаются осколки на сиденье.
За него не отдадут и пары су.

Вторник в среду выливается лениво,
расплескавшись кляксой по календарю.
В среду каждая секунда пахнет пивом,
ускользая от меня неторопливо.
Дело тянется сонливо к январю.

В четверг утром просыпаюсь еле-еле
в настроении «быстрее бы заснуть».
Мимо катятся неделя за неделей.
Что же это я, на самом деле.
Перебьюсь, перетерплю уж как-нибудь.

Варшава, 29 ноября 2016

У НАС С ТОБОЮ БУДУЩЕГО НЕТ

для Ю.

У нас с тобою будущего нет,
и мы не говорим о настоящем.
Мы трепетно лелеем полусвет
той полуправды, что считаем счастьем.

Нас сковывает времени браслет,
причудливо повисший на запястьях.
Мы прячемся за изгородью лет,
сгораем в бурном пламени пристрастия.

Пытаемся вернуть прошедший миг,
в обрывках снов нам видится знаменье,
дрожат над строчкой руки, рвётся крик:
замри, остановись, вернись, мгновенье!

Нам прошлое, что крепкий алкоголь:
пьянит и сушит по колено море.
Но в сердце отбивает ритмы боль,
звучит меланхолично в ля-миноре.

Варшава, 3 декабря 2015

АМСТЕРДАМ

Есть город, утонувший в океане,
есть город-призрак,
и в нём сквозь призму
прочитанной когда-то в детстве сказки
на карнавале лиц мелькают вихрем краски,
теряясь утром в солнечном тумане.

Есть город, где упали в реку крыши,
двуликий город,
в нём мир расколот.
На гранях зданий из стекла и стали
мерещатся цветные попугаи.
Здесь даже камни под ногами дышат.

Здесь чувствуешь себя как приведенье,
бредёшь кругами
между домами,
никто тебя не видит и не слышит,
ведёшь себя чуть понаглее мыши.
В ушах звенит восторженное пенье.

Есть город, убегающий от взгляда.
Здесь пахнут звуки.
Танцуют руки
продавца марихуаны.
В воде мелькают города и страны,
стекают каплями по стенам и оградкам.

Варшава, 27 апреля 2012

Жанна Хабанова

если день будет грустным –
пожалуйста, не грусти.
сильным людям и в боли свойственно улыбаться.
если что-то теряется –
значит, чтоб обрести.
если что-то закончилось –
значит, чтобы начаться.

если день будет грустным –
помни, не забывай:
очень мало найдется тех, кто оценит свет.
и поэтому свой –
осторожнее раздавай.
по возможности реже
злились и груби в ответ.

если день будет грустным –
вспомни, что где-то есть
человек, пусть он даже не рядом и далеко,
для которого ты – это ты.
настоящий. Весь.
до сих пор, хоть и было
достаточно нелегко.

если день будет грустным –
в дождь ли, туман ли, град
ты подумай о нем или просто ему напиши.
а он будет тебе, как всегда,
безнадежно рад.
по-другому не выйдет:
сердцем уже пришит.

если день будет грустным –
просто представь, что я
в темном небе ищу загоревшуюся звезду.
и пока, заведенная,
вертится наша Земля –
возвращайся. и помни:
я тебя очень жду.

бывает, что сердце сжимает до боли какая-то странная грусть.
и кажется, будто бы жизнь утекает сквозь пальцы, проно-
сится мимо...
ты думаешь:

«к черту, я больше не в силах. все кончено, право. сдаюсь»,

стирая с лица равнодушно остатки привычного яркого гри-
ма.

ни сил, ни желаний, ни планов на завтра – сбивающий с тол-
ку тупик.

точнее нельзя передать состоянье: внутри омерзительно пу-
сто.

так хочется снова ребёнком увидеть себя хоть на призрач-
ный миг,
чтоб вспомнить, какие ты встретил когда-то волшебные, чи-
стые чувства.

но время безжалостно вертит по кругу неспящие стрелки
часов,
пока ты устало глядишь пред собою на слишком знакомые
стены.

мечтами врываются мысли о море, свободе его парусов,
и следом за ними – бесшумные просьбы:

«о Господи, дай же мне веры.»

бывает, что сердце сжимает до боли какая-то странная
грусть.

и кажется, будто бы жизнь утекает сквозь пальцы, проно-
сится мимо...

но ты понимаешь, что нет вариантов.

«я все-таки здесь остаюсь» –

себе отвечаешь на сотни вопросов, нависших над небом не-
зримо.

счастье приходит тихо: с утренними лучами.
с каждой свободной птицей, рвущейся в высоту.
счастье приходит, только люди не замечают,
в жизни привыкнув видеть серость и суету.

счастье приходит тихо, не открывая двери.
с теплым весенним ветром.с воздухом перемен.
счастье приходит, только люди в него не верят,
в жизни привыкнув видеть сети сплошных проблем.

счастье приходит тихо: с летним прозрачным морем,
с добрым и долгим смехом. с небом из бирюзы.
счастье приходит, только люди о нем не помнят,
в жизни привыкнув видеть круговорот грозы.

счастье приходит тихо, еле касаясь кожи.
с преданным человеком.с тем, кого любишь ты.

счастье приходит, только люди не ждут, похоже,
в жизни привыкнув видеть сломанные мечты.

счастье приходит тихо: после беды, бывает,
словно в награду. счастьем жалко лишь одного:
только оно приходит – люди его теряют,
в жизни привыкнув видеть худшее из всего.

в один из зимних дней календаря,
когда, озябший, я спешил домой,
как будто воплощение февраля,
передо мной возник старик седой.
и без преград заглядывая вглубь
души моей, уставшей от печали,
он вдруг сказал:

«я чувствую, что тут
еще чуть-чуть, и мы совсем пропали.
послушай, я истратил столько лет,
чтоб быть кому-то тем, кем не являлся!
я уходил, а мне молчали вслед,
но кто-то через годы возвращался
к пустому сердцу, что уже любить
не то чтоб разучилось – не желало.
оно привыкло одиноким быть,
хотя ночами ребра обжигало.
бывало, мне перекрывали путь
из зависти, а может, чувства долга.
и оттого я слабо верил в суть,
в себе не находя для мира толка.
мне обещали что-то без конца,
обещанное сразу забывая.
из этого несчастного кольца,
мне думалось – ни выхода, ни края.

я сдаться был уверен и готов,
как грянуло простое осознание:
есть истины, не стоящие слов,
и много слов, не стоящих вниманья.
я смог усвоить жизненный урок,
открывший мне свободу и беспечность:
есть вещи, отбывающие срок,
и вещи, проникающие в вечность».

а я в ответ бессовестно молчал,
не зная, кто такой он и откуда.
старик невозмутимо продолжал,
пока с душой происходило чудо:

«сын, ты очень на меня похож,
я потерял тогда ученья жажду.
есть правда, от которой не уйдешь,
и ложь, которой убивают правду.
не отступай – и правду обретешь,
всю боль в далекий ящик отложив.
есть то сейчас, в котором ты живешь,
и то, в котором ты уже не жив».

блеснула вспышка, и старик пропал.
не понимая, что со мной случилось,
я сделал вывод: видимо, устал,
наверное, все это мне приснилось.
но с той поры, судьбу благодаря,
я меньше стал по пустякам грустить:
есть мир, который исчерпал себя
и мир, который можно возродить.
и с той поры душе моей легко
не падать после взлетов слишком низко...

есть общий смысл, который далеко,
и личный смысл, всегда живущий близко.

истории о боли, предательстве и злости –
я рад бы позабыть их, как призрачный обман,
но память слишком часто заглядывает в гости,
а прошлое за мною все ходит по пятам.

я повидал немало и многому учился:
тогда уже не первый и не последний раз,
как только на вершине любой я очутился,
меня оттуда резко лицом бросало в грязь!

я верил всем без страха, имел смешную слабость
не мерять, не порочить и не делить людей.
но все, что, к сожаленью, за это мне досталось –
пустующее сердце да шрамы от ножей.

что ж, к этому привыкнув, я стал взрослей и строже:
по улицам вечерним мне побродить милей,
чем в обществе знакомых покой души тревожить.
но ключ найдя в кармане, я открываю дверь...

не видя расстояний, не чувствуя усталость,
я узнаю по новой, что значит быть собой.
все потому, что в жизни есть маленькая радость:

возможность возвращаться.

из прошлого – домой.

Митька, смотри:
мы взрослые, как хотели.
только давай по-честному: ты же рад?

так далеко, казалось, ещё до цели,
после которой не повернуть назад.

Митька, смотри:
мы взрослые, как мечтали.
только какой-то грустный вокруг народ.
все-таки жалко, Митька, что мы не знали –
взрослый мечтает точно наоборот

Митька, смотри:
мы взрослые, мы большие.
слишком жестокой стала теперь игра.
Митька, скажи, с чего мы с тобой решили,
что попрощаться с детством уже пора?

Митька, смотри:
мы взрослые, все закончилось.
зря торопились финиша резать нить.
разве нормально, Митька, что мне не хочется
думать о будущем или серьезным быть?

Митька, смотри:
мы взрослые. почему-то
это звучит, как жизненный приговор.
помнишь, как мы считали с тобой минуты
до перемены, чтобы бежать во двор?

Митька, смотри:
мы взрослые, но качелями
видится мир, взлетающий к облакам.
Митька, скажи, зачем мы с тобой поверили
с детством не подружившимся дуракам?

Митька, смотри:
мы взрослые, как хотели.

только давай по-честному, не молчи.
ты обманул ведь, Митька, что мы сумеем
вместе от вечности изобрести ключи?

Митька, смотри:
мы взрослые, как мечтали.
перегорели взорванные мосты.

все-таки жалко, Митька, что мы не знали,
сколько здесь боли, грязи и пустоты.

тепло стучится в окна: давай, зима, до скорой!
(но с возвращеньем можешь немного подождать).
когда разбили сердце –
сложи его по новой
назло своей печали, чтоб самым сильным стать!

как ни крути, без горя вся жизнь была б ошибкой –
потери учат больше ценить моменты дней.
когда тебя бросают –
пускай, уйди с улыбкой
назло слезам и боли, чтоб быть еще мудрей!

и света нет без мрака, нет истины без фальши,
мотает беспощадно нас жизни карусель.
когда подводят силы –
сбеги от всех подальше
назло похожим будням, чтоб снова видеть цель!

для внутреннего счастья трудиться нужно много:
оно не возникает, увы, из ничего.
когда исход неясен –
иди любой дорогой
назло сомненьям, чтобы добиться своего!

не поддавайся, если от сложностей устанешь:
дается «просто» только из мышеловки сыр.
когда все плохо – помни:

ты сам всегда решаешь,
каким сегодня будет твой очень разный мир.

мне ветер февральский щекочет ресницами кожу.

«прохожий, скажите,
какое сегодня число? постойте,
я вижу, как что-то вас сильно тревожит!»,

но прячет прохожий в приподнятый ворот лицо.

ну что же, спрошу у другого:

«прохожий, простите,
какой день недели сегодня?
постойте! у вас
душевная рана в особо запущенном виде!»,

но прячет прохожий от взгляда истории глаз.

попробую, все-таки, снова:

«постойте, прохожий!
который, скажите, на улице нынче часок?
покурим минуту!
быть может, мы с вами похожи?»,

но прячет прохожий мой голос за топотом ног.

мне ветер февральский щекочет ресницами кожу.
а что за число или время – не важно ничуть:

я
вижу вселенную целую в каждом прохожем,

но внутрь моей –
никогда не спешат заглянуть.

я стою на перекрёстке (к прошлому спиной)
и не знаю, что мне делать – как теперь идти?
в голове предельно пусто – мысли ни одной
где искать следы родного, верного пути!

без маршрутов, карт и гидов мне не обойтись:
по бокам – песок пустыни, впереди – мираж.
хорошо, что перед тем, как с прошлым разойтись
навсегда я в нем оставил свой (пустой) багаж!

солнце мне лизнуло кожу. я воскликнул вдруг:
«ведь бывает, что не нужно в жизни выбирать!
нужно просто помнить сердцем:
жизнь – твой главный друг
и уметь её, люблю, заново принять.»

перед неизвестностью растворился страх,
я в себе нашёл шутящий над судьбою смех!
как я сразу не подумал? очевиден факт:
если я свободен, значит, мне дорога – вверх.

не уходи.

не оставляй мне дождь –
скупые слёзы плачущего неба.
мой самолёт умчится скоро прочь,
как будто никогда внизу и не был,

аэропорта яркие огни
растаят под кудрявым покрывалом.
и вот мы снова – вместе, но одни,
разбросанные судьбами по странам.

и снова друг от друга далеки,
разбросанные между взлётных полос.
теперь взамен тепла твоей руки
смогу я только слышать грустный голос.

пилот объявит, что за высота,
погоду, время в месте назначенья.
растущая под сердцем пустота
никак не поменяет положенья,

и я начну писать тебе письмо,
чтоб подарить когда-нибудь при встрече,
смотря на краски вечности в окно
и думая, как ты проводишь вечер...

не уходи.

мы можем помолчать
ещё чуть-чуть. о чем-то очень важном:

о том, что никогда не улетать
нам, может, посчастливится однажды.

не смотри на меня с укором...

на душе без того зима.
осторожно спустившись с неба,
снег ложится на наши плечи.

я привыкла не верить в сказки
и справляться со всем сама.
чтобы все рассказать о боли,
нужно больше обычной встречи.

не смотри на меня с укором,
не держи никаких обид.
жизнь учила меня поглубже
ото всех свои прятать чувства,

чтоб казаться неуязвимой.
оттого я могу на вид
быть счастливей других, пусть даже
тяжело, одиноко, грустно.

не смотри на меня с укором,
не ругай за холодный взгляд.
слишком мало лекарств, что могут
растопить этот лёд у сердца.

я привыкла к тому, что столько
одинаковых лет подряд
в нем не пламя любви растущей,

а все больше пустого места.

запомни это утро:
ладони ловят капли,
бегущие по окнам, как узкие ручьи.

ты вряд ли здесь надолго
и счастлив – очень вряд ли.

мы с самого начала и до конца – ничьи.
блуждаем городами, не думая о главном,
в них каждый чем-то болен и в чем-то уязвим.
и что б ни говорили, устроены мы странно:
нам сложно быть с другими и тяжело – одним.

запомни это утро:
под небом вьются птицы –
мы так на них похожи (свободные от тел).

как часто тот, кто умер тебе ночами снится?
как много ты при жизни ему сказать успел
из нужного, важнее чего не остается
ни дел, ни обещаний, ни миллиардов слов?..
не оттого ли вера непоправимо рвется
до пониманья:
«пусто. я ко всему готов»?

покуда стынет кофе, и догорают свечи –
по окнам льется осень.
не двигайся. смотри.

запомни это утро
и сохрани навечно,
как отпечаток мира, живущего внутри.

мой скорый поезд мчится за призрачной мечтой,
которую давно я потерял из виду.
скажи мне, отчего
я болен пустотой,
и на кого во мне накоплена обида?

проносятся долины, лишённые границ,
и пятнами вдали скрываются цветными.
скажи мне, почему
я знаю сотни лиц,
которых никогда не назову родными?

над миром – облака: пушисты и легки...
взлететь бы ввысь и вниз уже не возвращаться.
скажи мне, чем лечить
сознание от тоски
по прошлому, что с ним не хочет попрощаться?

так странно понимать: я сам себе не друг.
и сколько бы ни жил – находятся сомненья.
скажи мне, для чего
я бегаю вокруг
одних и тех же стен, не находя решенья?

я потерял почти способность воскресать,
но где-то глубоко еще надежда дышит.
скажи мне, отчего?..
а впрочем, наплевать.
я знал всегда, что здесь
меня никто не слышит.

нет ничего важнее, чем просыпаться, зная –
если придут морозы, ты не замерзнешь в стужу.
скажет тебе, кто рядом, солнечно согревая:
«знаешь, что значит счастье?
если кому-то нужен.»

нет ничего важнее, чем, уходя с работы,
знать, что когда, уставший, ты, наконец, придешь –
скажет тебе, кто рядом, полный родной заботы:
«знаешь, что значит счастье?
если кого-то ждешь.»

нет ничего важнее, чем, когда жизнь напомнит –
мало таких, с кем горе напололам разделишь,
скажет тебе, кто рядом и пустоту заполнит:
«знаешь, что значит счастье?
если кому-то веришь.»

нет ничего важнее, чем, когда газ откажет –
знать, что всегда есть выход даже из темноты,
если с тобою рядом тот, кто сейчас же скажет:
«знаешь, что значит счастье?
если со мною – ты.»

я приехала к морю, чтобы его спросить:
«что со мною не так? пожалуйста, расскажи.
знаешь, море, мне стало душно и тяжело жить,
будто мир растворился и утонул во лжи.

море, дай же понять – зачем мне мои года?
и на что их потратить прежде, чем умирать?
знаешь, будто бы мир уносится в никуда,
а во мне не хватает силы его догнать.

что со мною не так? пожалуйста, не молчи.
если выхода нет – я выдержу и приму.
мне казалось, ко всем дверям раздают ключи,
только, видимо, пропустили меня одну».

но молчало в ответ мне море на этот раз,
невесомой волною слизывая песок...

каждый знает ответ:
среди миллиардов нас
нет, увы, никого, кто был бы не одинок.

морские волны смело бросаются на скалы,
почти не вспоминая, как выглядит покой.
казалось, так недавно мне места было мало
в пространстве, до отказа наполненном тобой.

теперь же – неизвестно, куда ведет дорога,
которую ты бросил. возможно, в никуда.
признаюсь: я просила и Бога, и не Бога,
чтоб больше не услышать твой голос никогда.

и вряд ли ты вернешься.я разучилась верить.
и ждать я разучилась, и в дом других впускать.
ты все хотел серьезность моей любви проверить,
так знай – она способна все чувства убивать.

казалось, так недавно нас было только двое
на сказочной планете, где вечная весна.
теперь же я вдыхаю соленый запах моря –
спасение от боли в любые времена,

любуюсь горизонтом, отмеченным восходом,
планируя с улыбкой свой следующий билет.

и ощущаю: бьется внутри меня свобода,
стирая понемногу несчастья прошлых лет.

казалось, так недавно мне места было мало
в пространстве, до отказа наполненном тобой.
но этим утром ранним, у старого причала,
мне сердце прошептало о том, что
ты – чужой.

сколько б ни было между нами бесчисленных верст –
я с тобой и смеюсь, и плачу, и засыпаю.
расстояние всех заставляет ходить по краю,
но во мне никогда не собрать твоих ярких звезд.

сколько б ни было между нами бесчисленных миль –
я делю с тобой каждую радость и невезенье.
расстояние всех заставляет искать сомненья,
но во мне вместо них поселился спокойствия штиль.

сколько б ни было между нами бесчисленных стран-
я тебе обещаю ждать до конца и дольше.
расстояние всех заставляет не верить больше,
но разрушить способно только слепой обман.

сколько б ни было между нами бесчисленных дней-
я всегда буду твердым плечом и я буду рядом.
расстояние часто любовь обращает ядом,
но способно разжечь ее в тысячи раз сильней.

проходи и садись не слушай,
что я буду тебе рассказывать.
накопилось довольно много –
мы не виделись лет так сто!

(только очень прошу, не мучай
и молю тебя, не указывай
на места, где хранится строго
все, что кончилось и прошло.)
подойди хоть немного ближе,
улыбнись мне своей улыбкой,
столь же светлой и необъятной,
как те тысячи лет назад!
(я надеюсь, что ты не видишь,
как сознание терзает в пытке
позабытый мной голос ватный
и единственные глаза.)
ты чуть-чуть изменился, словно
стал серьезнее и задумчивей.
мне, быть может, неверно кажется,
но славнее и красивей!
(сердце, слышишь, стучит неровно,
выдавая меня по случаю?
не узнай, как теперь мне нравится
все в тебе, но еще сильнее!)
поделись и бедой, и радостью,
всем, что болью давно тревожит.
я попробую успокоить.
для чего же нужны...друзья?!
(не касайся меня, пожалуйста,
ты ведь знаешь – уже не сможем
нашу жизнь до конца достроить
из того, что вернуть нельзя!)
да, конечно, беги на встречу,
некрасиво всегда опаздывать.
береги себя. к слову, очень
бирюзовый тебе идет!
(я подумала, этот вечер
нужно будет потом отпраздновать.
помнишь, ты опоздал на осень?

на полгода? на целый год?)
но, послушай – когда захочешь,
будь то ночью и час двенадцатый,
или станет тоскливо утром –
собирайся и приходи!
(только если вернешься – больше
я прошу, дорогой, не спрашивай,
почему с той поры как будто
вечный лед у меня в груди.)

не смотри мне в глаза, в них таится одна печаль.
хочешь, я обниму тебя крепко и так останусь?
что бы ни было дальше – мне ничего не жаль.
вот и ты обещаешь. накопленная усталость

не дает трезво мыслить. полночь пробьют часы
через десять минут, тишину разрывая в клочья.
я привыкла к тому, как отчаянно воют псы.
если б можно, завывала с ними молитву волчьей.

может, кто-то б услышал и дал мне небесный знак,
для чего мы до боли друг друга к себе приручили.
я стараюсь, но бьюсь о стены, чтоб было так,
как все близкие и чужие меня учили:

каждый день – просветление, новый урок, наука.
только выучить все – не хватит, пожалуй, века.
я не знаю любви.

оттого, что сложнейшая штука –
поместить целый мир навсегда в одного человека.

милая Сьюзен, в городе Н. – зима с плюсом, дождями – так не хватает снега. честно признаться – можно сойти с ума от суматохи предновогодней, бега по магазинам, улицам, площадям: до катастрофы здесь остается мало. я представляю, как все иначе «там»... Сьюзен, ну как ты? все хорошо? устала? может, приедешь? выкроишь хоть часок? я так скучаю, Сьюзен... но не об этом.

знаешь, меня повысят, и даже в срок! скоро из окон я рассмотрю Манхэттен, скоро мои работы увидят свет – в общем-то, все неплохо, и я доволен. но поразмысли, как бы достать билет – я без тебя тоскою какой-то болен. я не привык так, видишь ли, без тебя...

просто пиши хотя бы чуть-чуть почаще. может быть, все и к лучшему, и не зря. ты обретешь, я верю, большое счастье и привезешь частичку его сюда, чтобы в который раз улететь за новым. Сьюзен, запомни: я тебя жду всегда. в баре, за столиком нашим, таким знакомым, снова готов до встречи считать часы, сотни огромных птиц провожая взглядом (и вместе с ними – крылья моей мечты: в ней ты вернулась и засыпала рядом).

ты бы сейчас сказала, что я достал. кстати, ходил недавно на фильм недели! после сеанса вечер уже не сам (можешь гордиться!) я проводил в «Фанелли». смелая девушка, Мэри зовут, стройна... мне интересно, ты хоть чуть-чуть ревнуешь? ладно, опустим, да и в постель пора. спи там подольше, если ложиться будешь.

милая Сьюзен, я бесконечно твой и для себя, пожалуй, нашел ответы. я разделил бы целую жизнь с тобой...

только скажи мне, Сьюзен, родная,

где ты?...

Алина Шафикова

Алина Шафикова или просто Девочка из Челябинска. Приехала в Варшаву после школы, когда мне было 17 лет. В сером бетонном городе хотелось какой-то лёгкости и свободы. В какой-то момент попала на одну из встреч Гильдии Поэтов в Эмиграции и влюбилась в атмосферу и людей. Стихи для меня – это способ выражения собственных мыслей и наблюдений. Каждое произведение – это маленькая история, созданная из одного образа, момента или слова.

ГЛАЗА

Помни, сухие глаза не выносят резкости,
Они слишком устали от пыли-колкости.
Не хватает порой им стойкости
Ко всему вокруг.

Посмотри, сколько в них боли-горести,
Им уже не до нежности или скромности,
Даже смелости или доблести.
Им вообще уже просто не...

О сокрытом за ними можно писать и повести,
И рассказы о преданности и совести,
И романы о страсти и гордости,
И о потерях плач...

Кто-то скажет, слепы они уж от старости,
От того, что видели море гадости.
Или прикрыты, так, от усталости,
Но они-то зрят.

Они уже не замечают фальшивости,
Этого гнилья, этой вшивости.
И только поиск наивности
Придаёт им сил.

Вера в то, что за пеленой этой самодовольности,
Этой похоти-страсти и непокорности,
За воротом пальто-условности
Прячется Человек.

20–22.03.2017

ДАМА

Тоска, одинокая дама в чёрном
Длинном платье считает до ста
Тысяч или быть миллионов...
Я не вижу уже конца.

И минуты или секунды разрываются на куски –
Пролетают и задевают, бьются блюдцами вдребезги.

Дама медленно и вальяжно
Измеряет здесь пустоту.
Простоту её шага даже
Помню я, когда крепко сплю.

И ни слова не проронили
Губы цвета огонь-беда,
Просто мы с ней уже сроднились,
И тоска теперь это я.

15.10.13

Напиши обо мне свою грустную песню,
Расскажи, как бежала я в ситцевом платье
По полю, где вкусно пахло полынью,
Разноцветие трав так пестрило убранством.

Сбирала я лютики, клевер, ромашки
И вплетала себе одуванчики в косу,
А тебе васильки приколола к рубашке, –
Они больше подходят, чем всякие розы.

Над поляной, жужжа, пролетали стрекозы
С крыльями, будто бы из целлофана,
И по платью из ситца оттенка мимозы
Божья коровка ползла и взлетала.

А потом ты играл мне на старой гитаре
Колыбельную ветра и что-то из Цоя.
Солнце горело, как край у сигары,
К нему поднимал ты свои цвета моря.

Напиши ты о том, как горели зарницы,
Как сверкали глаза и пылали ланиты.
Все моменты остались в надёжной гробнице,
Их закрыли навеки тяжёлые плиты.

А потом поле то занесло суховеем...
Солнце выжгло узоры на сердце твоём.
Лёгкий ветер принёс шёпот, тихо повеет,
Что на свете умрёт всё, но мы не умрём.

Васильки те хранятся в какой-то из книжек,
Если честно, ты даже не помнишь, в какой.
Знаем оба, зачем ты вернулся, поникший, –
Чтоб душе наконец-то моей дать покой.

Ведь в руках у тебя в жёлтой тряпке коробка,
Из которой развеять ты пепел пришёл.
Не смотри на неё так тоскливо и горько,
Ты же музу для песни печальной нашёл...

ПЕСНЬ ВЕТРА

Я буду северным ветром над фьордом,
Который свободен, колюч, бесконечен,
Я буду дышать на замерзшие щёки,
Чтоб видеть румянец на них столь беспечный.

Я шёпотом буду звучать, еле слышным,
Который разносит трава молодая.
Пускай он ласкает твой слух мелодично,
А милые речи возносят до рая.

Укрою тебя одеялом тумана,
Настилом послужит зелёная свежесть.
Я спрячу тебя так от зла и обмана,
Жаль, это не может продолжиться вечность.

Открою тебе тайны звёзд и галактик,
Раскинувших купол, бездонный и мрачный,
Постигнешь азы древних магий и практик
И истину мира, что так прозрачна.

Уснув под мою аквилонову песню,
Увидишь, как где-то в одном из миров,
Борею на зло, мы все-таки вместе,
Но здесь я – лишь ветер, ты – путник с дорог.

ПИАНИСТ

Ты пианист, сыграй-ка мне,
Сыграй мне что-нибудь родное,
Чтоб в предрассветной тишине
Услышала я то сквозное,
Что ускользнуло от меня
В минуты счастья и покоя,
Что потеряла я тогда,
Когда была в пучине моря.
Ты знаешь, что сыграть такой,
Которая ночами пишет
Стихи и строки о тебе,
Чужом и нужном, но промокшем
Под ливнем обещаний лживых,
Людей, которых для наживы,
Придумал черт от скуки.
Сутки. Не буду я дышать, пока
Играешь ты, пока жива
И мелодичны переборы,
Что вылетают из рояля,
Ведь я так в жизни не играла,
И сроду больше не смогу.
А потому играй, мой милый,
Пока есть в теле твоём силы,
Пока душа, подобна лире,
Поет и рвет всю ложь извне.
И мне ты передай немного
Той силы духа, что в тебе
Играет клавишами Бога
И свет дает в кромешной тьме.

НАДРЫВ

Надрыв.Разрыв.Вселенная,
Поломанные кости
Ключицы и веления
Безумия и злости.

Порыв.Стена.Стенания
Души, подобны людям,
Отправленным в изгнание,
В котором нет иллюзий.

Стихи.Стихийно.Пламенем
Зажги угли в ночи,
Прости.Нет сил.Утаивать
Огонь, что жжёт в груди.

Уйти.Умчать.Условиться,
Что не спалю дотла
Те мысли, ту бессонницу,
Что мучают тебя.

БУНТ

Разбей корабль, бунт устрой,
И наведи его на скалы,
Чтоб пламя ярко полыхало
В туманной заводи ночной.
От столь внезапного веселья
Душа наполнится смятением,
А следом ты махнёшь рукой,
Чтоб сбить слепое наваждение,
Чуть отдающее тоской.

Рви парус, яростно и жадно,
Танцуй на палубе пустой.
И, не жалея голос, рьяно,
Взывай к пучине ледяной.
Откликнется морская пена,
Подвоет ветер, чаек крик,
Благословив на продолжение,
Не останавливая пение,
И небо лунный явит лик.
Забудь, что было в жизни прежде,
Перед тобой простор большой!
Налей ты рома, что покрепче,
Запой и снова ринься в бой!
Против стихии, столь капризной,
Не другом, но и не врагом,
Доверившись удаче чистой,
Несись упрямо в небосклон!

НЫТИКИ

Знаешь что, моя милая,
Я поняла лишь одно:
Мы с тобой дуры спесивые,
Все наши речи – нытьё.

Это и ад, и пророчество,
Наша судьба и отрада,
Нытики – это нам отчество,
Нытики – это нам правда.

Вот на чём мы с тобой держимся,
Вот за что можем убить,
Ноем и ноем, две грешницы,
Мы не умеем не ныть.

Анхела Эспиноса

Анхела Эспиноса (гэта першае і галоўнае прозьвішча) Руіс (гэта другое прозьвішча). Нарадзілася ў Малазе (Іспанія), пішу вершы пераважна на беларускай мове. Скончыла магістратуру па беларускай філялёгіі ў Варшаўскім універсітэце, цяпер аспірантка ў Мадрыдзе, дасьледчыца беларускай літаратуры. Апублікавала тры аўтарскія зборнікі і анталёгію перакладаў М. Багдановіча.

Надзор'е (нізка)
Ліра-парадокс
Мнесьніўсявершучора...
І большзатое – цэлаяпадборка,
Тамціхімсталамора,
А разьвітаньне – горкім,
І мігацеладасьвітаннязорка.
Там я былапаэткай.
Твойвобраззамэтафарамітонкі...
Былісухіякветкі,
І жоўтыястаронкі.
Мнесьніўсяверш, а сьніўсянеўзаметкі.
Мнесьнілісямысамі
Мнесьнілісязаўчаснаяразмова
І холадпаміжнамі,
І паміраласлова
Навуснах, пацалункамміжрадкамі.
Накрылах, надзямлёю,
Мнесьніласякаханьне, што з санэтаў:
Нанебемы з табою
Ляцелі, яккамэты,
Паднамі – паралельныясусьветы.

Няплачу, несумую, нешкадую,
Штотрохіпахадзілапазямлі,
Ботымянекахаўяшчэжывую,
Бомы з табой, хоцькоратка, былі.
Нагэтымсьвецешматупадабала:
Паветра, мора, сонца, сьнег, сяброў,
І сьмех, якоганамзаўждызамала,
І вечна-мімалётнуюлюбоў.
Каханьнепалюбіла, пацалункі,
І вечар, яксьпяваесалавей,
І словы, песьні, танцы, мары, думкі,
І позіркігарэзьлівыхвачэй.
А сённяўжопара – дадомутрэба.
Усё, штомела, я бяру з сабой.
Няплачамне: глядзіяшчэнанеба,
Далейзанебасхіл, надгалавой...
Тамзоркі, штолунаюцьнадплянэтай
Раскрыюцьцалкампраўдупрамяне:
Якдавялосяжыць – дыкжыцьпаэтам.
А дыхаць і пісаць – яквецердзьме.
Бяскрыльле
Ляціць! Сьнегляціцьнадплянэтай,
І зьзяеагоньнебасхілу,
Сьняжынкіятуць, яккамэты
Малітваўдызорнагапылу.
Палярнаезьзяньнесусьветаў,
Тутвянесьвятло, якчарнілы.
Здаецца, я станупаэтам:
Сасьпіны ў мянерастуцькрылы.
Займаюццахмарыкаханьнем,
Пяшчоталяціцьнадзямлёю.
Павольнаквітнеемірганьне
Ружова-блакітнайкрывёю.
Восьночнараджаесьвітаньне!

Восьсьмерцьнараджаецца з гною!

Чувацьаднозоракдыханьне,

Восьцемраляціцьнадамною.

П'янеюсвятлом, і чакаю:

Стаюнадкасьмічнайдарогай.

Такясна, такблізкадараю,

Дрыжацьмаекрылыдыногі.

Ляціць! Сьнегляціць, забываю,

Навоштабясьсільле, зьнямога,

Бяскрыльлепадценемадчаю...

Якскочу – спытаюся ў Бога.

Самота

Толькі ў самоце

(У сьветлайсамоце),

Чалавекможа

Адчуцьсвабоду.

Толькісамотны,

Адзінадзіночны

Знаенадзор'я

Прыроду.

Толькікрылатай

Душойбудзешвечным

Толькідзіцячым,

Алемудрымвокам.

Толькізабытай

Сярэбранайпесьняй,

Станешадзінай

Самотнай

Істотай.

Размова

Тыказаў: нампарадарасьці, стацьдарослымітрэба.

Я табе: паглядзінаблакітнасьцьбязьмернаганеба.

Тыказаў: ужопозна, наперададчайдызмаганьні.

Я табе: воськвітнее, якружа, сьвятлопрадкаханьня.

Тыказаў: гэтысвят – гэтахолад, бясьсільле, труна.

Я табе: пасьявечнайзімыпрыйдзезноўкувясна.
Тыказаў: наздаўнозагубіўпершароднынашгрэх.
Я табе: каліўпалі з табой, дыкякзьнічкі, яксьнег.
Тыказаў: толькірозум і больнаязмлінастрымаюць.
Я табе: чуюстолькілюбові, зірні, я ўзьлятаю!
Тыказаў: несыходзь, неўзьлятай, заставайсязямною.
Я табе: тынябойсяляцець, заставайсясамною.

Элегія

Салавейміжлістотай і плача і сьпявае,
А воўкз'ядаевечар, і плача, і сьпявае,
І ластаўкананебе і плача, і сьпявае,
Нясетваюдушудановаевясны.
Тыпаўсюдны, тывечны, а цябенехапае,
Ты ў часе і ў прасторы, а цябенехапае,
Ты ў сьмерці і ў жыцьці, а цябенехапае,
Сьпяваеноч і плачападбязьмернымнадзор'ем.
Сьвітаньненепрыходзіць. Тыпадкоўдраюзорак
Халодныхсьпіш. А цішапануенадзямлёю,
Плянэтанадтабою і плача, і сьпявае,
Я немагупаверыць, штоцябенепабачу.
Наштотадымневочы? Я цябенепабачу.
Наштотадымневушы? Я цябенепачую.
Наштотадымневусны, і рукі, ногі, сэрца?
А духмойпершабытны і плача, і сьпявае.
Хацела б дакрануцца, хоцьпальцамнасэкунду,
Пакінуцьнасекундукрыжсваіхуспамінаў,
Шторазрываескурудагарачайкрыві...
Падняць, хоцьнасекунду, тойкрыжтваіхабдымкаў.
Салавейміжлістотай і плача і сьпявае,
А песняўжонятая, боцябенехапае,
І зоркіўжонятя, і пакутынятыя,
А я ўзьлятаюціханадцёмнымнебасхілам.
Сьпяваенеба й плача – цябенямасамною,
А сьціхдаўномайголас, і скончылісясьлёзы,

Наштотадысусьвет? Безьцябеёнпусты,
Чарнатазалюляе, і сплюзаўждыбязсноў.

ЗАКАХАЦЦА

Я хачузакахацца ў цябебезадказна,
Пазірацьнацябе, хоцьупотай, здалёку,
І згарацьадлюбовіўнутрыневыказнай,
І ўздыхацьбезнадзейна, цярпецьадзінока,
Абыцшыццапаглядам, жэстамцімарай,
І кабкожнаесловаўздымаладанеба,
Непакіну я ў сэрцыбалючагашнару:
Я хачузакахацца, мнеболеянятрэба,
І кахацьбезкаханья, а значыць, бязверы,
І стаяцьнакалені – маліцца, якБогу,
І пісаць, штокахаю, аднонапаперы
Існавацьдляцябе, нечакацьбольшнічога.

Яжывуваўспамінахабціхітваіхпацалунках,
У халоднайбялізьнежыву, і ў начнойглухаце,
Яжывуўнутрыкніг: у забытыхстаронках і думках,
У паветры і ў бруднайзямлі; і паўсюль, і нідзе.
Язаморамжыву, залясамі й гарамі, далёка,
Яжывузанадзор'ем, у цемры, жыву ў забыцці,
Янакрылажыву, і ў самоцелячужывысока,
Яжыву, нежыву, дыстамляюся ў гэтымжыцці.
Будужыць, якпаклічаш, з табоюнагэтаіплянэце,
Аднословатваё, хоцьадно – нараджусяязноў,
Хачужыць, прызнаюсяяшэптамтабе, натымсьвеце,
Дзежывемаладая, сьвятая, зямнаялюбоў.

МАРСКИЯЎСПАМІНЫ

Калімесяцкупаецца ў моры,
І вадапранікае ў сьвятло,
Каліхваліхаваюцца ў цемры,
І сьпяваюцьрусалкібязслоў,
Калівецернясетваеброі,
Калірыбагаворыцьсамной,
Калілеталяціць і зьнікае,
Каліхмараўсярэбранырой,
Тадыбачу ў снахтое, якразам
Мыхадзілі: тойчасзалаты.
Яккахалісямесяц і мора!
Як з табоюкахалісямы!

ПЕРШЫСЬНЕГ

Занятаесэрцаблакітнайжурбою,
З'ядаемянепершабытныўраган.
Ужонежывубезьцябені з табою,
Цалуемневочыхалоднытуман.
Занятаявуснычужымпацалункам,
Лятуцьлёгкакрылыясловы, лісты,
Дала я свабоду і марам і думкам:
Лятуць, быццамластаўкізлойглухаты.
Занятаярукіпрыглушанайзоркай,
Маўчаньененаднамілунае, якгрэх,
Няўзнакчырванеесьвятлоадвячорку,
І падаеціхасярэбранысьнег.

КАЛІВЕРНЕСЬСЯ...

Калівернесься, і буду я статуяй,
Сумным помнікам забытаму каханьню,
Прыпыняйся, падарожнік, і падумай,
Якучорасэрцабілася ў чаканьні.
Помні, мілы, штостаялаўдзень і ноччу,
І падумай, як балючыя гады:
Незабудзь: і кроў мая была гарачай,
Гэты камень быў халодным... Незаўжды.

ВОСЕНЬ, ДОЖДЖ, ВЕЧАР

\Восень, дождж, вечар. Помніш спатканьне?
Падалі зоркі з неба, як сьнег.
Дотыкі, ласкі, стогны, дыханьне,
Дрыжкі, шэпты, срэбраны грэх.
Помніш той вечар? Ці хадзіў вецер,
Вецернёсрэха стагаласоў,
Мы засталіся самі насьвеце:
Мы з табой, ложка, холад, любоў,
Помніш той вадарсяродлістоты
Восеньскай коўдры, дымзалаты,
Сьмех і сумневы, сум і пяшчоту.
Сэрца, прызнайся: помніш і ты?
Помніш той вечар? Думаю часам,
Не пакідае даўні ўспамін:
Вечнымі сталі, вечнымі разам,
Цэлая вечнасьць – дзесяць хвілін.
Вецер падняўся – з горыччувых,
Чуеш? Торэха песьні дажджу.
Ноч пранапомніць, мышчэжывыя,
Я не забуду, я не хачу.

НЕБАСХІА

Паглядзелаўгару: небасхілнасьвітаныні, яксон,
 Пелідзесьсалавей з жаўрукомідэальныўнісон,
 Былопозна й зарана: нікомунябачнамяне,
 А паўсюльбылоясначуваць– адзінотапаяе.
 Але ў сьпевахкасьмічнайсамотыгучалалюбоў:
 І прачнулася ў целераптоўнагарачаякроў.
 Падымалісяногіпавольна, няўзнак, надзямлэй:
 Маекрыльжадаюцьпрыгод, безьцябе, ці з табой.
 Паляцеладанебавысока, таклёгка, якпыл,
 Надамноюлуналанадзор’е; ляног – небасхіл,
 І разьвеяўсяціхатуманмімалётныхначэй,
 Нарадзіласяраптамсьвятло – і замоўксалавей.
 Нарадзіўсясусьвет, нарадзіласязноўкусама:
 І быловідавочна – сыходзіцьбязсловаўзіма,
 Дачакаласяпромяўзабытыхнадзейзалатых,
 Можабыць, нездармазасталасянасьвецежывых.

АПОШНІПАЛЁТ

І мнесёньнянарэшцэпара: дасваіхузьялятаю,
 Пасьлядоўгіхгадоўлетуценьняў, пакутаў, чаканья,
 Бонагэтымжасьвеценіштоўжомяненетрымае:
 Што ж мнетутхараство, асалодадынаваткаханьне?
 Знаюмесца: высока, тамгорад, быццамнадалоні,
 А паветратамласкавымробіццаноччу, яксон.
 Вынябойцеся: я зьнікнухуценькавунь з падваконьня,
 А душапаляціцьданябёсаўсьвятымдзьмухаўцом.
 Застануся і ў вершах, і ў песьнях, мабыць, ваўспамінах,
 Была з вамішчасьлівай, сябры, дыйтамунепамру.
 Абяцаю: нагоркіясьлёзынябудзепрычынаў,
 Вольнакрылаюптушкаюзноўкуўзьлятаюўгару.

Маярадасьць, тызнай, замянехваляваццанятрэба:
Станесумна – шукаймяне ў зорках, у кожнайпланеце,
Заўтрабудуць з табою і сонца, і мора, і неба,
Заўждыпомні: з табоймнебылонаватдобранасьвеце.

ОСОБЫЙ ГОСТЬ

Чен Ким

Здравствуйте. Как это хорошо, что в мире есть люди, которые пишут стихи. Дело это совершенно не нужное с точки зрения экономики и всего такого. Но на самом деле поэзия для этого мира – одно из важнейших занятий. Ведь наличие таких «неполезных» вещей и само существование поэтов больше говорит нам о присутствии Бога, чем все остальное наше окружение. Пишите стихи. Удивляйте этот мир. Радауйте Создателя и радуйтесь сами. Ура вам!

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ БУДУЩИХ СЕРИЙ

Я подымусь на палубу парома.
Похоже, есть свободные места.
На шее ключ болтается от дома –
Мой детский дубль нательного креста.

Мы будем плыть по тихим темным водам,
А вот и пристань в свете фонаря.
Мы прибыли. Мы все отсюда родом.
Что будет дальше? Честно говоря,
Мне неизвестно. И никто не знает.
Там – по другую сторону ворот
Открыться может что-то вроде рая.
А может быть совсем наоборот...

«Какие будут ваши документы?» –
Охранник пахнет луком и вином
Для смеху, видно, говорит с акцентом,
Как русский в старом западном кино.

Советский паспорт вынул из кармана,
Свидетельство о смерти и права.
Он мне вина плеснет на дно стакана.
Закружится маленько голова.

– Ну как тут жизнь?
– Про «жизнь» – смешная шутка.
Да ты садись, чего как не родной?
– Спасибо. Постою. Я на минутку.
– Опять смешно. Ведь там за проходной
Нет времени... Бывал на службе в храме?
Там нет ни «до», ни «после», ни «теперь».
Там будет все и сразу.
– Как в рекламе?
– Намного круче. Ты уж мне поверь...

Я понял всё. Стою – смеюсь и плачу.
Смеюсь и плачу. Просто как дурак.
– «Не ссы, мужик, иди вперед! Удачи!»
Я дверь открыл. И сделал первый шаг...

Налево – ад. А в рай идти направо.
Метнулся в рай, споткнулся и упал.
Разбил коленку. Сильно так, кроваво.
И на раю настаивать не стал.

Свернул налево... Метров десять где-то
Хромал до черных адовых дверей.
Звоню. «Кто там?» – «Ну, как сказать, ну, это...
Клиент, кароче» – «Заходи смелей!»

– «Так ты поэт? Вот чистая рубаха.
Перо, тетрадь и прочий инвентарь.
И милости прошу!». Я аж вспотел от страха.
Гляжу – аптека, улица, фонарь...

Наталья Лясковская

Дорогие братья и сёстры по поэтическому слову, всем сердцем присоединяюсь к вашему сообществу, которое собралось по столь замечательному поводу – выходу в свет Альманаха гильдии поэтов, живущих в эмиграции! Уверена – в этот день будут звучать самые разные талантливые и яркие стихи, прозвучат хорошие песни. Призываю вас: общаясь, уважайте чужую тайну жизни – ведь поэзия это и есть жизнь, и всё в ней – лишь повод для стихов. Любите и берегите друг друга!

я – та ещё этнографическая глина
основа жизнедавчего кувшина
где примесей кровавых до хрена
кружит по венам корогод старинный
шопен даёт дрозда шампанским винам
шевченковская пляшет катерина –
и не она поверьте мне одна

ах в дерзкой юности мечтала я бывало
что я губастенький потомок ганнибала
и гены гения в кудрявой дээнка
как диво-лебеди сплетясь любвеобильно
слова лабают сладостно-лабильно –
а мне на мозг как бы на кнопки в мобильном
лишь нажимает некая рука

глубок недуг но лечится – отчасти
настоем горьким одиночества в несчастьях
наждак потерь опять же дружбы криз
да капельницей лет – родной сестрою
часов песочных что ночной порою

секунд икру – чуть я кувшин раскрою –
с созвездий осетриных мечут
вниз

и что бы мне не насладиться жадно
икринкой каждой рыбно-виноградной
в надтреснутый кувшин набрать вина
упиться вусмерть куражом весёлым
и дышащим в затылок новосёлам
в крови которых спрайт да пепси-кола
устроить – разбегайтесь вот она

но нет –
я всё в слова
переливаю
жизнь отдаю – и снова оживаю

Spis treści/Содержание

Вступительное слово/Przedślowie	3
---------------------------------------	---

ПОГРАНИЧЬЕ ТЕКСТОВ, КУЛЬТУР, СМЫСЛОВ

Patrycja Szytek	9
Алина Шафикова	15
Alina Szafikowa	16
Александр Солдатенко	22

ГИЛЬДИЯ ТЕКСТОВ, КУЛЬТУР, СМЫСЛОВ

Мария Анищенко	27
Эльмира Ахмедова	30
Надежда Богословец	36
Екатерина Бочарникова	45
Александр Вахитов	48
Андрей Власенко	57
Наталья Володько	59
Стася Глинник	75
Елизавета Горбенко	78
Андрей Джером	85
Владимир Еремейчук	88
Землит	95
Ваня Каменев	104
Анна Карпова	106
Георгий Козловский	112

Александра Корончик	114
Анастасия Котлинская	119
Алесь Круткин	124
Лавров Максим (Женя Белик)	129
Елизавета Матвеева	141
Маргарита Минкевич	144
Барбара Морриган	151
Роман Осинский	157
Дмитрий Разин	165
Анна Романенко	181
Ольга Самохина	196
Роман Святославович	198
Анна Седышева	203
Солдатенко Александр	216
Жанна Хабанова	230
Алина Шафикова	250
Анхела Эспиноса	257

ОСОБЫЙ ГОСТ

Чен Ким	269
Наталья Лясковская	271

Литературно-художественное издание

Гильдия поэтов

Ответственный редактор Игорь Градов

Тексты публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 06.08.2018

Формат 60 × 84 / 16. Гарнитура «Таймс»

Тираж 100 экз.